

**Российская академия наук
Институт лингвистических исследований**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕТАЯЗЫКОВОГО
СЕМИНАРА
ИЛИ РАН
2015—2016 годы**

**Санкт-Петербург
Геликон-Плюс
2017**

УДК 81.373
ББК (2Рос=Рус)1
М 34

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Рецензенты:
канд. филол. наук *О. Н. Крылова* (Ин-т лингвист. иссл. РАН);
канд. филол. наук *А. Д. Еськова* (С.-Петербург. гос. ун-т)

М 34 **Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 2. 2015—2016 годы** / отв. ред. С. С. Волков, Н. В. Карева, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2017. — 286 с.

ISBN 978-5-00098-144-3

Во втором выпуске сборника «Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН» публикуются статьи, подготовленные участниками научного семинара «Метаязык авторской лексикографии», действующего на базе Института лингвистических исследований РАН. Они посвящены проблемам русской авторской и исторической лексикографии, в том числе вопросам метаязыка «Словаря языка М. В. Ломоносова», готовящегося в ИЛИ РАН, исследованию метаязыка зарубежных словарей и метариторических сочинений.

Издание предназначено для специалистов-лексикографов, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, всех интересующихся проблемами лексикографии и истории языка.

Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00438 «Разработка метаязыка словаря нового типа («Словарь языка М. В. Ломоносова»): теоретический и прикладной аспекты» (руководитель Е. М. Матвеев)

© Коллектив авторов, 2017
© ИЛИ РАН, 2017
© Издательство «Геликон-Плюс», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
О. В. Васильева. Метаязык «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков»	6
Е. В. Генералова. Лексикографический аспект синонимии в историческом словаре донационального периода	38
С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. Устойчивые сочетания в «Словаре языка М. В. Ломоносова»	59
А. С. Смирнова. Включение иноязычного материала в «Словарь языка М. В. Ломоносова»: предварительные наблюдения	114
В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Об одной особенности «Словаря русского языка XIX века»	125
О. А. Старовойтова. Описание семантики одного подтипа словообразовательной модели (к проблеме метаязыка в историческом словаре)	136
Л. Л. Шестакова. Принцип распределения стилистической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века»	145
А. С. Кулева. Об экспериментальном словаре усеченных прилагательных	160
А. В. Королькова. Заметки о структурной характеристике русских афоризмов	170
П. Е. Бухаркин. «Словарь языка Шевченко» и некоторые проблемы украинской авторской лексикографии	184
Т. Е. Аникина, Н. В. Сивенкова. Последователи и предшественники Л. В. Щербы	213

Н. В. Карева. Французские словари синонимов, эпитетов и поэтического языка (конец XVII — первая половина XIX вв.)	227
К. В. Манёрова. Развитие метаязыковой концепции для фиксации фразеологизмов в немецких словарях	253
А. К. Филиппов, К. А. Филиппов. К вопросу о метаязыке риторических произведений М. В. Ломоносова и И. К. Готшеда	270

От редакции

Настоящее издание продолжает серию публикаций ИЛИ РАН, которые представляют результаты деятельности научного семинара «Метаязык авторской лексикографии», неформального научного сообщества, объединяющего усилия филологов, занимающихся практической лексикографической работой. Семинар работает на базе Института лингвистических исследований в течение трех лет. За это время было проведено более двадцати заседаний, на которых обсуждался широкий круг проблем, связанных с теорией и практикой лексикографии: это общие проблемы лексикографии, проблемы русской исторической и авторской лексикографии, проблемы иноязычной (в том числе славянской) лексикографии, метаязыковые особенности риторических и грамматических текстов, лексикографические проблемы готовящейся в ИЛИ РАН серии словарей языка М. В. Ломоносова.

В заседаниях метаязыкового семинара ИЛИ РАН в 2015—2016 гг. и в подготовке статей для настоящего сборника приняли участие коллеги из различных подразделений словарного отдела ИЛИ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета (Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, кафедра немецкой филологии, кафедра славянской филологии, кафедра истории русской литературы) и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва). Редакционная коллегия выражает глубокую благодарность всем авторам статей, рецензентам сборника, а также дирекции Института лингвистических исследований РАН за помощь и поддержку.

О. В. Васильева*

Метаязык «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков»¹

Ключевые слова: историческая лексикография, язык Московской Руси, словарь, знак употребления, словарь полного типа, семантические пометы, стилистические пометы, грамматические пометы, функциональные пометы, сочетаемость лексем.

Статья посвящена анализу информации, представленной в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» за знаком употребления. Предлагается типология помет, за чертой употребления характеризующих слова и словосочетания в Словаре.

Борис Александрович Ларин задумывал «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» (далее: Словарь) как словарь дифференциальный, имея в виду то, что в нем не будет представлена церковно-книжная лексика: «Отбираем всё, что считаем не чисто книжным, не словами узкоцерковного применения или назначения» [Ларин 1993: 8]. Таким образом, объектом описания в Словаре становилась лексика, хотя и извлеченная из письменных текстов, однако в силу жанровой избирательности источников по возможности наиболее близкая живой разговорной речи самого конца донационального периода (XVI—XVII вв.) — времени, когда начинал формироваться единый, общепонятный разговорный язык.

Вместе с тем принцип дифференциальности используется в Словаре исключительно на этапе отбора материала, но отнюдь не на этапе его описания. Словарь обиходного языка

* Ольга Владимировна Васильева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ. Электронная почта: barcarola@list.ru.

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00110 «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков (седьмой и восьмой выпуски)».

Московской Руси по типу описания, безусловно, можно назвать словарем полного типа, как и другие словари, воплощающие ларинские принципы лексикографии, над которыми велась и ведется работа в Межкафедральном словарном кабинете (МСК) филологического факультета СПбГУ, кабинете, носящем имя своего основателя, Б. А. Ларина. Полным является «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС), поскольку он включает как диалектную, так и общерусскую лексику, записанную в экспедициях в Псковской области и представленную в псковских источниках. Полным является и «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (САТГ), поскольку в нем с исчерпывающей полнотой описаны все словоупотребления горьковской трилогии. Столь же полно описаны лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника в коллективной монографии учеников Б. А. Ларина [Моление] — и даже еще более полно, поскольку всесторонне проанализирован лексикофразеологический состав всех 19 опубликованных списков данного древнерусского текста.

Таким образом, «Словарь обиходного русского языка Московской Руси» наряду с названными завершенными и продолжающимися лексикографическими проектами МСК реализует важнейший ларинский принцип описания материала — принцип исчерпывающей характеристики всего имеющегося лексикофразеологического корпуса. При этом в последние десятилетия, когда ведется уже непосредственно составление словарных статей Словаря, возможности авторов существенно расширились по сравнению с тем временем, когда Б. А. Ларин задумывал этот проект. В основу Словаря положена бумажная картотека текстов Московской Руси, создававшаяся на протяжении второй половины XX века учениками Б. А. Ларина и учениками его учеников. При этом тексты относительно небольшого объема были расписаны полностью, то есть каждое употребление каждого слова было оформлено отдельной карточкой в картотеке. Но тексты объемные оказались представлены в картотеке далеко не полностью. Однако современные возможности электронной обработки источников

позволяют восполнить многие пробелы, возникшие при расписке источников на карточки бумажной картотеки.

Первую возможность получить исчерпывающую информацию об употреблении того или иного слова в корпусе достаточно большого количества текстов коллектив Словаря получил благодаря работе коллег из Казанского (Приволжского) федерального университета, под руководством профессора К. Р. Галлиулина создавших Казанский лингвографический фонд (http://www.klf.kpfu.ru/o_f.php) и любезно позволивших пользоваться их разработками. Из всего того, что представлено на сайте Казанского лингвографического фонда, источниками Словаря являются следующие интернет-словари русского языка, разработанные в Казанском университете: «Язык документов по русско-индийским отношениям XVII века», «Казанский край: язык памятников XVI века», а также четыре словаря, одноименных с последним, по языку памятников всех четырех четвертей XVII века («Казанский край: язык памятников первой четверти XVII века», «Казанский край: язык памятников второй четверти XVII века», «Казанский край: язык памятников третьей четверти XVII века», «Казанский край: язык памятников четвертой четверти XVII века»). Если суммировать данные, обработанные казанскими коллегами, в Казанском лингвографическом фонде представлено 1035 памятников (текстов), которые соответствуют по времени своего создания рамкам Словаря, в этих текстах насчитывается 984398 словоупотреблений, которые должны быть проанализированы при составлении выпусков Словаря. И весь этот гигантский объем чрезвычайно удобен в плане поиска нужных слов в контекстах их употребления. Таким образом, составителям словарных статей достаточно запастись временем и терпением для того, чтобы получить исчерпывающую картину использования тех или иных лексем в обработанных Фондом текстах.

Создатели Казанского лингвографического фонда планируют продолжать компьютерную обработку текстов XVII столетия: готовятся интернет-словари по документам русско-китайских и русско-монгольских отношений XVII века. Вместе с тем поиск исчерпывающего множества словоупотреблений в текстах

Московской Руси возможен и при помощи ряда компьютерных программ (в частности, программы AntConc.exe), и даже просто при наличии текста в виде word-документа, где система навигации (вкладка «Найти») позволяет выявить все контексты употребления слова. Таким образом, в настоящее время поиск словоупотреблений как необходимая подготовительная работа при составлении словарных статей стал совершенно иным, чем в середине XX века, когда задумывался Словарь и началось формирование его картотеки. Дальнейшая оцифровка источников Словаря позволит авторам в будущем действительно иметь в своем распоряжении исчерпывающую информацию об употреблении той или иной лексемы в памятниках-источниках Словаря.

Очевидно, что это необычайно важная, однако предварительная, техническая работа при создании Словаря. Именно она позволяет авторам реализовать идею Б. А. Ларина выявить и описать в словарных статьях не только все основные значения того или иного слова в данный период в текстах определенных жанров, но вместе с тем обнаружить и все смысловые оттенки и даже единичные особенности употребления описываемых слов. Во всех названных выше словарях, созданных или создаваемых в МСК имени Б. А. Ларина по его проектам, безусловно, реализуется заявленный принцип полноты описания материала, а это значит, что во всех указанных словарях в структуре словарных статей представлены не только выявленные самостоятельные значения слов, но и все обнаруженные их филиации (оттенки значений), а также все частные особенности бытования лексем, которые подаются за знаком употребления. Несомненно, что максимально полно воплотить идею словаря-тезауруса возможно на материале одного памятника, пусть даже представленного в большом количестве списков («Моление» Даниила Заточника), а также на материале трилогии («Детство», «В людях», «Мои университеты» А. М. Горького), где в распоряжении авторов словарей оказывается хотя и немалый, но все же заверченный, имеющий пределы, текст. Диалектный словарь полного типа, разумеется, может быть

тезаурусом только по принципу описания, разработки собранного материала, поскольку живая разговорная речь целого региона не может быть записана во всей полноте. «Словарь обиходного языка Московской Руси» по своей возможности дать исчерпывающее описание материала занимает промежуточное положение между словарями отдельных текстов и словарем говоров: хотя текстов, на базе которых создается Словарь, достаточно много (в каждом выпуске описана лексика порядка 300 источников), и круг их принципиально не замкнут (от выпуска к выпуску благодаря дополнительной работе членов авторского коллектива и отчасти студентов, проходящих филологическую практику, круг источников Словаря расширяется), всё же все эти тексты, даже и очень большие, конечны, и компьютерная их обработка сможет приблизить авторов Словаря к возможности обозреть весь массив материала. В настоящее же время, когда автоматизированный поиск применим пока не ко всем источникам Словаря, «Словарь обиходного языка Московской Руси», подобно «Псковскому областному словарю», может реализовать ларинскую идею только как ведущий принцип описания материала, лишь на базе отдельных текстов, существующих в электронном виде нужного формата, дающем абсолютно полную картину бытования тех или иных слов. В связи с этим совершенно очевидно, насколько необходимым для полноты описания материала в Словаре является перевод текстов в нужный электронный формат.

Вместе с тем даже представленные в картотеке и электронных источниках Словаря материалы позволяют достаточно полно показать бытование слов в источниках. Реализуя ларинский принцип описания материала, авторы Словаря активно используют в словарных статьях знак употребления, который вводит очень разную информацию об описываемых лексемах. Посмотрим, какой может быть эта информация.

К настоящему времени создано 7 выпусков Словаря, в каждом из которых описывается от тысячи до полутора тысяч слов. Конечно, от выпуска к выпуску состав словника варьируется с точки зрения преобладания слов той или иной части речи. Вместе

с тем в каждом из выпусков знак употребления используется весьма активно (от приблизительно 500 случаев в четвертом выпуске до почти 900 в седьмом). Поэтому для объективности картины были взяты для анализа первый и последний из составленных выпусков: в первом описаны лексемы от А до Бязь (1243 слова), среди которых преобладают имена существительные, знак употребления использован 627 раз, в седьмом выпуске описаны лексемы от Зажать до Зельный (1404 слова), среди которых преобладают глаголы и отглагольные имена, знак употребления использован 883 раза. Очевидно, можно считать такую подборку достаточно представительной и объективно отражающей использование знака употребления в корпусе Словаря.

Знак употребления (—) регулярно встречается в словарных статьях на лексемы разных частей речи. При этом информация, вводимая после этого знака, может быть как обусловленной, так и не обусловленной грамматическими свойствами описанных лексем. Поэтому логично выстраивать типологию не на частеречной основе, а на основе вида информации, вводимой за этим знаком.

Анализ материала показывает, что все, вводимое в Словаре за знаком употребления, группируется в такие блоки, которые можно условно назвать *Семантика*, *Грамматика*, *Стилистика*, *Функционирование* и *Сочетаемость*. При этом первые два вида информации о слове из перечисленных пяти являются обязательными в основной части любой словарной статьи, а оставшиеся три также могут относиться ко всей лексеме (или всему значению) целиком, то есть даваться не за знаком употребления, а при заголовке словарной статьи или при номере значения. Подача такого рода сведений о слове после черты употребления говорит о факкультативности данного свойства описываемой единицы.

Семантические пометы достаточно разнообразны, поскольку указывают на нюансы конкретных значений самых разных слов. Вместе с тем, их обобщение сделать в ряде случаев довольно легко, так как семантический сдвиг регулярно маркируется формулой «О ...». Так, за чертой употребления в статье на слово ал-

тын встречаем формулу «*О деньгах*», в статье **архангел** — *О дне архангела*, **батьюшка** — *О близком человеке*, **баба** — *О женщине-колдунье*, **брюшко** — *О человеке*, **булат** — *О поверхности стали*, **блюдо** — *О глиняной миске*, **богатырь** — *О казаках, оборонявших Азов в XVIII веке*, **борода** — *О зрелом возрасте*, бочка — *О пошлине* и т. д. Аналогично в статьях на имена прилагательные: **бревенный** — *О документах, содержащих сведения о бревнах*, **божий** — *О священническом чине*, **богоданный** — *О свойственниках по замужеству, женитьбе* и т. д. В седьмом выпуске Словаря эта группа употреблений также хорошо представлена; в статьях на существительные: **замша** — *О куске, отрезе такой кожи*, **запас, запасец, запасишко** — *О продуктах питания*, **здравие** — *О пожелании здоровья в прощальной формуле*; в статьях на прилагательные: **замысловатый** — *О еретиках*, **закладной** — *О документах, с помощью которых оформлялись залоговые отношения*, **зеленый** — *О цвете металлов и других химических соединений*; новое, что представлено в последнем выпуске в отличие от первого — это наличие данной семантической пометы в словарных статьях на глаголы: **запечься** — *О горле*, **зваться** — *О географических названиях*, **занашивать** — *О распоряжении*, **займовать** — *О продуктах, вещах*, **заколоть** — *О забивании скота*, **заклучить** — *Об ушном проходе* и т. д. Например: **Зваться**. *Обозначаться словом, иметь название, словесное обозначение. ... — О географических названиях.* Бдучи изъ Чернаго моря въ протокъ, на правой странѣ отъ бугазы десятинь съ пять съ длинныхъ, на берегу моря стоитъ столпъ, зовется то мѣсто Фонарь. *Арс. Сух. Прок., 10, 1651 г.* Появляется данная помета и в словарных статьях на наречия: **зде, здесь** — *Об определенном месте в какой-либо книге, письменном тексте.*

Зачастую одни и те же лексемы могут иметь не одно, а два или даже больше семантических употреблений: в статье на слово **брюхо** видим — *О чувстве голода* и — *О материнской утробе*, в статье **Бог** — *Об иконе, изображающей Иисуса Христа* и — *О земном наместнике Бога*, в статье **белый** — *О цвете одежды* и — *О белом мясе птицы*, в статье **бурый** — *Об окрасе шерсти животных* и — *Об оттенках окраса лошадей*. При этом такое се-

мантически богатое прилагательное, как **большой**, содержит целых пять знаков употребления семантической разновидности: — *Об одушевленных существах*, — *О периоде времени*, — *О природных явлениях*, — *О чувствах*, — *О чине*. В седьмом выпуске сосуществование у одних и тех же лексем разных семантических филиаций частного характера также представлено: **заказчик** — *О лице, взявшем подати*, а также — *О приказчике, управителе при архиерейских домах, монастырях, церковном старосте*, в статье **зарукавье** — *О такой отделке в окладе иконы* и — *Об изображении такой отделки на иконе*, **здравый** — *О теле человека* и — *Об отдельном органе, части человеческого тела*, в словарной статье на существительное **зверь** имеется три употребления данной разновидности: — *О Змее-искусителе*, — *О порохе*, — *Об антихристе*, а в статье на глагол **звать** — четыре: — *О животном*, — *О Боге*, — *О приглашении на царство*, — *О кличке животного*. Достаточно регулярно в Словаре, хотя в первом и седьмом выпусках представлено небольшим количеством употреблений, отмечается семантический перенос с человека на животное, которое маркируется пометой — *О животном* (например, в статье на имя прилагательное **больной**, а также на глагол **заморить**). Аналогичный семантический сдвиг (или ряд семантических сдвигов) отмечается не только у лексем, но и у фразеологизмов: > **Блудный сын** ... — *О человеке, покинувшем кого-л. в поисках новых мест, занятий, но впоследствии возвратившемся назад с раскаянием.* Но яко отецъ милосердаи сна блуднаго прими простертыми руками своими. *ПНРЯ, 135, XVII в.*

В Словаре имеется и другая семантическая информация об описываемых словах, которая дается за знаком употребления, однако уже не типизируется. Например, в статье на слово **агнец** за знаком употребления находим толкование *Изображение Христа*, в статье на слово **альфа** — *метон. Азбука*, в статье на существительное **азбука** — *Повествование о ком-, чем-л., части которого расположены по алфавиту*, а в статье на слово **барс** — *Изображение этого животного*. В последующих выпусках Словаря подобный тип информации вводится указанной выше формулой «*О ...*».

Стилистические пометы за знаком употребления в целом менее частотны, хотя в корпусе Словаря представлено большое количество лексики, стилистически ограниченной, а именно относящейся к деловой разновидности языка. (В меньшей степени это касается церковно-книжной и фольклорной лексики.) Однако она, как правило, получает соответствующий маркер уже при заголовке. Иногда деловую или церковно-книжную окраску носят отдельные значения нейтральных слов. Частные филиации, выделяемые внутри значений, не могут быть стилистически ограниченными. Поэтому за чертой употребления в Словаре представлена не стилиевая, а собственно стилистическая вариативность. Это такие пометы, как *образно* (при словах **берег, боярство, буря**, в седьмом выпуске данное употребление встречается 16 раз — при словах **закататься, залететь, замок, заплатник, зарости, заря, засохнуть, звук, здесь** и др.) и в *образном контексте* (при словах **затвориться, заход, зверохищный**), *ирон.* («ироническое», оно же в *сатире* — при словах **бессмертный, благодать, благословение, благословить, богатство**, а также при фразеологизме **блюда бог**), *бранно* (при глаголе **блуживать** и фразеологизме **блудный сын**), *шутливо* (при словах **борода** и **бородавочка**). В седьмом выпуске стилистическая помета *ирон.* за знаком употребления встречается в словарных статьях на лексемы **запечный, здоровать, здорово, здоровый, зелье**. Например: **Заплутай. Кто сбился с пути.** — *образно. О никонианах.* Да и заплутаев тех Бог простит, кои меня проклинали и стригли: рабу господню не подобает свариться, но кротку быти ко всем. *Авв. Письма, 194, 1669 г. Богатство. Большой достаток, благосостояние.* ... || *Значительное имущество, материальные ценности.* ... — *ирон.* Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос, и всем своим богатством недостаточен. *Азб. о гол. и небог., 30, XVII в.*

Грамматические пометы за чертой употребления внутри словарных статей весьма многочисленны и также выделяются в корпусе Словаря очень хорошо. Пожалуй, самый большой блок грамматических помет за знаком употребления касается нюансов глагольной сочетаемости. Так, у глагола **бегать** выделяет-

ся 5 грамматических употреблений: — *от кого*, — *от чего*, — *с чего*, — *к кому*, — *чего*, у глагола **заимовать** — также: — *на кого*, — *на что*, — *во что*, — *у кого*, — *без доп.* (последнее употребление тоже выделяется, поскольку глагол в целом переходный), у глагола **занять** — *чем*, — *у кого*, — *в ком*, — *во что*, — *к чему*, глагол **заплатить** помимо обязательного общего распространителя, указанного при значении (*что*), имеет еще 6 частных распространителей: — *кому*, — *за что*, — *за кого*, — *чем*, — *что*, — *безл., кому чего*.

В 7 выпуске Словаря представлено огромное количество глаголов, переходных и непереходных, имеющих частные грамматические употребления, которые обусловлены семантикой слов:

— *чем*: в статьях **зажать, заклиняться, заколоть, закапывать, заливать, замахиваться, замеряться, замкнуть, заморить, замучить, занемочь, заорвать, запасать** и мн. др. Например: **Заливать 1. Несов.** → *залить 1. (О воде. Покрывать сплошь, затопить)* ... — *чем*. А которая ж нива не толко что воды есть внутри всегда налита. но еще и чрез велию часть году бывает водою прикрытая и заливаная. *Моск. письм., 354, 1676 г.*

— *во что*: в статьях **зазирать, закапывать, засылать, затрубить, звонить, запереться, записать, засадить, зашить, зачесть**. Например: **Звонить 1. Бить, ударять в колокол (било, клепало), производя характерный звук.** ... — *во что*. В будило отзвоня да и в другие звонят в малые, дондеже братия соберутца. *Обиходник Никифорова, 107, 1656 г.*

— *за что*: в статьях **запереть, заложить, заступить, заслужить, зацепить**. Например: **Зацепить 1. Случайно задеть при движении.** ... — *за что*. Закипел сердцем Черкасский князь, во гневу из-за стола выскочил, на бегу за стол зацепил, девяносто скамей повалил, полтора гостей подавил. *Ист. песни, 202, XVI в.*

— *подо что*: **Заотвести. Выделить, предоставить в чье-л. пользование, владение что-л.** ... — *подо что*. А под пашню и под сеньные покосы и под двор и подворовое строение и под огород... и подо всякие деревенские заводы и угодя земли нигдѣ не заотведено. *Сл. Нерч. I, 288, 1707 г.*

— *кому*: в статьях **занадобиться, здоровать, заказать, заплатить, зговорить, запустить, заслужить**. Например: **Занадобиться**. *Оказаться нужным, необходимым, потребоваться*. ... — *кому*. Он [Григорий Богданович] бы пожаловал за тем не поставил ссудил бы меня заочно а я [Федька Зиновьев] ему тотчас отошлю хоте к Москве с надежным человеком будет ему скоро занадобнице деньги. *Грамотки, № 171, 1697 г.*

— *к кому*: **Зайти** 1. *Прийти куда-л., к кому-л. ненадолго, мимоходом*. ... — *к кому*. Я пошелъ отъ его двора и зашелъ къ иноземцу на дворъ земляного городского дѣла къ мастеру къ Томасу Филису. *АЮБ I, 644, 1646 г.*

— *чему*: в статьях **зазреть, заповедать**,

— *по чему*: **згодиться, зашибить**. Например: **Згодиться** 1. *Прийти к согласию с кем-л., достичь соглашения с кем-л.* ... — *по чему*. А на докончанье наказ королевской был о царском титуле, толко б государь ваш по тѣмъ по всѣмъ статьямъ, каковы мы дали бояром, згодился. *Польск. д. IV, 115, 1602 г.*

— *к чему*: **звать**,

— *кого*: в статьях **заповедывать, здравить, зазирать, запретить, запрягать**. Например: **Здравить**. *Излечивать от болезней, делать здоровым*. ... — *кого*. Имянины имянника здравять. *Сим. Послов., 110, XVII в.*

— *у кого*: в статьях **залежаться, занимать, заночевать, записываться**. Например: **Залежаться** 1. *То же, что залежать* 2. *(О документе, письмах. Остаться без движения, не быть переданным, отправленным.)* ... — *у кого*. Се язъ сотцкой старой Яковъ Дмитреевъ сынъ, что у меня протори земские залежались отъ лѣта 7058 го сочтены, а не розрублены были за поголовнымъ учетомъ. *А. Лодом. ц., 40, 1554 г.*

— *на кого*: в статьях **закричать, замахнуться**. Например: **Закричать** 1. *Начать издавать крик*. ... — *на кого*. Язык уж наш во устах наших на бусурман закричать не воротится. *Пов. аз. ратн. сид., 76, 1642 г.*

— *про кого*: **Запеть** 1. *Начать петь*. ... — *про кого*. Эх, запоем про царя [Ивана Грозного] мы про белого споем царя. *Ист. песни, 101, XVI в.*

— *за кого*: **Заступить** 1. *Поддержать кого-, что-л., оказать помощь*. ... — *за кого, за что*. И по том всѣмъ срдцемъ скланяемся [жители Гданьска] и надѣмся на млсрдого Бга что он за нас и за сеи ншь городъ млстиво будет заступитъ. *В-К V, 113, 1656 г.*

— *на что*: **згодиться, звать**. Например: **Звать** 1. ... || *Приглашать в гости, приглашать прийти в связи с каким-л. событием*. ... — *на что*. Егда звань будеши кимъ на бракъ, не сяди на преднемъ мѣстѣ. *Дм., 23, XVI в.*

— *про что*: **затеять**,

— *от кого*: **залезть, заступать, запустошить, защищать, зачаться**,

— *чего*: **запираться, записывать, заслонять, захотеть, захотеться**,

— *от чего*: **затушить, запустеть, заскорбеть, заступитъ, зашитить**,

— *из чего*: **застрелить, здымать**,

— *до чего*: **запить, зашибить**,

— *кем*: **заслонить, заставить, захватить, зарекаться**,

— *с кем*: **засудиться, звячь, замириться**,

— *перед кем*: **запереться**,

— *за кем*: **затворить**,

— *о ком*: **заступить**,

— *за чем*: **залежать, заслать**,

— *в чем*: **замерзнуть, застановляться, застать, застращать, запереться, записать**,

— *о чем*: **запечалиться, заупрямиться, замедлить**,

— *на чем*: **запереться, засесть**,

— *с инф.*: в статьях **зазывать, закликать, начинаться, начинаться, затеять, заставить**. Например: **Заказать** 1. *Приказать, наказать*. ... — *с инф.* И всѣ карабли и всякие суды которые здѣс есть и тѣмъ заказано расходитца для перевозу ратныхъ людеи в Цесарскую землю. *В-К III, 121, 1646 г.*

— *с придат. предлож.*: в статьях **замышлять, заказать, закричать, звать, запираться**. Например: **Запираться** 1. *Несов. → запереться* 2. *(Не признаться в чем-л.; отрицать свою*

виновность в чем-л.) ... — с *придат. предлож.* И на судъ, государь, онъ Елизарей... въ томъ запырался, что онъ у меня денегъ не имываль. АЮБ I, 644, 1646 г.

— с *отриц.*: **заставывать**,

— *безл.*: в статьях **замешаться, зарушить, затравиться, зацепиться, звенеть, звести** и мн. др. Последнее употребление типологически отличается от предыдущих, поскольку маркирует не наличие зависимого слова, а использование личного глагола в безличной форме. Например: **Замешаться 1. Прийти в волнение; начать выразить недовольство.** ... — *безл.* Как от Азова города голова и толмачи приехали в своя турецкия табары к пашам своим и сказали наш ответ, в их полках у них в те поры замешалось: почали в трубы трубить в великия для собрания силы и полков. *Пов. аз. ратн. сид.*, 71, 1642 г.

Зачастую, как уже было сказано, глаголы могут иметь целый ряд разных грамматических употреблений. Но иногда за чертой употребления встречаются сдвоенные грамматические пометы: **заменять** — *что на что*, **замешкать** — *чем в чем*, **запретиться** — *чего у кого*, **засесть** — *кого кем*, **заслужить** — *что кому*, **захлебнуться** — *кому чем*, **зашивать** — *кого во что*, **здоровствовать** — *кому в чем*, **закладывать** — *безл.*, *чем* и т. д., и даже строенные: **засвидетельствовать** — *что кому чем*. Такие пометы указывают на одновременное использование в предложении двух или трех зависимых от глагола единиц (либо, в случае употребления пометы *безл.*, на одновременное использование личного глагола в безличной форме и зависимых слов при нем). Например: **Засесть 2. Захватить, завоевать.** ... — *кого кем*. И литовской де корол Владиславъ прусково ксенжа засълъ своими людми. *В-К II*, 141, 1644 г.

И хотя глагол — несомненный лидер по количеству грамматических филиаций, они также характерны и для слов других частей речи. При именах существительных в Словаре встречаются следующие грамматические употребления:

— *мн.* Помета указывает на то, что лексема, для которой типично бытование в форме единственного числа, все же иногда выступает в форме множественного числа (**бедность, безделица, безделье,**

брага, здоровье, запасенко, запуск, замешанина и др.). Например: **Бедность 2. Бедственное положение, лишения, страдания.** ... — *мн.* А которые, государь, намъ, охотничешкомъ, въ прошлыхъ годехъ бѣдности были... и мы... били челомъ. *ДТП II*, 385, 1602 г.

— *ед. в знач. мн.* Помета указывает на отдельные случаи употребления формы единственного числа с грамматической семантикой множественности (при лексемах **алмаз, белка, бревно, белуга, боец, засыпка, зверь**). Например: **Алмаз. Драгоценный камень.** ... — *ед. в знач. мн.* Меликтчаръ два города взял... да казну их [князей] взял, юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу... да 100 юков товару дорогово. *Х. Аф. Нук.*, 25, 1472 г.

— *соби́р.* Помета маркирует отдельные случаи использования предметных существительных при обозначении совокупности предметов (при лексемах **здание, зарукавье**). Например: **Зарукавье 1. Украшение, отделка, которая пришивалась или пристегивалась крючками по краю рукава, манжета нарядной одежды.** ... — *соби́р.* Стихарь тафта бурская багрова, оплечие и зарукавье камка вишнева, опушка камка синя. *Сл. Каз.*, 85, 1568 г.; а также целый ряд грамматических употреблений, указывающих на падежную форму распространителя при именах существительных и прилагательных:

— *кого*: **артель, бесчестье, закон, записка, зарезанье, засылка.** Например: **Артель. Объединение лиц для совместного промысла, дела.** ... — *кого*. В мартѣ мсце послал гсдрь артел людеи и к двум юнгинским стругам для роди околки стругов. Грамотки. № 365, XVII — н. XVIII в.

— *чего*: **бато́г, заказ, законопреступник, закро́ец, запале́ние, запас, запах, заткание, заход, захождение.** Например: **Законопреступник. Кто нарушает законы.** ... — *чего*. Но токмо за наше согрешение послал нам Бог царя законопреступника еллинския веры, хочет нас привести к своей вере. *Пов. о Басарге*, 79, XVI в.

— *чему*: **боязнь, запече́ние, запре́щение, заце́пка, звание.** Например: **Звание 2. Название, обозначение, именованье какого-л. объекта или явления.** ... — *чему*. Да съ нимъ же Питиримомъ прислалъ книгу полскую бывшего Симанова монастыря архимандрита

Гаврила Домецкого, которая у васъ въ монастырь осталась послѣ его въ книгохранительницѣ, а звание той книгъ Иоанна Турекраматы (!). *А. Ивер. м., 994, 1702 г.*

— к чему: **Зазорчивый**. *Склонный к осуждению, порицанию чего-л. ... — к чему.* Ино зло племя человеческо: вначале пошло непокорливо, ко отцову учению зазорчиво, к своей матери непокорливо. *Пов. Гор.-Зл., 104, XVII в.*

— по кому: **заступушка, заступщикек**. Например: **Заступушка**. *То же, что заступник 1. (Кто защищает кого-л., что-л., заступает за кого-л.; защитник, покровитель.) — по кому.* По тоем Федоре Ивановиче, по нем не было никакого заступушки! *Ист. песни, 320, XVI в.*

— чем: **бессчастный, болезненный, больной, богатый, зарослый**. Например: **Бессчастный 1**. *Лишенный радости, счастья, несчастный. ... — чем.* И сестра ему [стольнику] ответствовала: «Полно, братец, издиватся! Что мне делать, когда я бесчастна моим прошением... просила ея [Аннушку] прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить». *Пов. о Фроле Скоб., 161, XVII в.*

— над кем: **большой**,

— с кем: **Брань 1**. *Вооруженная борьба между государствами, война. ... — с кем.* А ныня бран востала з шведам. *ИНРЯ, 145, XVII — н. XVIII вв.*

— с чем: **Бочка 1**. *Большой деревянный продолговатый сосуд с выпуклыми боками и двумя днищами. ... — с чем.* Куда ты бочку с желѣзной проволокой привез? *Разг. Хеймера, 7 об., к. XVII в.*

— о чем: **запрос, замешанина**. Например: **Замешанина**. *То же, что замешание (Волнение, смута). ... — о чем.* И в Полше великая замешанина о коруне. *В-К VI, 113, 1665 г.*

— в чем: **Заиковатый**. *Страдающий легким заиканием. — в чем.* А Карпушка Татарин ростом средней пустобород ус невеликъ волосы и глаза черны лицом смугль въ языке заиковат. *Сл. Ворон. II, 10, 1655 г.*

— на что: **згода**,

— за что: **заслуженный**.

В ряде случаев отглагольные имена существительные наследуют от производящего слова возможность иметь несколько разных распространителей:

зачин — чего, — чему,

защитение — чего, — чему, — кого,

запись — на кого, — кому, — чего, — в чем,

заступление — кого, — от кого, — чего, — в чем,

заплата — чего, — кого, — за что кому,

заступник — за кого, за что, — кому, — по кому, — к кому, — о ком,

заповедь — чему, — о чем, — о ком, — про кого, — кому, — с придат. предлож., — с инф.

Аналогично — в словарных статьях на имена прилагательные (**заобычный** — чему, — к чему, **здоровый** — в чем, — чему).

Отдельные существительные могут употребляться в качестве предиката, что маркируется пометой — в знач. сказ. («в значении сказуемого» — при словах **аминь, беда**). Например: **Беда 4**. *Неприятное, могущее иметь тяжелье последствия действие, происшествие. ... — в знач. сказ.* Женится беда а не женится другая а третья бѣда не дадутъ за меня. *Сим. Послов., 101, XVII в.*

В словарных статьях на наречия знак употребления вводит сведения о возможном их функционировании в качестве безличного предикатива (лексемы **безрыбно, бережно, бесстрашно, бесчестно, близко, зазле, здорово**), а также иногда — о наличии зависимой словоформы (**заодин** — с кем, **згоже** — с инф.). Например: **Згоже**. *Угодно, надо, нужно. ... — с инф.* И дьякъ Андрей, смотря тѣхъ статей съ Даниелемъ, говорилъ: и вы намъ скажите, какъ въ тѣхъ статьяхъ государя вашего имя згоже написати? *Рим. имп. д. I, 698, 1576 г.*

Грамматическая информация частного порядка представлена также при фразеологизмах: > **В близости** — чего, > **Для близости** — от чего, > **Блюди Бог (Боже)** — кого, что, > **Замолвить слово** — за кого, > **Идти (ходить, пойти, прийти) замуж** — за кого, > **Без боязни** — от кого, > **Сочетаться законным браком** — кому, > **Звонить во**

вся колокола — к чему, > **Межусобная брань** — меж кем, > **Боле того** — с придат. предлож., > **Больше того** — с отрицанием, > **Нужа и бедность** — мн., > **Хлебный запасенцо** — мн., > **Закон Божий** — мн., Δ **Дал Бог здорово** — в знач. сказ. Например: > **Без боязни**. *Не опасаясь, смело. ... — от кого.* Поиск и промысл чинили [войска] со всякими дородством и храбростию безо всякие от воровских людей боязни и страху. *РД II-1, 511, 1671 г.* > **Закон Божий** ... — мн. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы Божиими и заповедьми его соблюдающе. *Авв. Письма, 209, 1670 г.* > **Нужа и бедность** ... — мн. Побить челом тебе, гсдрю, обо всяких своих нуждах и бедностех. *Сл. Том., 15, 1651 г.*

Фразеологические единицы, как и лексемы, могут иметь одновременно и постоянный распространитель, который маркируется пометой непосредственно при фразеологизме, и факультативный, который дается за чертой употребления: > **Бог даст (дает, дал, пошлет)** что <...> — кому, > **Бог блюдет (блюл)** кого ... — от кого.

Функциональные пометы за знаком употребления указывают на использование толкуемого слова в том или ином применении. И если типичная семантическая помета представляет собой формулу «О ...», то типичная функциональная помета выглядит так: «В ...». Наиболее обобщенные пометы данной разновидности:

— в сравн. («в сравнении», встречается в статьях на существительные **агнец, апостол, байбак, батожок, батька, бездна, бес, благодать, блато, болван, бог, бочка, брат, братия, бубен, буря, бык, заколение, заяц, звезда, зверь**, в статьях на прилагательные **ангельский, благой, бешеный** (причем во всех трех значениях этого слова), **запечный**, а также при фразеологизме **блудный сын**. Например: **Звезда 1**. *Небесное тело; планета или звезда. ... — в сравн.* Будеть паникадиль по сту, и по двѣсть и по триста, и больше у одной мечети, свѣтятся въ ночи, яко звѣзды на небеси. *Арх. Сух. Проск., 16, 1649—1653 гг.* **Бешеный 3**. *Больной бешенством, водобоязнь (о животном). ... — в сравн.* А идет на двор, как бе-

шеная собака, по хлевом смотрит, по двору суется. *Сл. о мужах ревн., 132, к. XVII — н. XVIII в.*

— в обращении (встречается при словах **батька, батюшка, брат, братец, браток, братия** — легко заметить, что это все номинации людей, при фразеологизме этой же тематической группы **батька и братец**, а также при имени прилагательном **быстрый**, которое в фольклорном тексте используется в качестве устойчивого эпитета при слове **река**);

— в составе сравн. (при словах **зайчик, замкнуться, зарезать, заря, затрубить, заутреня, зашекотать, заяц, заячий, зверь, зеленый, зельный**). Например: **Зайчик** ... — в составе сравн. Яко зайчик под камень хоронится от совы и от серагуя и от псов, наветующих ему, тако и христианин, в церковь приходя, избывает душегубителя диавола и бесов. *Авв. Письма, 267, 1679 г.*

— в составе топонима (при лексемах **болото, болотечко, болотце, брод, залесский, зараз**). Например: **Брод**. *Мелкое место в реке, озере, удобное для перехода, переезда. ... — в составе топонима.* А в допросе он Петръ сказал: июня въ 1 де на Масквѣ рекѣ против Крымского броду он Петръ был... а Матвѣя Григорева из лотки он в воду не вываливал. *Моск. письм., 351, 1686 г.*

— в сатире (при таких словах, как **бдение, бельмо, быстрина, быстрый, благодать**, а также **завонить, записка, занавес, запев, запись, заплести, зарукавье, заутреня, заход, заязуский, звать, звонить, зголовье, здравый** — знак употребления с пометой указывает на некоторый семантический нюанс, возникающий у слова в текстах русской демократической сатиры). Например: **Запись 1**. *Процедура официального оформления, регистрации чего-л. ... — в сатире.* А у записи сидели: [с]ват Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да [п]оп Тимошка, да сторож Филимошка. *Росп. прид., 126, XVII в.*

Другие типизированные функциональные пометы чуть более конкретны. Целый ряд таких помет начинается словами «В названии...»:

— В названии церкви, собора, монастыря (стоит при существительных **архангел, архидьякон, архистратиг, бор, буй,**

благовещение, Бог, Богородица, богоотцы, богоприимец, болото, запсковье, звоз, при именах прилагательных **Божий, большой, зарайский, зачатский, зверинский, движенский** и др.). Например: **Бор** ... — *В названии церкви*. Сентября въ 14 день даль вписи из за Волги, от Николы з бору, государевъ крестьянинъ Зиновой Федоровъ по двоихъ родителехъ. *Вкл. Нижегород., 25, 1657 г.*

— *В названии дня памяти святого* (при словах **благочестивый, блаженный**),

— *В названии церковного праздника* (при словах **Бог, Богородица, богослов**),

— *В названии иконы* (при словах **Богородица, Божий**),

— *В названии книги* (при словах **астролог, Божий**). Например: **Астролог** ... — *В названии книги*. Да сказываль де ему, Ивашку, того дьякона Васильевъ братъ Микитка: заложиль де имъ клирошенинъ Молдоръ книгу Острологъ въ 20 ал. на пропой. *СцД, 90, 1649 г.*;

а также очень конкретные пометы при словах, не относящихся к религии:

— *В названии документов* (при слове **закладной**),

— *В названии ворот* (при слове **брюгский**),

— *В названии пищевых продуктов* (при лексеме **белый**),

— *В названии торгового ряда* (при лексеме **бобровный**),

— *В названиях оттенков зеленого цвета* (при слове **зеленый**).

Например: **Брюгский** *Обращенный в сторону г. Брюгге*. ... — *В названии ворот*. [Французы] стоят около города на четырех станех арцухъ Орлионской стоит перед Брюгскими а арцухъ Ангвинской перед Менскими... ворота и почитают тот город потереным. *В-К III, 235, 1646 г.* **Белый** ... — *В названии пищевых продуктов*. Бѣлая соль. *Разг. Фенне, 115, 1607 г.* > Белая капуста. У Олешки Качюкова на возу стойка капусты бѣлай качаннай да у нево же асмина муки пшеничной. *ИНРЯ, 26, 1700 г.* > Белый хлеб. *Пшеничный хлеб*. Пицца хлѣбы бѣлые, рыба большая, пироги подовые, квасъ ячной доброй. *Кн. корм. Кур.-Б. м., 58, XVII в.* > Белый мед. И меды красные и бѣлые, и пива, и то, государь, все питье... велено продати. *ДТП II, 673, 1603 г.* > Белое вино. И те купецкие французския люди сказывали о товарах своих, с какими они будут торговать... золотые ефимки, алтобасы, бархаты... и вино крас-

ное и белое. *Ст. сп. Потемкина, 278, 1669 г.* > Белая рыба. Лужа Середняя а в них рыба белая ловят на помещиков. *Белгор. отк. кн., 59, 1644 г.*

При таком частотном прилагательном, как **большой**, функциональное употребление встретилось дважды: — *В названии тракта* и — *В названиях учреждений*, при существительном **зачатие** — трижды: — *В названии церковного праздника*, — *В названии иконы*, — *В названии церквей, монастырей*.

Функциональные употребления, указывающие на то, что толкуемое слово входит в какие-либо составные номинации, начинаются формулой «*В составе...*»; к ним помимо уже описанной пометы «*В составе топонима*» относятся следующие:

— *В составе титула* (при словах **болгарский, брабантский, западный**),

— *В составе имени знатных лиц* (при заимствовании **ага**),

— *В составе формул речевого этикета* и — *В составе этикетных пожеланий* (при наречиях **здорово и здорово**),

— *В официальном титуле коронованных особ и церковных иерархов* (при слове **Божий**),

а также — *В составе формулы, вводящей решение по какому-л. прошению* (при частице **бы**).

Наряду с пометой — *В обращении* встретились ее частные филиации: — *В обращении к лицу, занимающему более высокое социальное положение* (при слове **благородие**), — *В формуле верноподданнического обращения лиц духовного звания* (при лексемах **богомалец, богомолица**), — *В обращении к Богу* (при слове **защитник**), а также — *В челобитных о просителе* (при глаголе **заплакать**) и — *В челобитных, посланиях как традиционная формула верноподданнического обращения* (при фразеологизме **бить челом**).

Встречаются и другие частные функциональные пометы, вводимые в Словаре за знаком употребления и указывающие на тип текста или на конкретное место в тексте, где употребляется толкуемое слово. На тип текста указывают пометы:

— *В заговоре* (при словах **архангел, звезда**),

— В цитате из Священного писания (при лексеме **заутрее**), а также:

— В формуле пожелания счастья (при слове **благополучие**),

— В формулах частной переписки (при слове **здравый**),

— В этикетных формулах пожелания здоровья (при словах **здоровье, здравие, здравствовать, здравый**),

— В этикетном вопросе в формуле приветствия, — В формулах частной переписки, — В этикетных пожеланиях здоровья монаршим особам и церковным первоиерархам (при наречии **здорово**).

На место использования лексемы в тексте указывают, в частности, пометы, начинающиеся словами «В зачине...»:

— В зачине письма (при словах **батько, батька, благодать, ближний** и при фразеологизме **бить челом**),

— В зачине духовной грамоты (при фразеологизме **раб божий**),

— В зачине песни (при лексеме **ах**), а также:

— В приветствии (при наречии **здраве**),

— В завершающей формуле письма (при глаголе **здравствовать**).

Иногда две функциональные пометы объединяются в одном употреблении. Так, употребление — В письмах в формулах выражения почтения при глаголе **заставать** содержит информацию о том, что данная лексема встречается в письмах и входит в текстах этой разновидности в устойчивые формулы выражения почтения адресату со стороны пишущего.

Возможно использование и других функциональных помет, которые начинаются со слова «Как», в частности:

— Как заключение рассказа (при лексеме **аминь**),

— Как эпитет просителя, говорящий о его самоуничижении (в прошениях, письмах) (при слове **безродный**),

— Как эпитет монарха и членов его семьи (при слове **боголюбивый**),

— Как название материала, из которого что-л. изготовлено (при слове **буйвол**),

— Как символ царской власти (при слове **багряница**),

— Как указание на материал, из которого изготовлено что-л. (при слове **замашки**),

— Как указание на время (при слове **заутреня**) и т. д.

Некоторые лексемы могут иметь не одно такое употребление: у существительного **звезда** — Как ориентир и — Как объект поклонения, языческих верований, у слова **зелье** — Как лекарственное средство и — Как отравя, яд.

Встречается и синонимическая формулировка «В качестве...»:

— В качестве эпитета великих князей и царей (при слове **благородный**).

Другая формула, вводящая функциональные пометы за знаком употребления — «При...». В первом выпуске она встречается редко:

— При исчислении времени (в словарной статье на лексему **близко**),

— При обозначении периода времени (в словарной статье на лексему **благовещение**),

— При обозначении даты (в словарной статье **благовещенье**).

Очевидно, именно к функциональной разновидности следует отнести также ряд употреблений, которые имеют лаконичные толкования, не включающие в себя лексических маркеров функциональной окраски (упомянутых начинательных *в...*, *как...* и *при...*). Речь идет о пометах «Постоянный эпитет...», «Эпитет...», «Имя», «Прозвище», «Титул», «Название пицали». Все они вводят за знаком употребления материал, который отражает именно частный функциональный сдвиг в использовании слов: элемент «— Имя» в словарной статье на лексему **алмаз** означает именно употребление данного существительного в качестве имени собственного (имени человека), формула «— Название пицали» встречается в статьях на существительные **аспид** и **барс** и также указывает на их функционирование в качестве имен собственных при номинации конкретных единиц огнестрельного оружия. (**Аспид** / Ядовитая змея. ... — Название пицали. Пицаль мѣдная Аспидь,

въ станку на колесахъ. *Пск. тисц. кн. II, 165, 1668 г.*) Аналогичную информацию о функциональном применении слова отражает формула «— *Эпитет Днепра*» в статье на лексему **быстрый**, а также «— *Постоянный эпитет царей, князей, православных государей*» в словарных статьях на прилагательные **благочестивый** и **благочестивый**, «— *Титул*» — в статье **звенигородский**.

Отдельного упоминания заслуживает высокочастотная помета данной функциональной группы — *Прозвище*. Она встречается в 45 словарных статьях первого выпуска Словаря и в 15 статьях седьмого выпуска — как на существительные (**арзамаска, базар, баламут, баран, барыш, батрак, беглянка, бес, большак, боров, брех, булат, бык, заяц, заплат, засыпка, захват, заяц, зверь** и др.), так и на прилагательные (**бабушкин, базарный, безрукий, белый, беспятый, босой, запольский, зеленой** и т. д.). Употребление в качестве прозвища характерно и для ряда словосочетаний (**Широкая Баня, Вшивый Бок, Великая Борода**). Например: **Базар** ... — *Прозвище*. Се язъ архимандрить Алексѣй да келарь Похнутей... да чашникъ Сергей же Базарь... купили есмь... половину селца Овсяникова. *А. Угл., 104, 1551 г.* **Заплата** ... — *Прозвище мужчины*. Во дв[оре] Ивашко Ортемьев сын Заплата, у него детей Панька да Шумилко. *Сл. Каз. 2-2, 82, 1646 г.* **Бок** ... — *В составе прозвища*. Вшивый Бок. Жалоба гдрь мнѣ тое ж слободы на хамовъника на Ивана Стѣпанова сна Въшивово бока. *МДБП, 58, 1637 г.*

Иногда функциональная помета так и обозначается в Словаре: в словарной статье на лексему **заросль** выделено употребление — *В функции приложения*; в статье на наречие **зачем** — *В функции вопросительного слова* и — *В функции союзного слова*.

В отдельный блок выделяются пометы, маркирующие типовую сочетаемость лексем. Формула, которая вводит данную информацию — «С ...»:

— *С определением* (при лексемах **болезнь** и **запасчик**). Например: **Запасчик** *Кто ведает сбором и доставкой заготовленного к месту назначения. ... — с определением*. Тех их Троицких

Сергиева монастыря болших судов и подвозков и судов их казаков, и якорей, и парусов, и конатов... наши посланники и гонцы и хлебные запасщици не емлют некоторыми делы. *Сл. Каз., 85, 1588 г.*

Или более конкретно:

— *С определением, указывающим на тип зависимости* (при лексеме **бобыль**),

— *С определением, указывающим на окраску меха* (при слове **заячий**),

— *С определениями: о качестве или сорте бумаги* (при лексеме **бумага**),

— *С названием какой-либо страны, государства* (при слове **здешний**): — *С названием какой-либо страны, государства*. Въсти из Виницьи генваря въ 2 дн. Здѣшнеѣ Веницьское гдръство на французскую сторону и арцуха Моденского и Еневского ровнымъ обычаем объявились. *В-К III, 72, 1646 г.* Но и еще в здѣшнем Аглинскомъ королевстве великое сметение. *В-К IV, 93, 1649 г.*

— *с абстрактными суц.* (при глаголе **залезть**), а также целый ряд помет, указывающих на грамматическую сочетаемость наречия **зело**: — *с глаголом*, — *с существительным*, — *с прилагательным*, — *с нареч.*, — *с безл. предикат. словом*. Встречается подобная помета и в словарной статье на предлог **без**: **Без** *1. Употребляется при указании на отсутствие кого-, чего-л. — с отвлеченными суц.* Блюдися брате, не твори ничтож без благословения, да не порадуется диаволь о падении твоём. *Речь тонкосл., 70, XV в.* А которой послух чем будет увечен без хитрости... тем наймита наняти волно же. *Судебник 1550 г., 237.* Говориш, што дурак без ума. *Аноним. разг., 32 об., 1568 г.*

Материал, представленный в словарных статьях на имена существительные, называющие активно используемые реалии, зачастую группируется в целый ряд таких блоков, которые даются за знаком употребления. Так, при слове **замок** выделяются типовые употребления: — *С определением, указывающим на способ крепления*, — *С определением, указывающим на форму висячих замков*, — *С определением, указывающим на особенности устройства*, — *С определением, указывающим на назначение*

замка. При слове **запись**: — С определением, указывающим на название письменного акта, документа в зависимости от назначения и характера юридического акта, — С определением, указывающим на условия составления документа. При слове **запас**: — С определением, указывающим на область использования, применения; — С определением, указывающим на состав, содержание заготовленного. Например: **Замок** 2. Приспособление для затирания на ключ. ... — С определением, указывающим на способ крепления. > Замок нутряной. Неподвижный (врезной) замок. И заслоны железные болшие и малые все повыбраны и замки нутреные и дверей поотодраны. *Арх. Пожарских, 217, 1645 г.* > Замок снычный (сничный). *То же.* За снычный замокъ къ снннымъ дверемъ Помѣстного приказу Замочного ряду торговому челоуѣку Ивашку Игнатьеву 25 алтынъ. *Расх. кн., 248, 1656 г.* > Замок вислый. Съемный навесной замок. Замок де въспои в то время был цѣл. *Сл. промысл. I, 220, 1659 г.* > Замок весучий. *То же.* Купил у Бенедикта замок въсучей дал 7 де. *Сл. промысл. I, 220, 1606 г.* > Замок висячий. *То же.* Замокъ висячеи болшой руского дѣла цена десять алтынъ. *Товар. цен. ростись, 133, 1687 г.* — С определением, указывающим на форму висячих замков. > Замок бубенчатый. ... > Замок колодный. ... > Замок клинчатый. ... > Замок копытчатый. ... > Замок односничный. ... > Замок двоесничный. ... > Замок троесничный. ... > Замок однополичный. ... > Замок двоеполчный. ... — С определением, указывающим на назначение замка. > Замок коробейный. ... > Замок сундучный.

Достаточно регулярно типы частной информации о слове, представленные за чертой употребления, могут сочетаться. Целый ряд словарных статей первого выпуска Словаря, посвященных существительным — названиям материала, отражает регулярно реализуемую возможность сочетания грамматических и семантических особенностей. В статьях на лексемы **аксамит**, **алтабас**, **атлас**, **байберек**, **бархат**, **бархатея**, **брюкиш**, **бязь** встречается употребление «— *мн. О сортах ткани*», в тех же и ряде других статей (**аспид**, **атласец**) «— *В им. надеже как*

обозначение материала, из которого что-л. изготовлено, сшито». Аналогичным образом объединяются **грамматическая и семантическая** пометы (в статье **запасенко** — *мн. О продуктах питания*, в статье **зацепиться** — *чем во что. О корабле*), **грамматическая и функциональная** (в статье на лексемы **батько и батька** — *мн. Обращение к слушателям*, в статье **закрыться** — *чем, в сатире*, в статье **запирать** — *кем, в сравн.*, в статье **заскорбить** — *чем, в сатире*), **семантическая и функциональная** (в статье на слово **бык** — *В Библии. О царе Навуходоносоре, превратившемся в быка*), **семантическая и стилистическая** (в статье на слово **басливый** «обходительный, приветливый» — *ирон. О батогах*), **стилистическая и грамматическая** (в статье **замкнуть** — *образно, кого чем*, в статье **запалитель** — *чему, образно*, в статье **затворить** — *чем, образно*), **стилистическая и функциональная** (в статье на слово **заклад** — *Дел. В составе формул, определяющих состояние продаваемого имущества или условия*). Изредка в одном употреблении могут сочетаться сразу три типа информации: в статье **затыкать** — *в сатире, в составе сравн., что кем: Затыкать I. Закупоривать, забивать чем-л. отверстие, делая его непроходимым. ... — в сатире, в составе сравн., что кем.* Житием своим процвели есте, яко голики, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают. *Служба кабаку, 51, XVII в.*

Такова информация о лексемах первого и седьмого выпусков Словаря, представленная в статьях за знаком употребления. Совершенно очевидно, что авторы Словаря стремятся описать бытование слова в источниках с максимальной полнотой. А материалы показывают, что язык описываемой эпохи был не только необычайно богат и интересен лексически (что отражает словник Словаря), но также и то, что многие лексемы могли употребляться как в типичных для того времени, так и не очень типичных сочетаниях, могли иметь разные частные особенности: семантические, грамматические, стилистические и функциональные.

Библиография

Словари

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—8. Л., 1967—1990. Вып. 9—26—. СПб., 1994—2016—.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. Вып. 1—7—. СПб., 2004—2016—.

САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. В 6-ти вып. с приложением Словаря имен собственных. Л., 1974—1990.

Источники

А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

А. Лодом. ц. — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908 (РИБ. Т. 25).

Азб. о гол. и небог. — Азбука о голом и небогатом человеке // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 30—36.

Авв. Письма — *Аввакум*. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 185—294.

Аноним. разг. — Ein Rusch Boeck...: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Арс. Сух. Проск. — Проскинитарий Арсения Суханова / Под ред. Н. И. Ивановского // Правосл. палестин. сб. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889. С. 3—300.

Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633—1652 / Hrsg. und komm. von Maritta Schmücker-Breloer. Köln; Weimar; Wien, 1996.

А. Угл. — *Шумаков С.* Угличские акты (1400—1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1—208.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археограф. комис.; Под ред. Н. Калачева. Т. 1—3. СПб., 1857—1884.

Белгор. отк. кн. — Белгородская отказная книга. 1616—1650 гг. // Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 9—53.

В-К II — Вести-Куранты 1642—1644 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

В-К III — Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

В-К IV — Вести-Куранты 1648—1650 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

В-К V — Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов; Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.

Вкл. Нижегород. — Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / Предисл. А. А. Титова // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1. С. 1—74.

Грамотки — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994.

ДТП II — Дела Тайного приказа. Кн. 2, СПб., 1908 (РИБ. Т. 22).

ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

Ист. песни — Исторические песни XIII—XVI веков (по спискам XVIII—XX вв.) // Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

Кн. корм. Кир.-Б. м. — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Предисл. И. П. Сахарова // Записки Отд. рус. и слав. археологии Археолог. о-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 46—98.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Моск. письм. — *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 287—355.

Обиходник Никифорова — Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря. 1655/1656 г. М., 2002.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.

Пов. аз. ратн. сид. — «Поэтическая повесть» об азовском осажденном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. С. 57—81.

Пов. Гор.-Зл. — Повесть о Горе-Злочастии // Русская повесть XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц; Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 103—115.

Пов. о Басарге — Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле // Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958. С. 79—84.

Пов. о Фроле Скоб. — История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушке // Русская повесть XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц; Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 155—166.

Польск. д. IV — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. М., 1912 (Сб. РИО. Т. 137).

Пск. писц. кн. II — Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. Москов. архива министерства юстиции. Т. 6. М., 1914.

Разг. Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Разг. Хеймера — Günther Erika. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002.

Расх. кн. — *Соколова А. А., Мекк А. К. фон.* Расходные книги и столпцы Поместного приказа (1629—1659 гг.) / Под ред. Н. Н. Ардашева. Кн. 1. М., 1910.

Речь тонкосл. — Речь тонкословия греческого / Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922.

РД II-1 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 2. Ч. 1. М., 1957.

Рим. имп. д. I—IX — Памятники дипломатических сношений с империей Римской. Т. 1—9 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Часть первая: Сношения с государствами европейскими. СПб., 1851—1868.

Росп. прид. — Роспись о приданом // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 124—131.

Сид — *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. М., 1911.

Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.

Сл. Ворон. II — *Хитрова В. И.* Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии (Буквы З—К). М., 1989.

Сл. Каз. — *Исламова Э. А., Галиуллин К. Р.* Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000.

Сл. Каз. 2-2 — *Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Казань, 2010.

Сл. Нерч. I — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов

XVII—XVIII вв. / Сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.

Сл. о мужах ревн. — Слово о мужах ревнивых // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 132—133.

Сл. промысл. I — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003.

Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII—начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.

Служба кабаку — Служба кабаку: Праздник кабацких ярыжек // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 46—64.

Ст. сп. Потемкина — Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 227—315.

Судебник 1550 г. — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. // Памятники русского Права. Вып. 4. М., 1956. С. 233—261.

Товар. цен. роспись — *Городилова Л. М.* Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. XVI. 2008. № 2. P. 129—154.

Х. Аф. Ник. — Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. / Под ред. акад. Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958.

Научная литература

Ларин 1993 — *Ларин Б. А.* Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5—9.

Моление — Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981 (Переиздание: Словарь «Моления» Даниила Заточника. СПб., 2007).

O. Vasilyeva. Metalanguage in the Dictionary of everyday language of 16-17th centuries Moscow Russia

This paper analyzes the factual information presented in “The Dictionary of everyday language of 16—17th centuries Moscow Russia”. A typology is provided for labels used for characterizing words and phrases after a special usage mark.

Е. В. Генералова*

Лексикографический аспект синонимии в историческом словаре донационального периода¹

Ключевые слова: историческая лексикография, язык Московской Руси, синонимия, пометы, семантическая близость, дублетность, словообразовательные синонимы, стилистическая дифференциация лексики.

В статье исследуются особенности отношений семантической близости в диахронии; синонимические отношения в русском языке XVI—XVII вв. и их лексикографическое представление в «Словаре русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.» и его Картотеки. Обосновываются принципы постановки пометы *ср.* с целью показа в историческом словаре функционирования лексико-семантической системы языка в эпоху начального формирования литературного языка.

Принципиален универсальный характер синонимии как важнейшей характеристики лексико-семантической системы языка: «синонимия является свойством всех развитых языков и воплощает выразительные возможности языковой системы» [Черняк 2010: 3]. При неоспоримости существования синонимии как языкового явления, многообразие лингвистических концепций синонимии, очевидно, вызвано тем, что, как пишет Д. Н. Шмелев, «в языке существуют различные (и разнообразные) типы семантических сближений, которые и отражаются по-разному в разных определениях синонимов» [Шмелёв 2006: 194].

Дискуссионное для лексикологии и современного русского языка понятие синонимии тем более неоднозначно в истории,

* Елена Владимировна Генералова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ, заведующий Межкафедральным словарным кабинетом имени проф. Б. А. Ларина. Электронная почта: elena-generalova@yandex.ru.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

особенно в применении к донациональному состоянию русского языка (XI—XVII вв.). Л. Л. Кутиной в статье «К вопросу о синонимике в языке XVII в.» был поставлен вопрос о синонимии как диахроническом явлении и перестройке древнерусской лексической системы в этом отношении при переходе к новому этапу [Кутина 1958]. Синонимические отношения в диахронии изучались на конкретном материале разных лексических групп и памятников, этой теме посвящены как отдельные исследования [см., напр.: Прохорова 1964; Михайловская 1980; Орлова 1984], так и разделы монографий историко-лексикологической тематики [Волков 2006; Судаков 2010]. В настоящей статье синонимические отношения в русском языке XVI—XVII вв. интерпретируются через призму их лексикографического представления на базе «Словаря русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.» (СОРЯ) и его Картотеки, хранящейся в Межкафедральном Словарном кабинете (МСК) на филологическом факультете СПбГУ. Основной задачей СОРЯ является максимально полное и подробное системное описание лексики и фразеологии складывающейся в эпоху Московской Руси общерусской народно-разговорной речи. В памятниках-источниках СОРЯ фиксируется большое количество лексем, обнаруживающих разную степень семантической близости, которые получают соответствующую лексикографическую интерпретацию.

1. Особенности синонимических отношений в языке Московской Руси

В языке XVI—XVII вв. отмечается широкий и при этом отличный от существующего в современном русском языке характер синонимических отношений. Особенности синонимии в языке Московской Руси обусловлены тем, что в этот период идет ослабление и разрушение жанровой прикрепленности лексики, при этом языковая система не нормирована.

Практически любая лексема может иметь синонимическое соответствие. В старорусском языке в отношении семантической близости вступают лексемы, которые обычно не имеют синонимов в литературном языке: см. предметная лексика (*баня* — *байня* — *мыльня* ‘помещение для мытья’, *ергак* (и *ергач*) — *доха* ‘тулуп, шуба мехом наружу, с мехом изнутри и снаружи’²), числительные (*другонадцатый* — *двенадцатый* ‘следующий по счету за одиннадцатым’) и производные от них (*дважды* — *двое* — *двожды* — *двоижды* — *двоича* — *двоужды* — *двою*) и др.

Широта синонимических отношений в этот период проявляется и в том, что в синонимические ряды включаются регионализмы и общерусские лексемы (*вторник* — *второкъ*, *зависть* — *завида*), а также общераспространенные и редкие слова (*кривой*—*крюковатый*). О. С. Мжельская в монографии, посвященной лексике иностранных разговорников по изучению русского языка (источников, содержащих большое количество рядов синонимических соответствий), отмечает, что «в синонимических парах и рядах соседствуют слова широкого распространения (общерусские и общесевернорусские) и слова, территориально ограниченные в своем употреблении <...> (*морковь* — *боркан*, *дерево* — *щѣгла* — *стырь* ‘мачта’), <...> слова общеизвестные и слова иноязычные, неосвоенные (<...> *бочар* — *бочерник* — *купор*) <...> слова активного словаря и слова, вступившие на путь устаревания (...*деньги* — *куны*)» [Мжельская 2003: 62].

В старорусском языке распространены синонимические пары лексем с полногласием / неполногласием в корне. При том, что в последующий период развития в национальном языке часто сохраняется только один (полногласный или неполногласный вариант), а при сохранении обоих наблюдается семантическое или стилистическое расхождение, в период начального формирования русского языка известны оба соответствия, и в значительном большинстве случаев в этот период истории языка семантика полно-

гласных и неполногласных соответствий очень близка. См., напр., пары *борода* и *брада*, *владимирский* и *володимирский*:

БОРОДА... 1. *Волосы на нижней части лица.* Сынъ боярской Игнатей Реутовъ, и его старца за бороду взявъ, по щекамъ и съ старостою билъ, и клобукъ съ головы сбиль, и съ ослобьемъ и съ топорками де за нимъ гонялся. *А. Ивер. м., 603, 1666 г.* Меня он подячеи Роман бранил... и бил и за волосы и за бороду драп и по улицы таскал. *МДБП, 210, 1671 г.* Ср. **бороденка**, **бороденцо**, **бородка**, **брада**.

БРАДА... *То же, что борода.* 1. А иные бояре, **брады** свои уставя, ничего не отвѣщаютъ [думные люди царя должны были отвечать на его вопросы], потому что царь жалуеетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многие изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые. *Котошихин, 20, 1667 г.*

ВЛАДИМИРСКИЙ... 2. *Находящийся во Владимире.* — *в названии церкви.* Гсдрю преосщенному Варламу архиепску вологодцкому и великопермьскому бьет челом и являет црьскои бгмолец и твои стителскои Прчстые **Владимерския** дякон Мартьянище... на вдову Марю Яковлеву доч. *Вологод. док., 19, 1635 г.* — *в названии иконы.* И та икона приложена в соборной церкви у мѣстные иконы Пречистые Богородицы **Владимирские** на гойтанѣ. *Вкл. Нижегород., 15, 1654 г.* Маия въ 21 день ходилъ государь въходъ, за кресты, к Срѣтенью **Владимерской** иконѣ. *Выходы ц. в. к., 332, 1660 г.*

3. *Правящий Владимиром и его уездом, имеющий их в подчинении.* Божию милостию мы великие государи цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцы, Московские, Киевские, **Владимерские**, Новгородские. *А. Угл., 9, 1684 г.* ...

Ср. **володимирский**.

ВОЛОДИМИРСКИЙ, прил. (7) 1. *Находящийся во Владимире или его уезде.* Ис кромьскои гсдрь моеи дрвнишки побежали три члвка кабальной мои члвкъ Васка Степанов снѣ Чюмаков да

² См. также наблюдения Г. В. Судакова над синонимичностью лексем предметно-бытовой лексики в старорусском языке [Судаков 2010: 185—190].

володимерскои дрвни крстьянской снь Ларка Михайлов Кузминъ да Ларка Василевъ снь. *ПНРЯ, 19, XVII в.* — В названии иконы (?). В прошлам... году за недѣлю да Покрава Светѣи Бгрдцы в пятницу под субботу Ъхал гсдрь я бгомolec твои [поп Дмитриеища] из Задоня от Пречистыя **володимерския** и заѣхал в деревню Болхавскую. *Южн. челобитные, 38, 1625 г.* ...

2. *Служащий во Владимире.* Твое де государево слово за нимъ, Ивашкомъ, на **володимерскаго** на губнаго цѣловальника на Мишку Иванова. *Сид, 126, 1638 г.* Та казенка дѣлана для **володимерскихъ** писцовъ князя Василья Кропоткина да дьяка Игнатъя Лукина. *Расх. кн., 84, 1644 г.* ...

3. *Рассматривающий судные дела из Владимира и его уезда.* Въ **Володимерскомъ** Судномъ приказе, по верстанью князь Ивана Михайловича Катырева-Ростовского да Макара Дмитриевича Вельяминова... подъячому Микитѣ Головину государева жалованья учиненъ денежной окладъ 12 рублевъ. *Расх. кн., 42, 1632 г.* ...
Ср. **владимирский**.

В СОРЯ пары с полногласием и неполногласием разрабатываются как отдельные слова (ввиду невозможности объединения в историческом словаре генетически разнородных единиц) и соотносятся пометой ср. при наличии семантической близости (при слове или соответствующем значении). В ряде случаев материалы СОРЯ позволяют увидеть основания для дифференциации разных членов таких пар в дальнейшем: например, в памятниках XVI—XVII вв. существительное **властелин** имеет значение ‘правитель, обладающий полнотой власти’ и тяготеет к употреблению в памятниках книжного характера, существительное **волостель** обладает конкретной деловой семантикой ‘глава судебно-административной власти в XV—XVI вв. в волости (административно-территориальной единице, состоящей из нескольких сел и деревень)’, а его неполногласное соответствие **властель**, с одной стороны, оказывается синонимичным книжному **властелин** (Како ж и сего не могте си разумети, яко подобает властелем не зверски ярится, ниже безсловесно смирятися? *Посл. Ив. Грозного,*

18, 1564 г. Како царя, или князя чтити, и повиноватися во всемъ имъ, и всякому **властелю** покарятися, и правдою служити имъ. *Дм., 11, XVI в.*), а с другой стороны, вступает в синонимические отношения с полногласным **волостель** (А которой наместник или **властель** без боярскаго суда, а выдаст холопа или робу без доклада и правую грамоту даст, и та грамота не в грамоту. *Судебник 1589 г., 428*).

Яркими особенностями синонимии в языке Московской Руси являются частая дублетность и наличие большого количества словообразовательных синонимов.

При том, что так называемые полные, или абсолютные, синонимы (дублеты), не обнаруживающие никаких семантических различий, не характерны в силу избыточности для языковой системы, в старорусском языке находим значительное количество таких лексем. Многие синонимы, особенно однокоренные, не обнаруживают никакой смысловой дифференциации (см., напр., *алмазик — алмазец, архиепископий — архиепископлий — архиепископский, греча — гречина — гречень — гречиха — гречуга — гречуха, дивить — дивиться — дивоваться*). См. также дублетность слов в отдельных значениях:

горло — глотка ‘верхняя суженная часть сосуда’: [Роспись, что взято...]: триста лимонов да шкатула с шклянницами болшие **горла** бѣлымъ желѣзом окованно. *Новг. док. (Шв.), 347, 1655 г.*, Вельтъ бы тебѣ гдне у тѣх корчагъ **глюдки** дѣлать передь прошлыми корчаги шире. *Сл. Ворон., 79, 1665 г.*

Ср. также дублетность во фразеологических сочетаниях:

воинские люди — военные люди — войские люди — боевые люди — бранные люди ‘воины; войско’: А которые **воинские люди** были под Астороханью, и те и достальные люди пошли из Азова во Царьгород до Иванова же приходу. *Ст. сп. Новосильцева, 64, 1570 г.* А против де, государь, свидцкого короля в зборе ныне **воинских** литовских **людей** гусар тысяч з 20. *РБС, 84, 1625 г.* Всяким **военным** **люддем** выйти в свою землю, не мешкая. *РБС, 67, 1618 г.*, Баиярские люди, восемь тысяч члвкъ **бранных** **людеи** к нашим на помочь пришли. *В-К III, 72, 1646 г.* И **боевых**, де, **людей** у Данилки в пристанищи есть же, а сколко числом и того, де он [Терешка Артемьев] не ведает. *Дело Артемьева, 244, 1695 г.*

О. Г. Порохова подчеркивает, что письменный язык XVII в. имел очень большое количество синонимов-дублетов [Порохова 1964: 65], и это характерная особенность синонимии в период средневековья.

В СОРЯ однокоренные лексемы с разным морфемным оформлением даже при наличии дублетных семантических отношений интерпретируются как отдельные лексемы, т. е. словообразовательные синонимы, а не словообразовательные варианты, соответственно, каждый словообразовательный синоним разрабатывается в собственной словарной статье³.

Таким образом, понимаемые как семантическая близость синонимические отношения имеют в старорусском языке практически повсеместный характер, осложнены наличием большого количества полногласных и неполногласных синонимов, широкой синонимией (часто дублетностью) однокоренных лексем, а также морфологической вариативностью. В XVII в. языковая система как бы на пике своего экстенсивного развития предлагает максимум возможностей для выбора при переходе на следующий, качественно иной уровень — уровень литературного языка.

2. Критерии выделения и представление в историческом словаре близких или тождественных по значению слов

Традиционно основным способом показа системности языка в плане парадигматических связей и отражения семантической близости лексических единиц является помета *ср.* (*сравни*). Прежде всего с помощью пометы *ср.* в СОРЯ соотносятся слова, которые могут быть интерпретированы как традиционно понимаемые сигнификативные синонимы. Критерием для выделения таких синонимов являются:

а) тождество семантики лексем и сходность контекстов их употребления: например,

³ Морфологические варианты объединяются как равноправные в заголовочной строке (**еренг**, м. и **еренга**, ж.; **ества**, ж. и **ество**, с.).

вид — взор — виденье — видник — видовство,

долгота и длина (вар. **долина**) в значении ‘размер чего-л. в отношении наибольшего протяжения’ (А десятина мерить в **долготу** по 80-ят сажен, а в широту по 40-у сажен. *Сл. Сибир.*, 36, 1618 г., А в **долгину** того погребного мѣста с полдни на сивер от его ж Федотова заплотного угла к проезжей улице пол осма аршина. *Сл. Перм.* 1, 155, 1671 г.),

замедлить и **замешкать** в значении ‘задержаться, промедлить в исполнении какого-л. дела’ (Пожалуи [С. И. Пазухин] пришли днги о чем я [Д. Челюскин] млститво ей бил челомъ пожалуи не **замедля** пришли. *ИНРЯ*, 172, XVII-н. XVIII вв., Да нужда у насъ, великий государь [Никон], въ монастырь порохомъ и свинцомъ, и тебѣ бы... учинить милостиво, прислать, не **замѣшкавъ**, къ намъ въ монастырь. *А. Ивер. м.*, 140, 1655 г. А на тѣ денги вымени [Иван Белин] крестъ серебряной позолоченой с финихтом муцкой и соошли не **замечкав**. *Пам. Влад.*, 257, XVII в.);

б) близость, но не тождество обозначаемых понятий: см. синонимический ряд **заболеть — залежать — залежаться — занемочь — занемощать — заскорбеть — заскорбить — захворать**: **занемочь** ‘стать больным’ (А будет истец или ответчик до того отсрочнаго сроку **занеможет**, и за болезнию ему в приказ итти будет ни которыми дела не мочно: и ему в свое место прислать на срок искать или отвечать, кому верит. *Улож.* 1649 г., 94); **залежать** ‘серьезно заболеть, слечь’ (И я, холопъ твой, приѣхавъ къ Москвѣ, по грѣху своему **залежалъ** и по моему, государь, грѣху бѣжали у меня... людишка, лошади и службишка все снесли. *АМГ I*, 133, 1614 г., А я [С. Хотенов], холопъ твой государевъ, грехомъ своимъ **залежалъ**, а кормцу мнѣ, холопу моему, не указано и выходу не дано. *ДД I*, 279, 1627 г., А въ прошломъ, государи, году я [крестьянин Ф. Иванов], сирота, **захвараль, залежалъ** во все лѣто, потому, государи, я, сирота, и досталь до конца оскудаль. *ЧО*, 68, 1673 г.), **заскорбеть** ‘заболеть, занемочь или получить физическое увечье’ (По грѣхомъ своимъ [М. Кирилов] **заскорбѣлъ**, обѣ одной ногѣ хромъ. *ЧО*, 94, 1673 г.).

При тождестве значений такие лексемы группируются под словом-доминантой, в качестве которого избирается по возможности слово общерусского, традиционного и нейтрального употребления, и соотносятся отсылочным толкованием:

ЗАКАТ, м. (1) *Заход за линию горизонта (обычно о солнце).* Солнышко идет к западу, и к западу идет — ко **закату**. *Ист. песни, 461, XVI в. Ср. запад, заход, захождение, захожение.*

ЗАХОД, м. (7) 1. *То же, что закат.* — *чего.* Выкопай долъ на три стопы широку. а глубоко на пят стопнеи. в которой перед **заходом** слнца вложи или востави котлик нѣкии. *Назиратель, 174, XVI в.*

ЗАПАД... 2. *То же, что закат.* Какъ то Авицена пишет всякою аерь, или воздухъ есть добрыи и тонкии. которой скоро охолодает после **западу** солнечнаго. и опять коли скоро согрѣется какъ взойдет слнце. *Назиратель, 116, XVI в.*

При близости, но не тождестве значений лексемы соотносятся только с помощью пометы *Ср.*, которая связывает члены синонимического ряда:

ДЕЛОВЕЦ, м. (10) *Крепостной крестьянин, присланный своим помещиком для выполнения каких-л. работ, дела (в знач. 2); нанятый вольный работник.* ... И написати... сколько ещо [мостов] не домощено, и за чѣм не домощено и поскольку въ которомъ уроке поставлено **дѣловцовъ**, и хто имени. *ДТП II, 549, 1602 г.* И таво ж дни послѣ абѣда воевода княз Микита Белского (!) напився пьян на кабакъ пришел к астрожным **делавцам** х крстьяном боярина княз Ивана Василевича учел их бит дубиною. *Пам. южн. в. р. нар., 117, 1619 г.* И вам бы у тех крстьян взят по сну или по брату под Москву в **деловцы** за те оброшные денги... а быт имъ в **деловцах** в подмосковной дрвне з Благовещенева дни по Филипова заговеина. *ПНРЯ, 118, XVII в. ... Ср. дельщик, детина.*

ДЕЛЬЩИК, м. (2) *Ремесленник, мастер.* На Могучем дано деловому Федотку на одежду да **делщику** Кирке по рублю обеим. *Арх. Пожарских, 477, 1647 г.* Оружейных дел **дельщики**. *Сл. промысл. I, 161, 1713 г. Ср. деловец.*

ДЕТИНА ... 4. *Слуга, наемный или находящийся в крепостной зависимости работник.* Ннешнего гсдрь... году

на Сырнаи ндли купил я холоп твои [С. Ермолаев] **детину** Дениска Федорова родам литвин роботяжа члвкъ... и того ж гсдрь числа побежал тот **детина** от меня. *Южн. челобитные, 63, 1633 г.* Да в прошлом во 155 м году бил челом ко мне [Б.И.Морозову] во двор **детина** Микифорко Петров сын кузнец, что преж сего тот детина жил в Нижнем Новгороде. *Хоз. Мор. II, 132, 1650 г.* **Детина** украл де он у хозяина своего на гумне из вороху гречихи пуда зъ два. *Сл. Нерч. I, 179, 1699 г.* Днес же послах к тебѣ гсдрю служащего своего отрока Бориска Кузнецова... и против гсдрь сего писаница извол ко мнѣ отписати з **детиною** моимъ. *Грамотки, № 52, XVII — н. XVIII в. ... Ср. деловец, детинка.*

Представляется, таким образом, что в историческом словаре семантическое сближение следует понимать как контекстуальную близость или тождество значений лексем в сходных контекстах с учетом жанрово-стилистического и функционального аспекта.

Со структурной точки зрения в старорусском языке наблюдаются обнаруживающие семантическую близость или тождественность разнокорневые (см. *даром* — *безденежно* — *дармо* ‘не платя денег, бесплатно’, *жеребий* — *дробь* ‘надел, доля’, *вкупе* — *вместе* — *вобще* — *воедино* — *едино* — *единодушно* — *единомышленно* — *заедино* — *заодно* — *заодин* ‘вместе’, ‘совместно с кем-л.’), и в еще большей степени однокоренные лексемы (*двойни*¹—*двоенки* — *двоенцы* — *двойчатки* ‘серьги с двумя подвесками’, *езовник* — *езовщик* ‘смотритель и сборщик податей у еза (угодя с сооружениями для рыбной ловли)’, *еловый* — *елевый* ‘прил. к ель’), в том числе и соответствия простых лексем и сложений, включающих те же корни, значение которых конкретизировано семантикой других, составляющих сложение корней (*двоеный* — *двоeverхий* ‘имеющий две вершины’). С функциональной точки зрения важна возможность использования лексем с близкой семантикой в сходных контекстах.

3. Дополнительные функции пометы *ср.* в историческом словаре

а) соотнесение потенциальных стилистических синонимов

Важной особенностью синонимических отношений в языке донационального периода является их связь с жанрово-стилистической обусловленностью лексики [Иссерлин 1961: 13, Судаков 2010: 154—190]. Например, в значении ‘большая тяжёлая палка, используемая чаще всего как оружие’ в памятниках, созданных на народно-разговорной основе, используются лексемы *дубина* (и *дубинка*), *древина*, *дрюк*, *батог*, а в книжных контекстах — чаще лексема *жезл*: ср. Бей его **батогом!** *Аноним. разг., 1568 г.* и Казни сына своего отъ юности его... аще бо **жезломъ** бьеши его, не умреть, но здравие будетъ. *Дм., XVI в.* За счет роста контекстов, допускающих смешение и взаимодействие лексики из текстов разной жанровой принадлежности, в языке в это время активно идет процесс изменения стилистической окраски лексем и сложения нового качества литературного языка. Начинают формироваться синонимические ряды, включающие слова изначально разной жанровой принадлежности (*житие — живот — жизнь*). На этом основании помета *ср.* в СОРЯ объединяет и слова, имеющие семантическую близость, но различающиеся жанровой употребительностью, стилистической окраской, будущие стилистические синонимы в литературном языке (т. е. слова, синонимами в языке Московской Руси с синхронной точки зрения не являющиеся, но выступающие как потенциальные стилистические синонимы в литературном языке). Например:

ДАЧА... 3. *Дар, подарок, пожалование...* || *Пожертвование, вклад.* А пошлет Бог мне по душу смерть, и яз [Иван Клементиев] приказываю после своего живота в дом к всемилостивому Спасу... двор свой... да малого Андрюшку Бога ради бы кормили за тою же **дачею**, и поили. *А. Солов. м., 87, 1576 г.* И за ту мою [старца Н. Морина] вотчинную **дачу** игумену Левкее... пожаловати, написати брата моего Ивана... в повседневной список.

АФЗХ II, 432, 1590 г. По цене всего вкладу **дачи** 1655-го году на 500 рублев. *Вкл. кн. ТСМ, 73, 1655 г.* Даль вписи по родителехъ столникъ Алексѣй Петровичъ Головинъ, по 20 имянехъ, вписати в сенадики въ вѣчной поминокъ. А **дачи** ево конь карь за 60 рублевъ. *Вкл. Нижегор., 40, 1662 г.* Да по княгинѣ его Марьѣ князь Иванъ Петровичъ Шуйской при себѣ даль 100 рублевъ, и обоого **дачи** 200 рублевъ. *Кн. корм. Кур.-Б. м., 52, XVII в. Ср. дачка, даяние.*

ДАЧКА... *Пожертвование, вклад.* И игумен бы и старцы пожаловали, за сю мою **дачку** за сельцо за Пошково и за деньги написали меня [А. В. Мижужева] во вседневной список. *АФЗХ II, 261, 1556 г. Ср. дача.*

ДАЯНИЕ ... *Книж.-церк. ...2. Вклад (в церковь, монастырь), пожертвование.* Июня въ 26 день даль вписи по родителехъ окопничей Семень Артемьевичъ Измайловъ, по 28 человѣкахъ, коня бура с лысиною за 15 рублевъ, и за то ево **даяние** родители ево въписаны в сенадики, в подстѣнной и в литейной. *Вкл. Нижегор., 38, 1661 г. Ср. дача.*

б) соотнесение нейтральных лексических единиц с их эквивалентами с суффиксами субъективной оценки

Пометой *ср.* в СОРЯ соотносятся также однокоренные лексемы с суффиксами субъективной оценки (например, лексема *дверь* соотносится с лексемами *дверенка*, *дверишко*, *дверца*). Собственно, наличие суффикса субъективной оценки не всегда означает присутствие соответствующей семы в значении лексемы, и в ряде случаев затруднительно установить, имеет место уменьшительность (ласкательность, пренебрежительность и т. п.) или это разговорный синоним нейтрального эквивалента, зафиксированный памятниками, созданными на народно-разговорной основе. Например, не однозначно ясно, **заборец** ‘уничиж. к *забор* (‘ограда из досок или поставленных вертикально жердей, кольев, обычно плотно прилегающих друг к другу’) или ‘то же, что *забор*’ (Под новою келѣею двери дѣлал да на улицу **заборец**. *Сл. промысл. I, 207, 1587 г.*), **денежки** ‘то же, что *деньги* 1 (‘металлические знаки

оплаты с точным указанием ценности, выполняющие функцию мерила стоимости, средства платежа, обращения') или 'уничжиж. к *деньги 1'* (Милосердый государь... пожалуй холопа своего, вели дать на кормъ **денежекъ**, какъ тебѣ государю Богъ известит. *Ст. печ. пр., 14, 1613 г.*, Тотъ же Осипко скралъ отъ жива мужа жену отъ Мишки Иванова сына Дрокина мою жъ кабальную женку Анютку Александрову дочь; и послѣдний мой животишко, и лошади, и **денежки** поималь. *СуД, 457, 1637 г.*). Вообще говоря, определение экспрессивной окраски лексемы сложно в историческом тексте в связи со стандартизованностью выражения многих эмоций (например, уничтожение просителя является этикетным средством деловой письменности), и лексемы с суффиксами субъективной оценки далеко не всегда имеют экспрессивную окраску.

Лексемы с суффиксами субъективной оценки приводятся в СОРЯ за пометой *ср.* после лексем, обнаруживающих семантическую близость, и отделяются от них знаком «точка с запятой», например:

Заступник ср. заступающий, м. (см. заступать 2), заступитель, заступушка, заступчик, защита, защититель, защитник; заборонщик, заступщик.

Такой синонимический ряд, объединенный под стилистически нейтральной и известной в современном литературном языке доминантой *заступник*, демонстрирует семантически близкие лексемы, в том числе отличающиеся стилистически (см. фольклорное *заступушка*) и образования с суффиксами субъективной оценки *заборонщик, заступщик* (имеющие также распространение в близких к фольклорным источниках). Приведение за пометой *ср.* при нейтральной с точки зрения стилистической окраске лексической единице образований с суффиксами субъективной оценки позволяет увидеть возможности сложения лексико-семантической системы как в отношении расширения стилистически возможностей, так и в отношении формирования категории просторечия. Например:

ВИЛКИ, мн. ... 2. *Предмет столового обихода.* Переписал... два зеркала стальных хрустальных одна выдра полкожи красной

пятеры **вилки** один ножик. *Сл. Перм. I, 85, 1702 г. Ср. вилочки, вильцы.*

ВИЛОЧКИ, мн. (1) *Ласк.* → **вилки** 2. И кто изволит до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселья ехать, и повез бы с собою чаны с чанички и с чаянцы, бочки и бочерочки, ... ножи и вилочки. *Сказ. о роск. житии, 42, XVII в.*

ВИЛЬЦЫ, мн. 2. *То же, что вилки 2.* **Вилцы** – ein gabel. *Тронх. разг., 229, к. XVII в.* Петр Васильев Ходутин явил своего товару от прошлого году устюжской покупки и привозного товару... 100 ар. кружев мишурных с нитьми, десятеры **вилцы** черешки костяные рыбы. *Сл. промысл. I, 88, 1679 г.*

в) соотнесение лексем одной тематической группы

Иногда помета *ср.* объединяет в историческом словаре слова одной тематической группы. Например, в СОРЯ выводится синонимический ряд *задвижка — задорога — закладка — заложка — замкнение — замок — запирка — запор — засов — затвор*:

ЗАМО́К, м. 1. *Приспособление для запирания, закрывания при помощи подвижной планки; накладной или внутренний засов; задвижка. ... Ср. задвижка, задорога, закладка, заложка, замкнение, запирка, запор, засов, затвор.*

ЗАСОВ, м. (11) 1. *Большая задвижка для запирания ворот, дверей. ... Ср. задвижка, задорога, закладка, заложка, замкнение, замок, запирка, запор, затвор.*

Соотнесение единиц одной тематической группы правомерно при характерной для языка Московской Руси диффузности семантики (в частности, возможности лексемы выражать и общие, и более частные значения) и недостаточности сведений о дифференциации значений лексем. В этом смысле описываемые синонимы нетождественны их современному пониманию, цель такого соотнесения — максимально широкий показ семантических (в том числе, возможных синонимических) связей слов в языке XVI—XVII вв. См. один из вариантов представления таких слов:

БЫК²... 1. *Опора, подпора какого-л. сооружения или его части. обычно мн.* Маяя въ 3 де полая вода испортила на мельницы плотину всю и **быки** и лежни столбы выламала и забор мелничной. *Южн. тамож. кн., 238, 1647 г.*

ГОРОДНЯ... 2. *Опора моста.* Мостъ на рѣки на Орлине на пяти городняхъ 50 сажень, весь хуть, мостити его наново и **городни** дѣлати новоижь. *ДТП II, 533, 1602 г.* Черезъ Великую рѣку здѣланъ мостъ на рубляныхъ **городняхъ**. *Пск. писц. кн. II, 394, 1660 г. ... Ср. бык².*

4. Постановка пометы *ср.* при разных лексических и семантических единицах

С целью максимально полной и исчерпывающей характеристики описываемого материала помета *ср.* в СОРЯ используется при соотнесении единиц лексико-семантической системы разного уровня, отсылая друг к другу между собой:

— слова (*закрыть ср. замчить, житарь ср. жито*),

— устойчивые сочетания (*жить блудным воровством ср. блудно живать*),

— слово и устойчивое сочетание (*двойни*² *ср. двойная изба (см. двойной), дома ср. по домом (см. дом), житник ср. житничный целовальник (см. житничный)*),

— слово и форму слова, лексикализирующуюся в результате грамматической транспозиции (*домочадец и домашний, м. (см. домашний, прил.), дивие, с. (см. дивий, прил.) и дичь* ‘дикие звери’).

Соотносятся между собой лексемы целиком, значения слова, оттенки значений.

Таким образом, исторический словарь донационального периода отражает широкое, не совпадающее с синхронным, состояние так называемой синонимии (парадигматических отношений семантической близости). В СОРЯ пометой *ср.* соотносятся:

а) лексические единицы, близкие или тождественные по значению, при этом важна возможность использования таких элементов в сходных контекстах,

б) лексические единицы, изначально разной жанровой принадлежности, обнаруживающие семантическую близость, фактически будущие стилистические синонимы в литературном языке,

в) нейтральные лексические единицы и их эквиваленты с суффиксами субъективной оценки,

г) лексические единицы одной тематической группы при недостаточной дифференцированности семантики.

При таком лексикографическом представлении, основываемся на реальном языковом состоянии, исторический словарь не просто регистрирует лексемы и устойчивые сочетания, зафиксированные в памятниках, являющихся источниками словаря, а стремится продемонстрировать функционирование лексико-семантической системы языка (в частности, парадигматические связи лексических единиц и специфику этих отношений в конкретный исторический период) в эпоху начального формирования литературного языка.

Библиография

Словари

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. Вып. 1—7—. СПб., 2004—2016—.

Источники

А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

АМГ I — Акты Московского государства. Т. I—II // Под ред. Н. А. Попова; Т. III // Под ред. Д. Н. Самоквасова. СПб., 1890—1901.

Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633—1652 / Hrsg. und komm. von Maritta Schmücker-Breloer. Köln; Weimar; Wien, 1996.

А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. / Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. I—II. М., 1951—1956.

А. Угл. — Шумаков С. Угличские акты (1400—1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1.

В-К III — Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

Вкл. кн. ТСМ. — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подготовили Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева; Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.

Вкл. Нижегород. — Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / Предисл. А. А. Титова // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1.

Вологод. док. — Хрестоматия по истории вологодских говоров / Сост. Г. В. Судаков. Вологда, 1975. Тексты XVI — нач. XVIII вв.

Грамотки — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

ДД I — Донские дела. Кн. I—V. СПб., 1898—1917 (РИБ. ТТ. 18, 24, 26, 29, 34).

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994.

ДТП II — Дела Тайного приказа. Кн. 2. СПб., 1908 (РИБ, т. 22).

ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

Ист. песни — Исторические песни XIII—XVI веков (по спискам XVIII—XX вв.) / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

Кн. корм. Кир.-Б. м. — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Предисл. И. П. Сахарова // Записки Отд. рус. и слав. археологии Археолог. об-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851.

Котошихин — Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Назиратель — Назиратель / Изд. подг. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

Новг. док. (Шв.) — Давидссон К. К. Новгородские документы из русских рукописей XVII в., хранящихся в универ. библиотеке г. Упсалы (Швеция) // История русского языка: Исследования и тексты / Отв. ред. В. Г. Демьянов, В. Ф. Дубровина. М., 1982.

Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / Изд. подг. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.

Пам. южн. в.-р. нар. — Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1990.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.

Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Пск. писц. кн. II — Псков и его пригороды. Кн. II. // Сб. Москов. архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914.

Расх. кн. — Соколова А. А., Мекк А. К. фон. Расходные книги и столпцы Поместного приказа (1629—1659 гг.) / Под ред. Н. Н. Ардашева. Кн. 1. М., 1910.

РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963.

Сид — *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. // Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. М., 1911.

Сказ. о роск. житии — Сказание о роскошном житии и веселии. // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.

Сл. Ворон. — *Хитрова В. И.* Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии. (А—Ж). М., 1987.

Сл. Нерч. I — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII—XVIII вв. / Сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.

Сл. промысл. I — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003.

Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сл. Перм. 1 — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1. Пермь, 1993.

Ст. печ. пр. — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпы печатного приказа / Под ред. Л. М. Сухотина // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2, Приложение.

Ст. сп. Новосильцева — Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954.

Судебник 1589 г. — Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. // Судебники XV—XVI вв. / Подг. текстов Р. В. Мюллер и Л. В. Черепнина; Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Тронх. разг. — The trondheim russian-german MS vocabulary / Ed. by S.S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömso, 1972.

Улож. 1649 г. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959.

Хоз. Мор. II — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б. И. Морозова. Ч. 1—2. М.; Л., 1933—1936.

ЧО — *Арсеньев Ю. П.* Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650—1684 гг). // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским.

Южн. тамож. кн. — Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982.

Южн. челобитные — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

Научная литература

Волков 2006 — *Волков С. С.* Стилиевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных. СПб., 2006.

Иссерлин 1961 — *Иссерлин Е. М.* Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961.

Кутина 1958 — *Кутина Л. Л.* К вопросу о синонимике в языке XVII в. // Ученые записки ЛГУ, № 243. Серия филологических наук, вып. 42. Л., 1958. С. 104—134.

Мжельская 2003 — *Мжельская О. С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI—XVII вв. (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.

Михайловская 1980 — *Михайловская Н. Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. (нормативный аспект). М., 1980.

Орлова 1984 — *Орлова Н. Д.* Словообразовательная синонимия отглагольных прилагательных в истории русского языка: Автореф... канд. филол. наук. Казань, 1984.

Порохова 1964 — *Порохова О. Г.* Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 59—79.

Судаков 2010 — Судаков Г. В. История русского слова. Вологда, 2010.

Черняк 2010 — Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

Шмелёв 2006 — Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Изд. 4-е. М., 2006.

E. Generalova. Lexicographic aspect of the synonymy in the historical dictionary of the Old Russian

The features of the relations of semantic similarity in diachrony are investigated in the article; the synonymic relations in Russian of the 16—17th centuries are interpreted through a prism of their lexicographic representation in “The dictionary of Quotidian Russian of the Moscow Russia of the 16—17th centuries” and its card files. The principles of words correlation in the historical dictionary are proved; the aim is to show the lexico-semantic system of language during an era of initial formation of the literary language.

С. С. Волков*, Е. М. Матвеев**, М. Г. Шарихина***

**Устойчивые сочетания
в «Словаре языка М. В. Ломоносова»**

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое сочетание, словарь, язык Ломоносова, авторская лексикография.

В статье рассматриваются принципы выделения и описания устойчивых сочетаний в «Словаре языка М. В. Ломоносова», а также формулируются задачи, актуальные для составления исторического авторского словаря. Описание различных лексико-грамматических разрядов устойчивых сочетаний, построенных как по модели словосочетания, так и предложения, проводится с учетом специфики словарного материала.

I

Одним из важнейших аспектов описания авторского слова является не только демонстрация его семантической «глубины», специфики авторских трансформаций и «приращений», обогащения семантики, актуализации одних семантических элементов и ослабления других, но и словарное представление того, насколько активно ведет себя авторское слово в плане комбинации

* Сергей Святославович Волков, кандидат филологических наук, заведующий отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: sergejvolkov2006@yandex.ru.

** Евгений Михайлович Матвеев, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: ematveev@list.ru.

*** Миляуша Габдрауфовна Шарихина, кандидат филологических наук, лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: justmilya@yandex.ru.

с другими лексическими единицами, его способности вступать в разнообразные непродолжительные или длительные «союзы» и «отношения», благодаря которым и рождается тот самый уникальный у каждого автора контекст, «уловить» который, по словам Л. С. Ковтун, является задачей научного авторского словаря [Ковтун 1962: 31]. Безусловно, образ мира автора — как литератора, так и ученого, — является нам равно и через семантику авторского слова, и через его сочетаемость.

Знакомство с современной литературой по фразеологии показывает, что изучение фразеологии отдельных авторов является одним из актуальных направлений современных фразеологических штудий. В последнее время наблюдается заметное возрастание интереса к исследованию идиофразеологического материала [Архангельская 2014; Ломакина 2016; Ляшчынская, Шведава 2007; Мокиенко, Сидоренко 2013]. Соответственно, одним из значимых параметров «Словаря языка М. В. Ломоносова» является фразеологический параметр — демонстрация сверхсловных идиолектных единиц, т. е. устойчивых сочетаний разного типа. В плане характеристики идиолекта, как считал Ю. С. Сорокин, такого рода информация преследует тройную цель: 1) выделить и описать случаи реализации фразеологически связанных значений слова; 2) отметить ситуации возникновения семантического единства, наблюдать за процессом формирования «слитности»; 3) раскрыть сочетаемостные потенции слова [Сорокин 1960: 54—55]. Важным представляется изучение влияния устойчивых сочетаний на изменение семантики слова [Корнев 1981]; для этого, например, в «Словаре русского языка XVIII века» для характеристики «специфических» употреблений слова Ю. С. Сорокиным была введена, в частности, новая для метаязыка исторических словарей помета | *В посл* <овице> [Сл. РЯ XVIII в. 1977: 69—70]. Не менее значимый аспект лексикографирования фразеологических единиц идиолекта представляет описание формального варьирования устойчивых сочетаний как в пределах идиолекта, так и относительно лексико-фразеологического массива русского языка XVIII века (т. н. *внутреннее* и *внешнее* варьирование), фиксация

частотности употребления (с использованием специальных помет или, например, путем приведения большего, чем у нечастотных единиц, количества примеров) в целом или в текстах отдельных произведений или группы произведений (например, одической поэзии) [Баранов, Добровольский 2005: 60].

Если речь идет об устойчивых сочетаниях в «Словаре языка М. В. Ломоносова», то какие виды сверхсловных единиц должны были бы найти в нем отражение? Какие именно разряды устойчивых словосочетаний можно считать релевантными для создания более-менее объективной лексикографической модели языка и стиля выдающегося русского писателя и ученого? Мы считаем, что главным принципом представления материала в современном авторском словаре является провозглашенный проф. Б. А. Лариным принцип полноты охвата авторского языкового материала. Этот принцип, как мы полагаем, должен быть в полной мере распространен и на устойчивые словосочетания в языке М. В. Ломоносова, поэтому в словарной статье должны найти описание все имеющиеся их типы. Как справедливо отмечает А. Г. Балакай, «применительно к задачам составления словаря языка писателя <...> целесообразно придерживаться широкого понимания фразеологии. К фразеологическим единицам следует относить все устойчивые в языке и воспроизводимые в речи обозреваемого периода комбинации слов различных грамматических структур, обладающие разной степенью семантической слитности и мотивированности значения» [Балакай 2009: 11]. К таким единицам исследователь относит идиомы, фразеологические сочетания, составные наименования («номенклатуры»), описательные наименования (перифразы), предложно-падежные сочетания с идиоматичным значением, устойчивые сравнения, модальные выражения, этикетные формулы, пословицы, поговорки, прибаутки, крылатые выражения [Там же]. Мы должны добавить к этому обширному списку грамматические фразеологизмы (*как бы там ни было; между тем как; не что иное как, за благо рассудится* и под.), синтаксические фразеологизмы [Баранов, Добровольский 2008: 9], а также т. н. языковые штампы или клише — устойчи-

вые сочетания, имеющие «ходовой для своего времени характер» [САТГ: 1, 30].

Таким образом, в «Словаре языка М. В. Ломоносова», составление которого идет в ИЛИ РАН, принято широкое понимание фразеологии. Термин *фразеологическая единица* (ФЕ) при таком подходе синонимичен термину *устойчивое сочетание*. Под *фразеологической единицей* мы понимаем языковую единицу, возникшую в результате процесса фразеологизации, воспроизводимую в языке и любом акте речи как готовая единица более сложной организации, нежели слово [Бирих, Волков, Никитина 1993: 89].

Таким образом, главным признаком устойчивых сочетаний, помимо, конечно, их раздельнооформленности, является их **воспроизводимость**: «Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» [Шанский 1996: 22—23; см. также Ройзензон 1973: 101—119], т. е. как бы извлекаются из языковой памяти целиком, в «готовом» виде, это своего рода «предварительное, дотекстовое бытие языковых сочетаемостей» [Копыленко, Попова 1978: 15]. Воспроизводимость, по-видимому, следует принять как основное свойство фразеологии, так как именно она является единственным общим и отличительным признаком, выделяющим устойчивые сочетания из массы свободных сочетаний слов [Гаврин 1974].

Воспроизводимость сочетания, по-видимому, должна доказываться: а) «положительной» частотностью употребления сочетания в идиолекте М. В. Ломоносова (назовем этот вид воспроизводимости *внутренней* или *идиолектной*). Условно примем за критерий включения словосочетания в число устойчивых повторяемость словосочетания в текстах М. В. Ломоносова не менее трех раз¹; так, например, ФЕ *живота лишиться* ‘умереть’ употребляется в текстах М. В. Ломоносова 9 раз (см. ниже) и, следовательно, вполне заслуживает включения в Словарь; б) фиксацией сочетания в исторических, толковых, диалектных, авторских словарях (в том числе в «Словаре русского языка XVIII века», «Большом академическом словаре русского языка», «Толковом словаре живого

великорусского языка» В. И. Даля, «Словаре русских народных говоров», «Архангельском областном словаре», «Вейсманновом лексиконе», «Словаре языка Пушкина» и пр.), а также сводных фразеологических собраниях, таких, как, например, «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2007] и др.; в) фактами регистрации сочетания крупнейшими словарными картотеками (картотека «Словаря русского языка XVIII века», Большая словарная картотека ИЛИ РАН, картотека «Словаря общерусского языка Московской Руси XVI—XVII вв.», картотека «Словаря русских народных говоров»). Весьма полезными окажутся сведения, которые составители словаря почерпнут из подготовленной доктором филологических наук, доктором исторических наук А. А. Бурькиным «Библиотеки лексикографа» или «Национального корпуса русского языка». Этот вид воспроизводимости можно назвать *внешней* или *языковой*.

Второй не менее важный признак фразеологической единицы — это ее имманентная **экспрессивность** (этим свойством обладает большинство описываемых устойчивых сочетаний, кроме составных терминов и некоторых фразеологических сочетаний и грамматических фразеологизмов, но и они имеют особую маркированность в тексте М. В. Ломоносова). Экспрессия фразеологических единиц, указывает С. Б. Берлизон, — «способность фразеологизма (слова) выражать понятия ярко, наглядно, красочно, передавать интенсивность его смыслового содержания, наивысшую степень признака, напряженность действия, создавать “особое восприятие” — своеобразный компонент его смысловой структуры, обусловленный особенностями его семантики, формальной структуры, звукового состава» [Берлизон 1972: 242]. По мнению В. М. Мокиенко, фразеологизмы являются почти «идеальными» прагмемами, так как «у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны, тогда как в лексике — дифференцированы, разъединены» [Мокиенко 1989: 210, 211].

Однако выделить, используя указанные выше критерии, совокупность воспроизводимых словосочетаний в идиолекте

¹ Такой подход нам любезно подсказал А. К. Бирих [Бирих 2016: 19–21]

М. В. Ломоносова и составить их реестр — это только половина дела. Актуальными задачами словарного описания фразеологических единиц в «Словаре языка М. В. Ломоносова» можно считать следующее:

- установить подлинный статус устойчивых словосочетаний, т. е. или доказать их связь с национальным русским языком середины XVIII века или принадлежность только идиолекту М. В. Ломоносова (дихотомия *общезыковое* — *индивидуальное*). Это одна из наиболее важных задач словаря языка писателя [Мокиенко 1981: 70], но лексикографическое решение этого вопроса представляет собой особую сложность. Вряд ли вызовет сомнение утверждение о том, что устойчивое словосочетание *своим архином мерить* [Ломоносов 1950—1983: 10, 480]² — общезыковой фразеологизм, так как мы легко находим его употребления в «Притчах» А. П. Сумарокова — современника М. В. Ломоносова — и в «Лексиконе» С. С. Волчкова [Сл. РЯ XVIII в.: 1, 103]. Но в отношении многих выражений (особенно поэтических перифраз) потребуются специальные разыскания. Весьма важным представляется исследование роли М. В. Ломоносова в формировании массива фразеологических единиц современного русского литературного языка, т. е. установление того, какие фразеологические единицы вошли в литературное употребление именно благодаря научной и поэтической деятельности М. В. Ломоносова;
- указать (или хотя бы сделать попытку установить) источники фразеологических единиц в идиолекте М. В. Ломоносова; ясно, что они должны бы быть связаны с народно-разговорной или диалектной стихией, церковно-книжной сферой, древнерусской книжностью, языком новой секулярной культуры середины XVIII века и особенно с античной культурой (см. *златое руно, кастаньский ключ, поражен как*

² В дальнейшем тексте статьи ссылки на это издание оформляются сокращенно: первая цифра указывает том, вторая — страницу.

*Варус*³ и пр.). Особое значение здесь имеет мультилингвизм М. В. Ломоносова и его активная деятельность в качестве переводчика. Поэтому для «Словаря языка Ломоносова» крайне важной представляется этимологизация устойчивых сочетаний, т. е. установление их связи с другими языковыми стихиями, в первую очередь — с латинским, немецким и французским языками (дихотомия *исконное* — *заимствованное*). Ср. латинскую поговорку *Finis coronat opus*, немецкую *Das Ende krönt das Werk*, французскую *La fin couronne l'oeuvre* и устойчивое сочетание *Добрый конец все дело венчает*, которое находим в «Кратком руководстве к риторике» М. В. Ломоносова [7, 119].

- уделить особое внимание особенностям применения устойчивых сочетаний в текстах М. В. Ломоносова разной тематической приуроченности. В фокусе лингвистического анализа при этом должны находиться семантические и формальные «сдвиги», «переделки», изменение связей, варьирование компонентного состава, обогащение значения и, как указывал Б. А. Ларин, появление «добавочности смысла». Так, например, устойчивое сравнение *как град падать, сыпаться* ‘обильно, во множестве’ является общезыковым, в том числе и для русского языка середины XVIII века [Сл. РЯ XVIII в.: 5, 209; Мокиенко, Никитина 2008: 150]. Употребление этого сравнительного оборота, например, находим у Ломоносова в трагедии «Демофонт» (1751):

[Вестник:] Внезапно из-за гор там весла зашумели,
И стрелы огненны до облаков взлетели,
Упали с высоты на нас, как сильной град,
Уже на кораблях снаряды все горят! [8, 480].

В трагедии «Тамира и Селим» (1750 г.) находим этот же оборот, но уже в трансформированном виде: как град

³ Имеется в виду римский полководец Публий Квинтилий Вар (старший), потерпевший жестокое поражение в сражении с германцами в 9 году н. э..

сгущённый шуметь 'о звуке, который издают падающие во множестве стрелы':

[Тамира:] К нему [Селиму] я чувствую в себе любовну страсть!

Любовь меня влечет его смотреть на стены.

Куда? И как? Или на стрелы устремлюсь,

Что ныне против нас шумят, как град сгущенный?

Но я уязвлена и стрел уж не боюсь [8, 296].

Тем самым создается новый яркий поэтический образ, в котором актуализируются иные, нежели в традиционном устойчивом сравнении, содержательные элементы — звук, который издается обильным дождем, градом, соплагается с шумом или звуком, который издают летящие стрелы. Следует заметить, что особенностью поэтического идиостиля Ломоносова является использование этого устойчивого сравнения с интегрированным «интенсифицирующим» или «гиперболизирующим» определением (сильный, сгущенный). Яркие образные сравнения, созданные Ломоносовым, находят свое воплощение у Г. Р. Державина⁴ в описании высоких библейских картин ужасов и потрясений (данное стихотворение, написанное по случаю взятия Очакова кн. Г. А. Потемкиным, является переложением Псалма 91):

От стрел, как град с высот шумящих,

Отнюдь не устрашится он;

⁴ Ломоносовское словосочетание *сгущенный град* тоже имеет поэтическую судьбу: находим его в «Оде на рабство» (1783) В. В. Капниста, но, к сожалению, не в составе сравнения:

От громкого перунов треска

И молнии горящей блеска

Мятеся трепетна земля, —

Но солнце страх сей отгоняет

И град сгущенный растопляет,

Дождем проливши на поля [Капнист 1959: 176].

От вихрей, с жуплом преходящих,

И все огнем ядущих волн

Не удалится прочь: — и завсегда,

Как твердый Тавр, душа его тверда

[Державин 1864—1883: 1, 232].

II

В «Словаре языка М. В. Ломоносова» будут отдельно описываться две группы устойчивых словосочетаний:

- фразеологические единицы, построенные по структурной схеме словосочетания или имеющие глагольно-пропозициональную структуру;
- фразеологические единицы, построенные по структурной схеме предложения, в терминологии Н. М. Шанского — «фразеологические выражения коммуникативного характера» [Шанский 1996: 70], представленные пословицами и афоризмами — т. н. «крылатикой».

В пределах первой группы устойчивых сочетаний (в соответствии с традицией ларинской лексикографической школы) в «Словаре языка М. В. Ломоносова» различаются три *основных* типа единиц. Б. А. Ларин в «Инструкции Псковского областного словаря» писал: «Тремя знаками — уголка, треугольника и ромба — мы выделяем устойчивые сочетания разных степеней семантической слитности» [Ларин 1963: 267—268]. Идиомы, фразеологические сращения, в которых невозможно расчленение на смысловые слова, в словарной статье выделяются знаком семантического ромба (◊). Иносказательные речения, в которых еще «осознается» внутренняя форма, которые характеризуются «двуплановостью», живой образной связью с исходным словосочетанием, выделяются знаком треугольника (Δ). Устойчивые словосочетания, употребляемые с прямым значением слов-компонентов (или семантическим сдвигом в одном из компонентов), выделяются принятым не только в «Псковском областном

словаре», но и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» знаком угла (∟).

Напомним, что в «Словаре русского языка XVIII века» принята двухчастная классификация. Все устойчивые словосочетания делятся на две большие группы: а) «чистую» фразеологию или идиоматику (принципы ее описания разработал А. И. Молотков) и б) «несвободные сочетания, сохраняющие связь со значением как с фактором регулирующим, но одновременно характеризующимся известной степенью синтетичности» — метафорические сочетания, перифразы, глагольно-именные сочетания с ослабленной семантикой глагола, тавтологические сочетания и нек. др. [Сл. РЯ XVIII в. 1977: 94—95]. Концепция лексикографического представления этого разряда устойчивых сочетаний разрабатывалась Л. Л. Кутиной. Подобная схема также используется в «Словаре русского языка XIX века»: отдельно описываются свободные устойчивые сочетания [Сл. РЯ XIX в. 2002: 119—127] и идиоматика [Там же: 142—152]. В практической лексикографической работе, как нам представляется, при «двухчастном» разделении остаются нечеткими границы разрядов сверхсловных языковых единиц.

Применение трехчастной классификации для словарного описания устойчивых словосочетаний в идиолекте М. В. Ломоносова имеет свои преимущества, по крайней мере с точки зрения исследования тенденций формирования фразеологического состава русского языка в период формирования литературной нормы. Во-первых, более четко выделяется, а следовательно, и получает словарное описание разряд иносказательных мотивированных словосочетаний (знак Δ). Конечно, сколько-нибудь окончательные суждения относительно состава и особенностей фонда устойчивых сочетаний идиолекта М. В. Ломоносова можно будет выносить только тогда, когда будет составлена основная часть словаря. Но и сейчас уже ясно, что это наиболее значимый и «весомый» разряд фразеологических единиц, тенденцию к расширению и пополнению которого, по-видимому, можно считать ведущей для развития фразеологического состава в XVIII веке. Во-вторых, определяется роль, объем и значение разных групп устойчивых словосочетаний

внутри единого идиолекта. В-третьих, в особый раздел попадают семантически слитные выражения, которые представляют собой «готовый» фразеологический материал, формирование которого уже завершилось, а значит — имело место в предломоносовскую эпоху. В-четвертых, ларинская классификация дает возможность включить в описание многочисленные и столь характерные для трудов Ломоносова научные и технические сложные термины (см., например, сочетания с пометой *Хим.* и опорным словом *водка*: *двойная водка, едкая водка, нашатырная водка, купоросная водка, селитряная водка* и пр.).

Итак, в соответствии с предложенной трехчастной классификацией в «Словаре языка М. В. Ломоносова» предполагается выделять следующие группы устойчивых словосочетаний:

1. Идиоматические фразеологические единицы (◇), основным признаком которых является «семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов» [Виноградов 1977: 147]. У Ломоносова такие единицы немногочисленны. В «Материалах к “Российской грамматике”» есть сочетания, которые можно было бы принять за идиомы, однако они приводятся без какого-либо истолкования: *самъ несвой* [7, 616], *приказаль долго жить* [7, 617]. Часто идиомы в идиолекте Ломоносова содержат архаические компоненты и конструкции, например:

ДЕНЬ ..

◇ **Ветхий деньми.** *Бог.*

Благословенна вечно буди,

Вещает **Ветхий деньми** к Ней, —

И все твои с Тобою люди,

Что вверил власти Я Твоей [8, 84].

БОГ ..

◇ **В бозе почивать.** *Умереть.* Проект, каким образом, по моему мнению, пристойно мозаикою украсить соборную церковь святых апостол Петра и Павла и построить в ней монумент **в бозе почивающих** монархов [9, 124].

2. Мотивированные фразеологизмы (Δ), образованные путем метафорического или метонимического переноса или основанные на аллегории (см. об аллегории ниже). Наиболее частотными разновидностями этой группы являются следующие лексико-грамматические разряды устойчивых сочетаний:

а) Субстантивные сочетания.

АНГЕЛ ..

Δ **Ангел во плоти**. *Обладатель всех возможных совершенств и добродетелей.*

Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,

Но в самой истинне ты перед нами царь:

Ты **Ангел во плоти** иль, лучше, ты безплотен! [8, 675].

ВЕК ..

Δ **Златой век**. *Время благополучия, благоденствия.*

Ликуйте светло друг пред другом:

Златой начался снова **век** [8, 34].

Так Нил смиренно протекает,

Брегов своих он не терзает,

Но пользой выше протчих рек:

Своею сладкою водою,

В лугах зеленых пролитою,

Златой дает Египту **век** [8, 152].

ВЗОР ..

Δ **Душевный, мысленный, умный взор, взор духа**. *Разум, сознание, дух.*

О ты, блаженная в подсолнечной страна!

Взведи свой **умный взор** к Божественному свету [8, 393].

На верьх Парнасских гор прекрасный

Стремится **мысленный** мой **взор** [8, 137].

Ко свету твоего лица

Вперяю **взор душевный** [8, 373].

Толь множество доброт в Ней видим несказанно!

Нельзя представить всех пред **мысленный** наш **взор** [8, 549].

Позволь мне **духа взор** простерть

На брань и сродство милосердо [8, 649].

Для того возведите, слушатели, **мысленный взор** ваш к берегам великих рек, которыми особливо Российская держава напояется [5, 324].

Часто **мысленный взор** наш, обзрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающие, на пресветлое Ея лице обращается и рассеянный повсюду увеселения на нем едином находит [8, 237].

б) Глагольно-именные сочетания.

АРШИН ..

Δ **Своим аршином мерить**. *Судить, оценивать, руководствуясь только собственным опытом, собственными представлениями о чем-л.* Я все свои силы употреблю, чтобы .. те, которые из недоброхотной зависти толкуют посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они **своим аршином** чужих сил **мерить** не должны [10, 480].

ГЛАВА ..

Δ **Возносить главу и главу возносить**. *Возвыситься в величии и славе, прославиться.*

Россия ныне над всеми земными царствами **главу** свою **возносит** [8, 240].

Сквозь все препятства Он **вознес**

Главу, победами венчанну,

Россию, грубостью попанну,

С собой возвысил до небес [8, 200].

в) Адвербиальные сочетания.

ВОЛОС ..

Δ **Ни на волос**. *Нисколько, ничуть.*

По оклеветанию г. Тауберта, который в издании «Российского атласа» мне нагло препятствовал, прислан от его сиятельства Академии Наук г. [президента] ордер, чтобы Географический департамент из моего смотрения отдать г. Миллеру, который, имев

прежде сего оный департамент семь лет в своем распоряжении, **ни на волос** добра не сделал [10, 564].

Δ **Ниже волоса**. *Ничего, даже самой малой части.*

Что же до придачи к нему студентов надлежит, то не вверяю я Шлёцеру **ниже волоса** студентского [9, 431].

СЕРДЦЕ ..

Δ **От всего сердца**. *Искренне.*

Я бы **от всего сердца** желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовольствовать, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени [10, 474].

Сего вам истинный ваш почитатель **от всего сердца** с крайним усердием желает и желать не престанет до конца жизни [10, 477].

г) Глагольно-пропозициональные фразеологизмы.

СЕРДЦЕ ..

Δ **Сердце возгорается** на кого. *Охватывает гнев, ярость.* Ярче **возгорается сердце** на сопостата, которого прямо против себя идущего видеть можно, нежели на закрытого [2, 367].

ЗЕМЛЯ ..

Δ **Земля носить** кого **не хочет**.

Агарян ноги в выстрел всяк
Дрожат, себе являя знак,
Впоследни что бежа ступают.

Земля не хочет их **носить**,

От нас не знали, что покрыть [7, 41].

Кроме того, в «Словаре языка М. В. Ломоносова» выделяются две *особые* разновидности мотивированных фразеологизмов: устойчивые тропеические перифразы и основанные на аллегорических образах устойчивые сочетания.

а) Перифраза — это «двухчастная лексическая конструкция, состоящая из трех членов: слова-номината (первая часть) и перифразирующего и предцизируемого компонентов (вторая

часть), обладающая актуально-номинативной функцией и коммуникативно релевантным (перифрастическим) значением» [Бытева 2008: 221]. Перифраза представляет собой вторичное описание предмета или явления действительности, т. е. характеризуется субстантивностью [Новиков 2004: VI]. Формальная структура перифразы выглядит следующим образом [Бытева 2008: 26]:

слово-номинат, перифразируемое слово	перифрастическое сочетание	
	предцизируемый компонент	перифразирующий компонент (опорное слово)
<i>Мех</i>	<i>мягкое</i>	<i>золото</i>

Как показала Т. И. Бытева, «в перифразе происходит коммуникативная актуализация семантики слова-номината по определенным семантико-синтаксическим правилам», главным из которых является «использование тема-рематических отношений между членами перифразы, основанных на итерации семы слова-номината в опорном компоненте перифрастического сочетания» [Там же: 222]⁵.

⁵ Перифраза также является риторическим приемом, она традиционно описывается классическими риторическими трактатами и современными риторическими справочниками. В классической риторике перифраза традиционно включалась в число тропов, или фигур переосмысления [Гаспаров 1997: 576]; М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» рассматривает перифразу (в его терминологии – парафразис) в перечне тропов предложений [7, 249]. По определению В. П. Москвина, «перифраза – описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования <...> Отличительная черта перифразы – ее неоднословность <...> В структуре перифразы можно выделить две части: ядерную и ключевую. Ключевая (“отгадочная”, конкретизирующая) часть прямо называет какой-либо характерный признак обозначаемого объекта и тем самым обеспечивает возможность расшифровки перифразы» [Москвин 2007: 551].

В идиолекте М. В. Ломоносова можно выделить *тропеические перифразы* (*премудрый архитектор* ‘Бог’) и *дескриптивные (нетропеические) перифразы* (*Славенския грамматики автор* ‘Мелетий Смотрицкий’, *Филиппов сын* ‘Александр Македонский’, *военный бог* ‘Марс’, *испытатель натуры* ‘исследователь явлений и законов природы, естествоиспытатель’, ср. нем. Naturforscher). Оба типа перифраз в словаре сопровождаются одной пометой — *В перифр.* Основанием для такого неразграничения является то, что перифразы любого типа являются экспрессивными наименованиями: «независимо от того, какой тип перифразы реализуется (дескриптивный или тропеический, общеязыковой или контекстуальный), перифраза представляет собой способ выделения определенного содержания необычностью номинации» [Бытёва 2008: 68, 77]. Устойчивые тропеические перифразы, образованные путем метафорического или метонимического переноса, обозначаются в словаре пометой *В перифр.* и знаком Δ, дескриптивные — пометой *В перифр.* и знаком ∟⁶.

Тропеические перифразы — одно из наиболее продуктивных средств художественного (поэтического) языка М. В. Ломоносова. Например:

ДЕНЬ ..

В перифр. Δ **Нежные дни.** *Юность*⁷.

О коль велика добродетель

В Петровых **нежных днях** цветет! [8, 62].

Свое блистание влияли

В твои пресветлы очеса;

Лице всходящая денницы

И бодрость быстрья Орлицы

И в **нежнейших** являлись **днях**;

⁶ Перифразы, не обладающие воспроизводимостью, фиксируются в «Словаре языка М. В. Ломоносова» с помощью пометы *В перифр.* без знаков Δ и ∟.

⁷ Ср. *нежные годы, лета, нежный возраст* [Сл. РЯ XVIII в.: 14, 182—183].

Уже младенческие взгляды

Предвозвещали те отрады,

Что бедным ныне отъемлют страх [8, 152].

Нередко в составе перифразы используются антропонимы, например:

СТЕНА ..

В перифр. Только *мн.* Δ **Петровы стены.** *Петербург.*

Красуются **Петровы стены**,

Что к ним Его приходит внук,

Прекрасной Анной днесь рожденный [8, 60].

О коль достойно возвеличен

Сей день и тот блаженный час,

Когда от радостной премены

Петровы возвышали **стены**

До звезд плескание и клик [8, 198].

ВРЕМЯ ..

В перифр. Δ **Августово время.** *Благоденствие, процветание.*

Подвигнется Европа; ученые, возвращаясь в отечество, станут

сказывать: мы были во граде Петрове, гроб его видели, мы видели

Елисаветы, мы видели чудныя дела Божия и Петровы, мы видели

там **Августово время**, Меценатов [8, 684].

Тропеические перифразы могут варьировать компоненты, вступая в синонимические отношения, например:

СЕСТРА ..

В перифр. Только *мн.* Δ **Кастальские, чистые сестры** (ср. фр. les neuf sœurs), **девять сестр.** *Музы.*

Не Пинд ли под ногами зрю?

Я слышу **чистых сестр** *Музыку!* [8, 18].

Минерва, Аполлон и **девять сестр** зовут

И нудят совершить священный спешно труд [8, 707].

Кастальския сестры прекрасны,

С Парнасса льют и глас и свет [8, 796].

Заслуживают внимания те случаи, когда тропеические перифразы формируют целые фразеологические серии, образованные по единой модели, например:

СТРУЯ ..

В перифр. Только мн. Δ Двинские, днепровы, донские, дунайские, невские .. шпрейские струи. О реках Двине, Днепре, Доне, Дунае, Неве, Шпрее.

Се слава по путям Ливонским разглашает:

«Монархиня лицом к Петрополю сияет».

В восторге он приняв желаемый сей слух

От чистых **Невских струй** возводит взор и дух

И Солнца своего приветствует восходу,

Откуда блещет свет Российскому народу [8, 804].

Ср. у В. К. Тредиаковского в стихах из «Аргениды»:

Тени храбрейших мужей место населяют;

В нем за беспорочну жизнь радуясь гуляют;

При **струях Летейских** <выделено нами — авт.>, позабывших ссоры их,

Где совет согласный примирил вовек благих [Тредиаковский 2009: 272].

Среди перифраз, включающих антропонимы и мифонимы, выделяются перифразы, построенные по модели «*российский* + имя собственное»: *Колумб Российский* ‘бесстрашный русский мореплаватель — открыватель новых земель’ (возможно об А. И. Чирикове [8, 939]), *новые Колумбы, Российская Амфитрида* ‘Екатерина II’, *Российский Зевес* ‘Петр I’, *Российская Диана* ‘Елизавета Петровна’.

Посмотрим в Западные страны:

От стрел **Российския Дианы**

Из превеликой вышины

Стремглавно падают Титаны;

Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,

Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,

Ты, звук летающего строя,

Ты, Шпрее, хитрая река, —

Спросите своего Героя,

Что может Росская рука [8, 749].

Язоны, Тифисы, Алкиды,

В Российской волю **Амфитриды**

Отдавшись, как в способной ветр,

Препятства, страхи презирают [8, 797].

Антропонимическими перифразами Ломоносов пользуется и в поэзии, и в ораторской прозе:

Тогда плывущим Петр на полночь указал,

В спокойном плаванье сии слова вещал:

«Какая похвала Российскому народу

Судьбой дана — протги покрыту льдами воду ..

Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,

Меж льдами новый путь отворят на восток,

И наша достигнет в Америку держава [8, 701]⁸.

Ср. в «Слове похвальном Петру Великому» (1755):

Пространная Российская держава на подобие целого света едва не отовсюду великими морями окружается и она себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью Российскаго флота .. Там **новые Колумбы** к неведомым берегам спешают для приращения могущества и славы Российской [8, 598].

б) Под аллегорией понимается «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» [Лагутина 2003: 27]. Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в

⁸ Интересно отметить, что Г. Р. Державин назвал *Колумбом Росским* известного предпринимателя и путешественника Г. И. Шелихова: «Колумб здесь русский погребен» [Державин 1864—1883: 1, 776].

прямом значении, хотя генетически в основе аллегии может быть метафора или метонимия), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегии также обычно относят ее однозначность, тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме. Устойчивые сочетания с аллегорической мотивировкой обозначаются в словаре пометой *В аллег.* и знаком Δ . Примеры аллегорических устойчивых сочетаний:

ВЕНЕЦ ..

В аллег. Δ Лавровый венец. Символ победы, славы.

Лавровы вьются там **венцы**,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится [8, 16].
Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в **лавровых венцах**
На матерних Твоих руках,
Низводит весел взор всечасно [8, 51].
В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, Нимфы вьют в руках,
Монархиня, **венцы лавровы**
И воспевают песни новы [8, 95].
Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конец,
Рожденной от воинской славы
Забудте лавровой венец [8, 665].
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас **лавровые венцы**
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греть в подсолнечной концы [8, 781].

ГОРА ..

В аллег. Δ Парнасские горы. Как символ поэзии, творчества.

На верьх **Парнасских гор** прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают Муз собор [8, 137].
Толь многи радости, толь разныя утехи
Не могут от тебя **Парнасских гор** закрыть.
Тебе приятны коль Российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить [8, 289].
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с **Парнасских гор** схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу [8, 521].

Ср. пример использования этой аллегии в ироническом контексте:

Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю. Не ради своего самохвальства то сделать осмелился, но чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей «с веру **Парнасских гор** долой» [10, 527].

3. Устойчивые сочетания с неизменным значением слов-компонентов или с семантическим сдвигом в одном из компонентов (\angle). Сочетания, приводимые за знаком угла, толкуются только при необходимости; лексикографическая разработка таких словосочетаний осуществляется внутри словарной статьи и следует после описания семантики и особенностей употребления заголовочного слова (леммы) и подтверждающего иллюстративного материала. К этой группе устойчивых сочетаний, в частности, относятся:

а) Субстантивные сочетания.

СОСТОЯНИЕ ..

\angle **Цветущее состояние.** И как он, основан благословенным Петровым начинанием, в толь краткое время возрос до великого

пространства и **цветущего** достиг **состояния**, подобным образом тем же великим основателем насажденная Академия под покровом истинный его наследницы да распространится и процветет к бессмертной ее славе, к пользе отечества и всего человеческого рода [3, 99]. На севере новгородцы, по разорении от угров и по великой моровой язве собравшись, предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла приведены были в **цветущее состояние** [6, 215]. Благополучие, слава и **цветущее состояние** государств от трех источников происходит [6, 421]. Того ради Канцелярию Академии Наук прошу, чтобы о вышеписанном определить соблаговолила, ибо я не сомневаюсь, что Академическая лаборатория таким образом вяще и вяще размножится и может придти в **цветущее состояние** [9, 51]. Возможно ли ожидать **цветущего** наук **состояния**? [10, 496].

РОД ..

∟ **Российский род.**

Когда **Российский род** под игом в тме держался

И злаго Батия кумиру ниц склонялся [8, 73].

Он блеск и радость изливает

И в красны лики созывает

Спасенный днесь **Российский род** [8, 138].

Подобным жаром воспаленный

Стекался здесь **Российский род**

И, радостию восхищенный,

Теснясь взирал на Твой приход [8, 218].

Ныне время златой здешним наукам век поставить и от презрения (в которое я было сам первый попал) избавить возлюбленный **российский род**! [10, 561].

б) Глагольно-именные описательные обороты⁹.

⁹ Некоторые исследователи относят описательные обороты к разряду перифраз. Ср., в частности мнение Н. Н. Амосовой, исследовавшей такие обороты на материале английского языка: «Сочетание глагола широкого значения с омонимичным глагольному инфинитиву отглагольным существительным обычно представляет собой перифраз соответствующего этому суще-

ПОПЕЧЕНИЕ ..

∟ **Иметь попечение.** И по окончании тяжких трудов военных, по укреплении со всех сторон безопасности целого отечества первое **имел** о том **попечение**, чтобы основать, утвердить и размножить в нем науки [2, 368]. Того ради государи и правительства, справедливое имея об общей пользе **попечение**, не щадят своих иждивений на строение и сооружение астрономических обсерваторий [4, 363]. Которые школьники содержатся на своем коште, о тех поведении и честных нравах будут вне Гимназии **иметь попечение** на дому родители или те, которым они даны под опеку [9, 447].

БЛАГОДАРЕНИЕ ..

∟ **Воздавать (воздать) благодарение.** Великое благодарение всевышнему человеческий род **воздавать** должен за дарованную ему к толиким знаниям способность [2, 368]. Наричается именем царским Василей, освобождается от слепоты и поганства и, ясно прозрев, **воздает** горячее **благодарение** создателю [6, 267]. Какое **благодарение**, какой дар тебе **воздам**? [7, 199].

БЕГСТВО ..

∟ **Обратиться в бегство.** Печенежское войско, объятое робостию, **обратилось в бегство** [6, 272]. Но когда Отеческий скипетр и меч приняла мужественная Елисавета, тогда, как некоторым бурным дыханием возметаемы, неприятели с трепетом в бегство обратились [8, 244]. Уже **в бегство обращенное** предвижу невежество неприятственным союзом и на месте победы поставленные трофеи учения, засвидетельствующие о могуществе благодетелей Самодержицы наша [8, 688].

в) Фразеологизмы-формулы [Зиновьева 2012: 22—26], плеонастические, парные сочетания.

ствительному глагола» [Амосова 1963: 114]. Мы, однако, предпочитаем не использовать термин перифраза для описания таких оборотов (о принятой в «Словаре языка М. В. Ломоносова» трактовке термина перифраза см. выше).

ЖИВОТ..

∟ **Живота лишиться.** *Умереть, погибнуть.* Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удалством достигший своего чина, второй по Свигелле, **живота лишился** от меча Анемала, стипатора царского [6, 244]. Фридерик-цесарь несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий, ибо сей, умывшись в ней, только разболелся, а оный **живота лишился** [7, 108]. Сродники мои в доме моем пред очами моими **живота лишились** и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Я <Петр Великий> Богом сохранен [8, 609].

СМЕРТЬ ..

∟ **Казнить смертию.** Пойманные старейшины городские иные **казнены смертию**, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство [6, 235]. Когда ж кто изоблится в заговоре против командиров и в начатии бунта, того по учинении над ним военного суда **казнить смертию** без всякого изъятия, не ожидая повеления от высочайшия власти, в силу Морского уставу [6, 533].

МИР ..

∟ **Мир и тишина, тишина и мир.** Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками **в мире и в тишине** пребывали [6, 224]. В долговременную **тишину и мир** между Россиею и Грециею жили многие россияне в Цареграде для купечества [6, 284]. Но далее простирается прехвальная сия Монархини наша добродетель, бóльший пример великодушия показывает Российская Героиня, ибо, не токмо отпустив врагам своим предрозость, **мир, и тишину**, и земли покоренныя возвращает, но и оружие свое простирает к их защите, отвращает с другой страны грозящую им войну и наследство их престола купно с вольностию утверждает [8, 246].

г) Адвербиальные сочетания.

ВЕК ..

∟ **В нынешние веки. В нынешние веки** всё свое рачение на сие положили преискусные в астрономии и в мореплавании люди, отчего оно до того достигло, что многим трудностям, которые неприступны быть казались, ныне преодоленным и изъясненным чудимся и употребляем их с пользою в действие [4, 126]. Сей последний род слова **в нынешние веки** больше не употребляется, для того и в правилах риторических об нем мало пишут, чему и я последую, а особливо для того, что он включен в двух первых родах [7, 24].

ЧАЯНИЕ ..

∟ **Паче чаяния.** *Сверх или против ожидания.* На обоих, хотя друг от друга разделенных, учинили нападение римские военачальники во Фракии и в Иллирике, однако **паче чаяния** побеждены были и отчасти побиты на месте, отчасти без всякого порядку спаслись бегством [6, 191]. **Паче чаяния** в ту же пристань вбежали оные два судна, кои, увидев Баренса, чаяли, что он обошел около Новой Земли и вышел из Вайгача им навстречу, но радость их была суетна. По общему совету в Голландию возвратились [6, 443]. **Паче** общенароднаго **чаяния**, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и явительнаго роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили [8, 593]. Сие желание **паче** моего **чаяния** ныне исполнилось, и сообщенное мне от вашего превосходительства предъзвещение о «Российской истории» и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостию о успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете [10, 461].

ВРЕМЯ ..

∟ **Со временем.** Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и

натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут [1, 425]. Толкование всех сих видов миновать за благо рассуждаю, которые из показанной теории **со временем** изъяснить постараюсь [3, 90]. Сие исхождение паров **со временем** тем больше умножалось, чем ближе к Солнцу комета приходила, и большее число паров наполнило великую часть нижняя, к Солнцу обращенная атмосферы кометы [4, 66]. Ежели в воду, в которой, синий, то есть медный, купорос распущен, положить железный гвоздь, который не заржавел, тогда кислые частицы купоросного спирта станут помалу разъедать железо, а на место железных частиц сядут медные из распущенного синего купоросу, отчего гвоздь покраснеет и **со временем** весь медный будет [5, 389].

д) Предложно-субстантивные сочетания.

ЗНАК ..

∠ **В знак чего.**

Утешил Я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил,
Дугу поставил **в знак** покоя,
И тою с ним завет чинил [8, 85].

Прими **в знак** благодарности недостойное сие приношение [8, 612]. **В знак** моего к вашему преосвященству усердия имею прислать книжицу моих трудов [10, 435].

е) Формулы речевого этикета, клише и наименования титулов.

БИТЬ ..

∠ **Бить челом.** **Бьет челом** коллежский советник и Академии Наук профессор Михайло Васильев сын Ломоносов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты [9, 108].

НАДЛЕЖАТЬ ..

∠ **Что (ж) надлежит до кого-чего.** Украшенных себя видим произведениями разных материй и очищением разума; украшают науки, и **что** паче до нас **надлежит**, с услаждением хвалимся, что

мы имели просветителя Петра Великаго; но просветил нас и стал велик чрез науки [8, 681]. **Что надлежит** до украшения мозаикою иконостаса и стен внутрь алтаря, о том ныне обстоятельного проекта дать не могу [9, 130]. **Что ж надлежит** до того, как червей выводить из портов и от них иметь предосторожность, то, во-первых, должно береги и заплески чистить, чтобы не лежало дерева и хламу, на которые бы летучие гадины метать могли яйца [9, 329]. **Что ж надлежит** до стихов Александра Петровича, то не имея к себе прямо ордера, в Канцелярию репортовать не могу [10, 460].

ЧЕСТЬ ..

∠ **Честь иметь и иметь честь.** По требованию вашего превосходительства приношение его высочеству, сочиненное мною, при сем прислать **честь имею** и отдаю на ваше рассуждение [10, 461]. **Имею честь** прислать вам зиму стихотворную в эклоге, сочиненной студентом Поповским [10, 469]. Я ныне «Демофонта» докончать стараюсь и притом делаю план «Российской истории», который по возвращении вашем в Санктпетербург показать **честь иметь** буду [10, 472].

ГОСУДАРЫНЯ ..

∠ **Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица.** Основанная здесь почтенная Художества благословенным предначинанием блаженныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, которая сладчайшее воспоминание в роды родов не умолкнет, ныне под высочайшим покровительством достойныя престола и щедрот Ея Преемницы, **Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы** Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския .. с ускорением восходят и отворяют цветы, настоящею приятностию предзнаменующия будущих плодов сладость [8, 786]. **Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица** Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая [9, 92].

МИЛОСТИВЫЙ ..

∟ **Милостивый государь**. 1751 мая 8. И. И. Шувалову. **Милостивый государь** Иван Иванович! [10, 469]. **Милостивый государь!** исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое [10, 485].

ж) Устойчивые сравнения.

Сравнением называется «образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-то общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства» [Северская 1994: 111]. Анализ электронного корпуса текстов М. В. Ломоносова показывает, что прием сравнения в текстах М. В. Ломоносова весьма продуктивен, компаративные обороты многочисленны; можно даже сказать, что это одно из любимых образных средств Ломоносова. Ломоносов как поэт и искусный теоретик и практик риторики понимал, что от сравнения до другого мощного средства создания образа — метафоры остается только один небольшой семантический «шаг» (см. у Цицерона: «Метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова» [De Orat. III, 157]). Словарное описание сравнений, наряду с другими устойчивыми сочетаниями, представляется актуальным прежде всего тем, что позволяет акцентировать существенные и характерные черты языковой личности Ломоносова, так как образы сравнений, как справедливо считает проф. В. М. Мокиенко, «черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека» [Мокиенко, Никитина 2008: 4]. Исходное представление о сравнении устанавливается формулой {A [β (B)]}, где А — имя объекта, который сравнивается с другими, β — показатель сравнения, а В — «образ» сравнения или наименование объекта, с которым сравнивается А; скобки отмечают последовательность анализа [Черемисина 1976: 17—18]. В «Словаре языка М. В. Ломоносова», например, будут рассматриваться вполне традиционные синтаксические модели сравнительных оборотов, типичные для современных диалектных и

исторических словарей [см. Бойцов 1986; Мокиенко, Никитина 2008: 7—8; Лебедева 2011: 3].

В текстах Ломоносова сравнительные конструкции создают возможность ввести и объяснить новое понятие, делая неизвестное известным, незнакомое знакомым через сопоставление или установление равенства/неравенства и, таким образом, выполняют когнитивную функцию: ведь «самый процесс познания есть процесс сравнения» [Потебня 1990: 113]. Ср., например, в «Рассуждении о твердости или жидкости тел» (1760 г.): «Ударив по ртутной пуле после того обухом, почувствовал я, что она имеет **твердость, как свинец или олово**» [3, 405]; таким образом, твердость замерзшей ртути уподобляется твердости свинца и олова — металлов, более известных читателю. Там, где Ломоносов ставит перед собой задачу изложения или объяснения нового научного содержания, там рождаются целые «серии» или «микросистемы» воспроизводимых сравнений: такова, например, группа «бытовых» сравнений, которые находим в «Каталоге камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии Наук» (1741). Метаязык русской минералогии в то время только начинает формироваться, поэтому Ломоносов охотно прибегает к простым и понятным всем бытовым образам: *как зерна, как ягода* (позже зачеркнуто и исправлено на *гроздовая*), *как деревцо, как гроздь, красный, как кровь, как оселка, как горох, как песок, как чечевица, как четки, как яйцо* и мн. др., например:

Самородная медь, **видом как толстое деревцо**, вырастает из белого кварца и алой руды; из Олонца [5, 160].

Железная руда, **фигурою как горох**, темночерноватая, светящаяся; из Силезии; сказывают, что в ней есть золото [5, 160].

Железная руда, чрез приложение магнита от Голдбергской вымытой руды отделенная, **видом как песок**, черная [5, 170].

Не менее интересны и «цветовые» сравнения М. В. Ломоносова, в которых применение сравнительного оборота (в «Вольфианской физике», в трудах по минералогии и пр.) выполняет задачу передачи информации о новом для читателя, специфическом оттенке цвета:

Отросточки .. в семя вросли немного пониже росткового корешка, которое место **красно, как вишневый сок** [1, 501].

Медная руда светлозеленая, **как камень малахит** [5, 158].

Прозрачные <виды янтаря> бывают цветом **желты, как золото, или бледноваты, как воск**, некоторые имеют притом в себе оболочки и волнистые полосы [5, 385] и мн. др.

Сравнительные конструкции у М. В. Ломоносова часто являются эффективным средством создания экспрессивных и ярких гиперболизированных и аффектированных «барочных» образов; сравнения, утверждает В. П. Берков, «вообще один из важнейших элементов художественного текста и авторы <...> стремятся к тому, чтобы сравнения были необычными, неожиданными, яркими» [Берков 1996: 109]. Именно такие образы наиболее часто встречаются в поэтических произведениях Ломоносова: вторая строфа «Вечернего размышления о Божием Величестве» целиком построена на последовательности сравнений с общей семантикой ‘ничтожный, беспомощный’:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен! [8, 120].

А вот целый каскад сравнительных оборотов в «Слове Похвальном блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому» (1755), где через сопоставление М. В. Ломоносов выстраивает систему панегирических «ипостасей» Петра Великого — *мастер, солдат, государь, учитель, просветитель*:

Наш Герой, едва выступив из лет младенческих .. **трудился**, размеривая регулярную крепость, **как мастер**, копая рвы и взвозя землю на раскаты, **как рядовой солдат**, всем повелевая, **как Государь**, всем дая пример, **как премудрый Учитель и Просветитель** [8, 599].

Сравним с образом Петра Великого в «Стансах» (1826) А. С. Пушкина:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник [Пушкин 1963: 342].

В течение длительного времени акцентировались «демократические» элементы в языке и стиле Ломоносова (всяческие *львы* и *ураины*), хотя на самом деле, как показывают наши материалы, богатство, красота и изысканность его высокоинтеллектуального индивидуального слога основаны прежде всего на книжной и высокой церковно-книжной лексике и фразеологии. К числу подобных языковых единиц у М. В. Ломоносова относится метафорическое уподобление русской церкви невесте, которому он придал форму высокого славянизированного сравнения *церковь аки невеста* в «Слове похвальном Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Российской говоренном ноября 26 дня 1749 года»:

Самодержицу пред очами имеем! Коль великою радостию восхищаются места священныя, посещаемыя часто Ея богоугодным присутствием!¹⁰ Украшенная святым Ея усердием, **аки невеста**, в день брачный торжествующая, Российская **церковь**, блистая порфирию и златом и паче радостию сияя, возвышается, окруженна славою, к пресветлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолепие, вещает: «Так украшает меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета — украси державу и венец Ея не увядающею добротой славы [8, 242].

¹⁰ Так в тексте.

Языковой статус данного сравнения в плане противопоставления *общеязыковое / индивидуальное* можно оценить как амбивалентный.

С одной стороны, красота невесты и богатство ее наряда во время празднования свадьбы является своего рода общекультурным и общеевропейским топосом, поэтому сравнение с невестой, так сказать, «материализовалось» в разных языках и диалектах: см., например, в «Изборнике Святослава 1073 года»: «Храни свѣшту отъ вѣтра и молитву же отъ юности украси, яко невьсту, бѣдѣниемъ, трудѣмъ, тѣрпѣниемъ, да похощеть ей царь небесный» («Поучение богатым»); у В. И. Даля: «Женихъ съ невьстой князь да княгиня» [Даль 1974: 2, 508], т. е. «как князь и княгиня»; *выглядеть, смотреть, казаться как невеста* [Мокиенко, Никитина 2008: 430] и мн. др. В украинском языке сравнение як наречена находим, например, у известного писателя и общественного деятеля В. К. Винниченко (1880—1951) в философском романе «Сонячна машина» (1925):

«Лежить Німеччина внизу, у легкій блакитній куряві туману, як наречена в вінчальному серпанку». Или в современной литературе: «Свіжа, як росинка, гарно зачесана, у простій білій сукні, розшитій волочками точно підколір її очей, вона здалася Ігореві схожою на весну. І прекрасною, як наречена» (Н. Смотрич, Л. Чагровська)¹¹.

В белорусском языке сравнение як нявеста не менее употребительно, см. у Нила Гилевича:

Ніхто так, можа, не жадае,
Як я — каб гожай ты была,
Каб, як нявеста маладая,
Вясновай квеценню цвіла (Родныя дзеці, 1985)¹².

¹¹ Материалы Корпуса текстов украинского языка Лаборатории компьютерной лингвистики Киевского университета. См. <http://www.mova.info/corpus.aspx?11=209>

¹² Материалы корпуса белорусского языка («Беларускі N-корпус»). См. <http://bnkorus.info/korpus.html>

В заключение укажем, что выдающийся немецкий лексикограф и грамматист И. К. Аделунг, услышал и сохранил в своем знаменитом словаре «Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart» следующую поговорку «Sie sind ja geputzt wie eine Braut» [Adelung: 1793—1801: 1, 1167], буквально — «нарядились (вырядились), как невесты». Важно отметить, что даже в латинском тексте «Слова похвального» (перевод на латынь сделан самим Ломоносовым) находим то же самое выражение:

Ornata piissimis Illius votis, tanquam sponsa nuptialium celebritate sacrorum, triumphans Russiaca Ecclesia, purpura auroque fulgida, magis autem laetitiae et gloriae Majestate eminens, ascendit ad circumfusum divina luce sponsi sui solium, et splendidissimum cultum suum ostentans, sic, inquit, exornat me in terris suavissima tua Elisabeta [8, 252]¹³.

Уподобление церкви встречается в Библии [Еф. 5: 25—27, 29—30], а также в святоотеческой литературе и в гимнографии. Многие исторические словари русского языка отмечают у слова *невеста* (невѣста) оттенок значения | *о церкви*, см., например у св. Григория Богослова по рукописи XIV века: «жени(х) бо цркви х(с)ъ. имь-а бо вѣща невесту жени(х) есть» [Словарь XI—XIV вв.: 5, 246]. То же самое сообщает исторический словарь белорусского языка под ред. А. И. Журавского и А. М. Бульки: «эпитет, яки надаецца царкве» [ГСБМ: 20, 18].

Сравнение Ломоносова может восходить к тексту книги пророка Исаии (для удобства цитируем по современному Синодальному переводу):

Возведи очи твои, и посмотри вокруг, — все они собираются, идут к тебе. Живу Я! говорит Господь, — всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста [Ис. 49:18].

Можно также предположить, что сравнение М. В. Ломоносова своим источником имеет текст 21 главы «Откровения св. Иоанна Богослова (Апокалипсиса)»:

¹³ Благодарим н. с. ИЛИ РАН А. С. Смирнову за помощь в интерпретации латинского материала.

И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего [Откр. 21: 2].

(в «Московской» Библии 1663 года — «приготованъ яковъ невѣсту оукрашену мужу своему»).

Сопоставление *церковь — невеста* реализуется в одном из самых употребительных эпитетов церкви — *Христова невеста*, см., в частности, у такого известного церковного златоуста, как митрополит Стефан Яворский («Камень веры», 1718 г.): «Црѣвь естъ невѣста хрстова, женихъ ея естъ Хрстосъ»; у архиепископа Платона (Левшина) в «Слове на день освящения храма» (1780): «Церковь есть невеста Христова: храм есть чертог, где совершается духовное непорочных душ со Христом обручение»¹⁴. Образ, как мы видим, такой же, как в сравнении. Было ли это выражение известно М. В. Ломоносову? Подтверждение этому предоставляет нам текст главы IV «О слоях земных» (1761):

Есть с другой стороны подобное, но и притом приращению наук помешательное некоторых поведение, кои осмеяют науки, а особливо новые откровения в натуре, разглашая, будто бы они были противны закону, коим самим мнимым защищением действительно его поносят, представляя оный неприятелем натуре, не меньше от бога происшедшей, и называя все то соблазном, чего не понимают. Но всяк из таких ведай, что он ссорщик, что старается произвести вражду между божиею дщерью натурою и между невестою христовою церковью [5, 619].

С другой стороны, устойчивое сравнение *церковь аки (как) невеста* пока не удалось обнаружить в текстах XVIII века, хотя компаративная часть как невеста является достаточно активной в XVIII и в XIX веках, например, у Г. Р. Державина:

Россия ныне, как невеста,
Ждет с брачным жениха венцом,
Повсюду ищет время, места,
Чтобы наведаться о нем [Державин 1864—1883: 2, 577].

¹⁴ Материалы Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» ИЛИ РАН.

Все сказанное выше, казалось бы, может привести нас к выводу о том, что сравнение *церковь аки невеста* все-таки является скорее *индивидуально-авторским*, идиолектным, нежели общеязыковым и было сконструировано Ломоносовым для высокого панегирического контекста на основе длительной языковой, библейской и культурной традиции из двух готовых образов: «*церковь — Христова невеста*» и «*красивая, прекрасная, праздничная* и т.д. *как невеста*». Однако такой вывод, несмотря на все факты, которые мы привели выше, будет ошибочным.

По-видимому, ответ дает «Картотека словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков», находящаяся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ. В числе выборок, сделанных членами авторского коллектива из «Повести о Петре, царевиче ордынском» находим следующий контекст: «И прииде [отрок] съ владыкою в Ростовъ, видѣ церковь, украшену златомъ и жемчюгомъ и драгымъ каменiemъ, аки невѣсту украшену» [Русские повести 1958: 99]. Если не обращать внимания на редупликацию компонента «*украшена*», можно утверждать, что перед нами, собственно говоря, то же устойчивое сравнение, какое мы находим у Ломоносова. И это дает нам возможность указать на еще один важный источник фразеологии первой половины XVIII века — древнерусскую житийную литературу¹⁵, с которой Ломоносов мог познакомиться как во время жизни в отцовском доме на русском Севере, так и во время обучения в Славяно-греко-латинской академии.

Таким образом, несмотря на многие трудности, в «Словаре языка М. В. Ломоносова» должны получить описание два главных типа компаративных конструкций в идиолекте Ломоносова:

- индивидуально-авторские сравнения М. В. Ломоносова, не отвечающие критерию воспроизводимости. Они будут рассматриваться в тексте словарной статьи при описании употребления заголовочной единицы в образном контексте после пометы *В сравн.* (об этом подробнее: [Матвеев 2015]);

¹⁵ Житийную, но всё же в некоторых случаях включающую некоторые фольклорные коннотации [Лурье 1980: 213—214].

- воспроизводимые сравнения М. В. Ломоносова будут даваться полужирным шрифтом за знаком \angle («угол») в специальном разделе словарной статьи, посвященном описанию фразеологических единиц, например:

ВОЛОС..

\angle **Как волос тонкий, тоненький** *что*¹⁶. В **тоненькой** шелчинке, **как волос**, видны были 95 шелковинок [1, 498]. Однако вдруг показалось между вступающим Венериным задним и между солнечным краем разделяющее их **тонкое, как волос**, сияние, так что от первого до другого времени не было больше одной секунды [4, 367]. Однако вдруг показалась между вступающим Венериным задним и между солнечным краем разделяющая их **тонкая, как волос**, светлая часть Солнца [4, 379].

КРЕМЕНЬ ..

\angle **Как кремень твердый, крепкий** *что. Минер.* Оловянная руда шаровидная, черная, **тверда, как кремень** [5, 108]. Железная руда ноздреватая, **тверда, как кремень**, красновата [5, 166]. В камнях должно прилежно смотреть: 1) цвету хороших .. ; 2) различать по разной твердости: **крепкие, как кремень**, сыпкие и ломкие [5, 359].

КРИН¹⁷..

\angle **Как крин цвести.**

Россия, как прекрасный **крин**,

Цветет под Анниной державой [8, 29].

Тобою наш Российской свет

Во всех землях, **как крин, цветет** [8, 50].

Этот сравнительный оборот библейского происхождения [Песн. 2.2] был хорошо известен русскому языку XVIII века и до, и после Ломоносова: он встречается в текстах Стефана Яворского и Дмитрия Ростовского, в «Тилемахиде» В. К. Тредиаковского,

¹⁶ Объект сравнения в словарной статье показывается при помощи слова, выделяемого курсивом.

¹⁷ Крин (*слав.*) — лилия [Сл. РЯ XVIII в.: 11, 17].

в «Дмитриаде» А. П. Сумарокова, в эпической «Россиаде» М. М. Хераскова (1771—1779), например:

Парнасские цветы, **как** благовонны **крины**,

Цветут под сению щедрот Екатерины

[Херасков 1961: 195].

Да будет песнь моя слышна Екатерине;

Цветущий пред ее престолом **яко крин**,

Да внемлет пению ее любезный сын

[Херасков 1961: 196].

III

Описание устойчивых сочетаний в «Словаре языка М. В. Ломоносова» строится по следующей схеме:

- Вокабульное выражение и его варианты (полужирный прямой шрифт), например, Δ **Лавровый венок, венец**; Δ **Кастальские нимфы, сестры...**

На первом месте всегда находится статистически сильный (наиболее употребительный) вариант;

- Словарные пометы (курсив): а) фиксация фразеологических новаций: «впервые у М. В. Ломоносова», «только в поэзии М. В. Ломоносова», «в переписке» и под.; б) выделение локализмов и регионализмов (помета *Обл.*); в) пометы, демонстрирующие формирующееся в трудах М. В. Ломоносова «тяготение», «приуроченность» лексической единицы к разным предметно-понятийным сферам знания, существенным для его научной и практической деятельности [см. Волков 2015: 143—162], например:

\angle **Венгерский, желтый мышьяк** *Минер.* ..

\angle **Пробирный горн** *Метал.*

\angle **Электрическая атмосфера** *Метеор.*

\angle **Вспомогательный [спомогательный]** глагол *Грамм.*

\angle **Огнедышащая гора** *Геогр.*

- Толкование значения (приводится только для *идиом* и *мотивированных фразеологизмов*):

МОЛНИЯ .. В *перифр.* Δ **Смертоносная молния**. *Выстрел из огнестрельного оружия*. Отсюда произошло огнестрельное оружие, загремели полки и городские стены, и из рук человеческих **смертоносная молния** блеснула! [2, 366].

- Иллюстрации, демонстрирующие употребление ФЕ в текстах М. В. Ломоносова; если ФЕ встречается в параллельных текстах Ломоносова (латинско-русских, русско-латинских, немецко-русских), то приводятся параллельные контексты. Все иллюстрации (цитаты) паспортизируются указанием на том и страницу АПСС М. В. Ломоносова.
- Этимологические и историко-культурные комментарии.

В «Словаре языка Ломоносова» лексикографическая разработка *идиом* (знак «ромб») и *мотивированных фразеологизмов* (знак «треугольник») представляет собой отдельную рубрику словарной статьи [см. Волков 2006: 19], которая размещается после семантической части и иллюстративного материала. *Фразеологические сочетания* (знак «угол») помещаются в зоне семантического описания слова, т. е. до *идиом* и *мотивированных фразеологизмов*.

Приведем в качестве примера пробную словарную статью **БАЛТИЙСКИЙ**, которая целиком состоит из описания устойчивых сочетаний разных типов (причем представлено явление фразеологической омонимии):

[**БАЛТИЙСКИЙ**] (38), *прил.*

★ *Связанный с Балтией или Балтийским морем.*

Δ Балтийское море. Ибо когда Азовского, Белого, **Балтийского**, Каспийского **моря** волны покрывал <Петр Великий> флотом, когда чрез Ливонию, Финландию, Польшу, Померанию, Пруссию, Данию, Швецию победитель и защититель предводил свое воинство, когда преходил Дунайские степи и знойные Персидские пустыни, — везде оные орудия, везде людей ученых имел с со-

бою (3, 21). Ибо за тысячу лет не ставили в стыд и владеющие государи обогащаться таковым хищным промыслом, который на **Балтийском море** едва около двенадцатого столетия из обычая вышел (6, 203). Варяги-россы много воевали по **Балтийскому морю**, соединясь с готами; ходили в Грецию то для защищения, то для воевания оныя, и тем к цареградским походам так привыкли, что первые великие князи российские с начала даже и до правнуков Владимировых на греческих царей войною ходили (6, 295). Северные сих сушей <Старого и Нового света> половины соответствуют через Западный океан **Балтийским морем** — Гудсонскому, Ботническому заливом — Баффинскому, Англию — Новой Земле острову (Tette neuve), Гренландию — Швеции и Норвегии, Новою Землею — Шпицбергену (6, 470). Я в поле межь огнем, я в судных заседаниях межь трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством, я межь стенанием валов Белаго, Чернаго, **Балтийскаго**, Каспийскаго моря и самага Океана духом обращаюсь (8, 610).

Δ Балтийские берега. За подлинно примечено и от знатных ученых людей засвидетельствовано, что при турфе и в других местах в Германии, склоняющихся к северным **берегам Балтийским**, лежащие под землею леса простираются вершинами почти всегда к сторонам полуденным, указывая ими, что от полунощных морей учиненное насильство преклонило их и опровергло (5, 606). Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к **берегам Балтийским** (6, 22). Ибо все оные авторы около четырехсот лет после Рурика и по отъезде россов о северных делах писали и ради того знали на **берегах балтийских** одних пруссов; о россах имели мало знания (6, 207). | *В поэзи.*

Монархиня, концы державы Твоя

И в оных нахожу утехи вид сея.

От тихих восточных вод до **берегов Балтийских**,

От непроходных льдов до теплых стран Каспийских

В одеждах много коль и в лицах перемен! (8, 368)

| *В олицетв.*

В шумящих **берегах Балтийских**
Веселья больше, нежели вод,
Что видели судов Российских
Против врагов щастливый ход (8, 95).

└ Балтийские воды. *Балтийское море.*

Что храброе Российское воинство ко брони устроено, что флот готов к покрытию **вод Балтийских**, что все военныя приуготовления успевают, — сие все не войну, от России наносимую, предвозвещает, но показывает премудрость прозорливья наша Героини (8, 247). | *В поэзии.*

От теплых уж берегов Азийских
Вселенной часть до **вод Балтийских**
В объятии Вашем вся лежит (8, 36).
Так Ты, Монархиня, сияешь
В концы державы Твоя,
Когда по оным протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
От славных **вод Балтийских** края
К востоку путь Свой простирая,
Являешь полдень над Москвой (8, 499).

| *В переводе стихов Г.-Ф.-В. Юнкера.*

В хладу **Балтийских вод** их <русских воинов> храброй дух горит,
С весельем как на борту, так в поле быть спешит (8, 74).

Ср.:

Ihr Muth verk hlet nicht an unser(e)m kalten Belth
Besteigt erfreut den Bord, so wie das rauhe Feld¹⁸.

В олицетв. └ Берега Балтийских вод.

В переводе стихов Г.-Ф.-В. Юнкера.

¹⁸ Juncker G.-F.-W. Die gechrönte Hoffnung des Russischen Kayserthums wurde in dem Feste der hohen Kronung der Allerdurchlauchtigsten, Grossmachtigsten Fürstin und grossen Frauen, Frauen Elisabeth Petrovna Kayserin und Selbstherrscherin aller Reussen bey einer Öffentlichen Zusammenkunft der Academie der Wissenschaften zu St. Petesburg den 29. April 1742. in einer gebundenen Rede allerfreudigst und ehrerbiethigst erklaret von Gottlob Friedrich Wilhgelm Junker. St. Petersburg, gedruckt bey der Akademie der Wissenschaften, 1742. Л. 4 об.

«Господствуй и имей над щастьем полну власть,
Всевышний даст Тебе в талане лучшу часть,
Чтобы познать могли в грядущий век потомки,
Что ты всех жен краса, Твои дела коль громки», —
Желая то, гласят **берега Балтийских вод**,
До толь, где кажет свой Яппонцам солнце восход,
И от Каспийских волн до гор, где мраз насильный,
Где мал народ, больших зверей стада обильны (8, 79).

Ср.:

Wohl! Leb und herrsche so mit Freyheit, Macht, und Glück,
Der Höchste füge Dir das günstigste Geschick,
Daß mit Verwundrung noch die spatzen Enckel schauen
Dich unsrer Zeiten Schmuck, Dich Krone grosser Frauen.
Dis ist der Wunsch vom Belth bis zum Japaner-Meer,
Von der Hyrcaner-See biß, wo der weisse Bär
Den Eißberg übersteigt, am äussersten der Erden,
Wo so viel Thiere groß, die Menschen kleiner, werden¹⁹.

В перифр. Δ Балтийские берега, берега Балтийских вод.
Швеция, шведы.

Ужаснулись тогда вероломные **Балтийские берега**, приступающие уже к пределам нашим кичливые сопостаты оцепенели и, завистливый взор свой вспять обращая, больше о бегстве, нежели о сражении помышляли (8, 244). | *В поэзии:*

Берега Невы руками плещут,
Берега Балтийских вод трепещут (7, 210; 7, 258).

Ср. в Оде 1742 г.: «Берега Невы руками плещут, / Берега Ботнийских вод трепещут» (8, 82).

¹⁹ Juncker G.-F.-W. Die gechrönte Hoffnung des Russischen Kayserthums wurde in dem Feste der hohen Kronung der Allerdurchlauchtigsten, Grossmachtigsten Fürstin und grossen Frauen, Frauen Elisabeth Petrovna Kayserin und Selbstherrscherin aller Reussen bey einer Öffentlichen Zusammenkunft der Academie der Wissenschaften zu St. Petesburg den 29. April 1742. in einer gebundenen Rede allerfreudigst und ehrerbiethigst erklaret von Gottlob Friedrich Wilhgelm Junker. St. Petersburg, gedruckt bey der Akademie der Wissenschaften, 1742. Л. 6.

В перифр. Δ Жидкие поля Балтийские. *Балтийское море*.

Парафразис есть представление многими речениями того, что одним или немногими изображено быть может, например: *храбрый разоритель Карфагена*, то есть *Сципион* .. К составлению парафразисов служить могут следующие правила: .. 4) чрез метафору, когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, значащим подобие, или в прилагательное переменяется, например: *юность лета*, то есть *весна*; *старость дня*, то есть *вечер*; *волнение мыслей*, то есть *сомнение*; *жидкие поля Балтийские*, то есть *Балтийское море* (7, 253)

□ ср. **Балтийское** 4, 428; 7, 253; 8, 610; **Р. Балтийского** 3, 21; 5, 567; 6, 27; 6, 54; 6, 213; 6, 255; 6, 293; 6, 295; 6, 459; 6, 471; **Балтийского** 8, 610; **Д. Балтийскому** 6, 211; 6, 295; **Т. Балтийским** 6, 470; **П. Балтийском** 6, 203; 8, 717; **мл. Балтийские** 7, 253; 8, 244; **Балтийски** 7, 253; 8, 63; 8, 802; **Р. Балтийских** 7, 210; 7, 258; 8, 36; 8, 74; 8, 79; 8, 247; 8, 368; 8, 499; **Д. Балтийским** 5, 606; 6, 22; 8, 605; 8, 759; **П. балтийских** 6, 207; 8, 95.

Дискуссионным вопросом всегда является место лексикографической разработки фразеологической единицы: разные авторы считают, что это место определяет, например, «структурно организующий компонент» [ФСРЯ, 20] или «алфавит начальных букв первого компонента — генетически знаменательного слова» [Сл. РЯ XIX в. 2002: 149], «лексико-грамматическая характеристика», т. е. глагольные ФЕ типа *бить поклоны* получают описание под словом *бить* [Сл. РЯ XVIII в. 1977: 102—103] и т. д. В «Словаре языка М. В. Ломоносова» фразеологические единицы со знаками ромба, треугольника и угла, разрабатываются под гнездовым или опорным словом. В словаре, согласно принципам, которые были разработаны В. М. Мокиенко и его соавторами [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 8; Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 6; Мелерович, Мокиенко 1997: 35] и получили уже надежную апробацию, используется метаязыковой прием иерархии гнездовых слов. На первом месте стоит первое (или единственное) существительное, далее следуют глагол, прилагательное, местоимение,

наречие, числительное и т. д. Кроме этого, каждая фразеологическая единица помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая варианты. Как справедливо считал А. И. Молотков, таким образом обнаруживаются, вскрываются связи и отношения фразеологизмов между собой и с другими единицами языка, а система отсылок всегда точно укажет, где находится разработка фразеологической единицы [ФСРЯ, 20].

IV

Вторая группа устойчивых сочетаний, отмечаемых в «Словаре языка М. В. Ломоносова», — это *пословицы*²⁰ и *афоризмы*²¹.

Под *пословицей* понимается «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 5]. Одним из важнейших признаков пословицы является ее народное, а не книжное происхождение [Жуков 2000: 10]. Пословицы были предметом авторской рефлексии Ломоносова. В «Кратком руководстве к красноречию» он приводит пословицы в качестве примеров тропа ал-

²⁰ В «Словаре языка М. В. Ломоносова» не используется термин *поговорка*, не имеющий конвенционального смысла. См. об этом: [Жуков 2000: 9—13]; [Шанский 1996: 83]; [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 4—5].

²¹ Авторы «Словаря языка М. В. Ломоносова» не разграничивают понятия *афоризм* и *крылатое выражение*. *Крылатые слова (выражения)* — различные в структурном отношении устойчивые словосочетания, вошедшие в язык из определенного литературного или исторического источника (см., например: [Ашукин, Ашукина 1986]; [Бабкин 1970: 70, 108—109]; [Шулежкова 2001: 28]). Автор современного диссертационного исследования, посвященного афористике, замечает: «Грань между афоризмами и крылатыми выражениями весьма и весьма тонкая» [Королькова 2005: 129]. О возможных критериях разграничения данных понятий см.: [Верещагин, Костомаров 1980: 5—6]; [Федоренко, Сокольская 1990: 38—39]; [Шулежкова 2001: 22—25]; [Королькова 2005: 124—129].

легории: *Молебен нет, / А польги нет; Либо полон двор, / Либо корень вон; По саже гладь, хоть бай — / Ты будешь черн от ней; Говоренное слово серебро, а умолчанное — золото*²²; *Где тонко, тут и рвется* [7, 251]. П. Н. Берков в статье «Ломоносов и фольклор» [Берков 1946: 127] также приводит записи пословиц в рукописях М. В. Ломоносова: *Насилу небыть милу* [7, 651]; *Хоть бай, не бай / А денги дай* [7, 619]; *Хто хочет много знать, / Тот долженъ мало спать* [7, 618].

Афоризм есть «изречение (обычно в форме фразы), выражающее какую-либо обобщенную мысль; для афоризма обязательны как законченность мысли, так и яркость, отточенность формы мысли» [Костомаров, Верещагин 1980: 5]. Афоризмом можно называть «краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов; паспортизированность, воспроизводимость, раздельнооформленность, лаконичность. Афоризм может обладать такими факультативными признаками, как моделируемость, субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин» — считает А. В. Королькова [Королькова 2005: 40]. В «Кратком руководстве к красноречию» в разделе об «изречении» — фигуре предложения, представляющей собой «краткое и общее предложение идей, особенно до нравоучения надлежащих» [7, 263], — М. В. Ломоносов приводит следующие примеры: *Сокровенный гнев вредит, объявленный без мщенья теряется; Счастье сильных боится, ленивых угнетает; О том сам не сказывай, о чем другим молчать повелеваешь; Кто боязливо просит, тот учит отказывать* и др. Эти примеры являются переводом латинских изречений, заимствованных из трагедий Луция Анния Сенеки: *Сокровенный гнев вредит, объявленный без мщенья теряется — Ira quae tegitur nocet, professa perdunt odia vindictae locum* («Медея», 153—154 [Mauri 1995: 312; Seneca 1645: 7]); *Счастье сильных боится, ленивых угнетает — Fortuna fortes metuit, ignavos premit* («Медея», 159 [Seneca 1645: 7]); *О том сам не сказывай, о чем другим молчать повелева-*

ешь — Alium silere quod voles, primus sile («Ипполит», 876 [Seneca 1645: 67]); *Кто боязливо просит, тот учит отказывать — Qui timide rogat, docet negare* («Ипполит», 593—594 [Seneca 1645: 53]). Другие примеры, приводимые М. В. Ломоносовым в качестве примеров фигуры «изречение», также являются переведенными на русский язык цитатами из трагедий Луция Анния Сенеки — «Эдипа», «Троянок» и «Неистового Геркулеса»²³. Отметим, что приводимые М. В. Ломоносовым цитаты из трагедий Л. А. Сенеки воспринимались как афористические выражения в европейской филологической традиции — так, в издании трагедий Сенеки Т. Фарнаби [Seneca 1645], приобретенном в Марбурге М. В. Ломоносовым [Коровин 1961: 339], афористические выражения выделены обычным шрифтом на фоне курсива остального текста трагедий²⁴.

В «Словаре языка М. В. Ломоносова» пословицы и афоризмы книжного происхождения помещаются в специальный раздел словарной статьи, выделяются знаком ★. Например:

МОЛЕБЕН ..

★ *Молебен нет, / А польги нет* (7, 251; 7, 619).

Пословицы и афоризмы приводятся при всех знаменательных словах, входящих в их состав.

Особым образом в «Словаре языка М. В. Ломоносова» отмечаются употребления слова в составе афоризмов самого Ломоносова, его высказываний и цитат, ставших «крылатыми». Среди получивших наибольшую известность подобных прецедентных текстов укажем такие как *Колумбы росские* (героическая поэма «Петр Великий»), *может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российской земля раждать* («Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»), *науки юношей*

²³ Об источниках этих афоризмов авторам настоящей статьи стало известно от члена авторского коллектива «Словаря языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН А. А. Ветушко-Калевича. Позже они получили описание в статье К. Н. Лемешева [Лемешев 2016].

²⁴ Благодарим за это наблюдение н. с. ИЛИ РАН Н. В. Кареву.

²² Ср.: Silentium est aurum.

питают («Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»). Эти афоризмы М. В. Ломоносова включены в пользующийся большим авторитетом справочник Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной [Ашукин, Ашукина 1986: 317—318, 384, 410—411]. Среди часто употребляющихся в современных средствах массовой информации назовем афоризмы *ученый человек должен быть беден* (письмо И. И. Шувалову 10 мая 1753 г.), *неусыпный труд все препятства преодолевает* («Краткое руководство к риторике»), *тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики* («Российская грамматика»), *держайте отчизну мужеством прославить (героическая поэма «Петр Великий»); испытание природы трудно, однако, приятно, полезно, свято* («Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее»). Такого рода употребления выделяются с помощью пометы *Афор.*: это позволит выделить фонд крылатых выражений, связанных с творчеством великого ученого и Просветителя, показать, как слово Ломоносова аккумулирует потенциал «афористичности», и, соответственно, получает историко-культурную коннотацию. Отметим, что употребление афоризмов, источником которых являются тексты М. В. Ломоносова, представляет собой специфический вид рефлексии русской национально-культурной общности на мир ломоносовских идей и слов — уникальное культурно-языковое пространство, созданное Ломоносовым. Особенно важным представляется то, что при описании этих языковых единиц — текстовых знаков составители словаря получают уникальную возможность этимологического комментирования и конкретизации, а также, в случае необходимости, отделения крылатых выражений, действительно принадлежащих Ломоносову от псевдоафоризмов, только приписываемых Ломоносову. Так, например, многократно упоминаемый и цитируемый, в том числе и в сети Интернет²⁵, афоризм М. В. Ломоносова *один опыт я ставлю*

²⁵ См., например, «Фестиваль педагогических идей "Открытый урок"» <http://festival.1september.ru/articles/520436/>

выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением принадлежит Ломоносову лишь в содержательном плане, а в том виде и в той форме, в которой он стал достоянием современного русского языка и русской вербальной культуры, его автором на самом деле является проф. Б. Н. Меншуткин, который перевел с латинского языка программу будущих научных исследований М. В. Ломоносова (Ломоносов называл ее «моя система» и «мое основное положение»). Этот, как уже сказано выше, написанный на латинском языке текст, получил условное название «276 заметок по физике и корпускулярной философии» (1743—1744), содержит подлинный этимон научного кредо Ломоносова: *unam experientiam sexcentis opinionibus in sola imaginatione natis praepono* [1, 124]. Подобную неточность допускает и А. В. Королькова, приписывая М. В. Ломоносову афоризм «Журналист не должен торопиться порицать гипотезы. Оные единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные» [Королькова 2005: 385]²⁶. Это известное и часто цитируемое высказывание (особенно в разных учебниках для будущих журналистов) только как бы принадлежит М. В. Ломоносову. На самом деле оно имеет источником статью «Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages, destinés a maintenir la liberté de philosopher» (1755). Статья написана самим Ломоносовым на латинском языке, но латинский подлинник, к сожалению, не сохранился. Она была переведена на французский язык и опубликована в журнале «Nouvelle Bibliothèque germanique» его издателем А. С. Формеем. На русский язык статья, а, следовательно, и афоризм впервые были переведены только А. А. Куником; для Академического полного собрания сочинений был сделан новый перевод под ред. Т. П. Кравца.

В «Словаре языка М. В. Ломоносова» употребления, следующие за пометой *Афор.*, дополняются кратким историко-

²⁶ Правильно: «Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин» [3, 231].

текстологическим комментарием, включающим указание на текст-источник и его датировку, например:

МОГУЩЕСТВО ..

✦ *Непреодолимая сила, власть, господство.* Несказанная премудрость дел божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и **могущества** его понятие больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных (4, 372). .. | *Афор.* **Могущество** России прирастать будет Сибирью. Ср. полностью в «Кратком описании разных путешествий по северным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763): Путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке (6, 498).

ПЛАТОН (9)

✦ *Древнегреческий философ (конец V — середина IV в. до н. э.).* Лейбниц, Кларк, Лок, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, **Платона** и Сократа превысили (1, 124). ..

✦ *Антм.* **Философ, ученый.** | *Афор.* В оде на день восшествия на престол Елизаветы Петровны (1747). Может собственных **Платонов** / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля раждать (8, 206).

Библиография

Словари

Бирих, Волков, Никитина 1993 — *Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г.* Словарь русской фразеологической терминологии. München, 1993.

Бирих, Мокиенко, Степанова 1999 — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В. М. Мокиенко. СПб., 1999.

Бирих, Мокиенко, Степанова 2005 — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 20. Под ред. А. М. Булыкі. Мінск, 2001.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1978.

Жуков 2000 — *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М., 2000.

Лебедева 2011 — *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. М., 2011.

Ляшчынская, Шведава 2007 — *Ляшчынская В. А., Шведава З. У.* Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы. Гомель, 2007.

Мокиенко, Никитина 2007 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

Мокиенко, Никитина 2008 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

Мокиенко, Сидоренко 2013 — *Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Басни И. А. Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник / под общ. ред. К. П. Сидоренко. СПб., 2013.

Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. М., 2007.

Новиков 2004 — *Новиков А. Б.* Словарь перифраз русского языка. М., 2004.

САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1—6. Л., 1974—1990.

Словарь XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—16. М., 1988—2016—.

Сл. РЯ XVIII в. 1977 — Словарь русского языка XVIII века: Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—21. СПб., 1992—2015—.

Сл. РЯ XIX в. 2002 — Словарь русского языка XIX века: Проект / отв. ред. З. М. Петрова. СПб., 2002.

ФСРЯ — *Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского языка. Изд. 5-е. М., 1994.

Adelung 1793—1801 — *Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. 4 Bde. Leipzig, 1793—1801.

Mauri 1995 — *Mauri L.* 5000 proverbi e motti latini. Seconda edizione a cura di Gabriele Nepi e Angelo Paredi. Milano, 1995.

OLD — The Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1996.

Источники

Державин 1864—1883 — *Державин Г. Р.* Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864—1883.

Капнист 1959 — *Капнист В. В.* Сочинения. М., 1959.

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950—1983.

Русские повести 1958 — Русские повести XV—XVI вв. М., 1958.

Пушкин 1963 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1963.

Тредиаковский 2013 — *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / изд. подгот. Н. Ю. Алексева. СПб., 2013.

Херасков 1961 — *Херасков М. М.* Россиада // *Херасков М. М.* Избранные произведения. М.; Л., 1961. С. 177—237.

Seneca 1645 — L. & M. Annaei Senecae tragoediae, cum notis Th. Farnabii. Amsterdami, 1645.

Научная литература

Амосова 1963 — *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.

Архангельская 2014 — *Архангельская Ю. В.* О «Словаре инноваций Л. Н. Толстого»: лексика, фразеология, афористика // *Вестник Новгородского ГУ.* 2014. № 83. Ч. 1. С. 56—59.

Ашукин, Ашукина 1986 — *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты и выражения. М., 1986.

Бабкин 1970 — *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

Балакай 2009 — *Балакай А. Г.* Фразеология в тексте и фразеология текста (О понятии «фразеология» применительно к авторскому словарю) // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума 4—6 мая 2009 г. Великий Новгород, 2009. С. 11—13.

Баранов, Добровольский 2005 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Об идиоматике Ф. М. Достоевского // *Лексикография и фразеология литературного текста / под ред. Э. Брайтенедер и Д. О. Добровольского.* Вена, 2005. С. 58—76.

Баранов, Добровольский 2008 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Берков 1946 — *Берков П. Н.* Ломоносов и фольклор // *Ломоносов: Сборник статей и материалов.* М.; Л., 1946. [Сб.] II. С. 107—129.

Берков 1996 — *Берков В. П.* Семантика сравнения и типы ее выражения // *Теория функциональной грамматики. Количественность. Качественность.* СПб, 1996. С. 107—129.

Берлизон 1972 — *Берлизон С. Б.* Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологической единице и слове // *Вопросы фразеологии. Труды Самаркандского государственного университета.* Вып. 219. Ч. 1. Самарканд, 1972. С. 241—247.

Бирих 2016 — *Бирих А. К.* Словарь русской фразеологии XVIII века (принципы и задачи составления) // *Русская*

лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы и сообщения международной научной конференции 12—14 декабря 2016 года. М.; СПб., 2016. С. 19—21.

Бухаркин, Волков, Матвеев 2013 — *Бухаркин П. Е., Волков С. С., Матвеев Е. М.* Лексикографическое описание риторической терминологии // Риторика М. В. Ломоносова: проект словаря. СПб., 2013. С. 5—34.

Бойцов 1986 — *Бойцов С. А.* Устойчивые сравнения в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 99—108.

Бытева 2008 — *Бытева Т. И.* Очерки по русской перифрастике: Монография. М., 2008.

Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140—161.

Волков 2006 — *Волков С. С.* Словарная статья в «Словаре языковой личности» М. В. Ломоносова // Русское слово в историческом развитии (XIV—XIX века). Вып. 2. СПб., 2006. С. 10—19.

Волков 2014 — *Волков С. С.* Стилистическая и функциональная характеристика лексических единиц идиолекта М. В. Ломоносова // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014. СПб., 2015. С. 143—160.

Волков, Карева 2012 — *Волков С. С., Карева Н. В.* Термины грамматики в русском языке XVIII века (наименования форм прошедшего времени в грамматиках 1730—1750-х годов) // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 9. СПб., 2012. С. 255—260.

Гаспаров 1997 — *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 556—585.

Гаврин 1974 — *Гаврин С. Г.* Фразеология современного русского языка. Пермь, 1974.

Зиновьева 2012 — *Зиновьева Е. И.* Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 2012.

Карева 2011 — *Карева Н. В.* Наименования глагольных категорий в «Русской грамматике» М. В. Ломоносова: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

Ковтун 1962 — *Ковтун Л. С.* О специфике языка писателя // Словоупотребление и стиль М. Горького / отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1962. С. 12—31.

Копыленко, Потапова 1978 — *Копыленко М. М., Потопова З. Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

Корнев 1981 — *Корнев А. И.* Роль устойчивых сочетаний в развитии семантики слова // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 43—53.

Коровин 1961 — *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961.

Королькова 2005 — *Королькова А. В.* Русская афористика в контексте фразеологии: Дисс. ... докт. филол. наук. Смоленск, 2005.

Королькова 2005 — *Королькова А. В.* Русская афористика. М., 2005.

Костомаров, Верещагин 1980 — *Костомаров В. Г., Верещагин Е. М.* О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1980.

Лагутина 2003 — *Лагутина И. Н.* Аллегория // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.

Ларин 1963 — *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1963. С. 252—271.

Лемешев 2016 — *Лемешев К. Н.* Источники примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: предложения Сенеки в русском переводе // Вестник «Альянс-Архео». 2016. Т. 13. М.; СПб., 2016. С. 54—63.

Ломакина 2016 — *Ломакина О. В.* Фразеология в языке Л. Н. Толстого: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2016.

Лурье 1980 — *Лурье Я. С.* Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV—XVI век // История русской литературы: в 4 т. Л., 1980—1983. Т. 1. Л., 1980. С. 185—290.

Матвеев 2015 — *Матвеев Е. М.* Лексика поэтических произведений М. В. Ломоносова: метаязыковые приемы словарного описания // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год. СПб., 2015. С. 162—192.

Мелерович, Мокиенко 1997 — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь М., 1997.

Мокиенко 1989 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. 2-е изд. М., 1989.

Мокиенко 1981 — *Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в Словаре трилогии М. Пуймановой // Очерки лексикографии языка писателя (двуязычные словари). Л., 1981. С. 62—75.

Палевская 1977 — *Палевская М. Ф.* Основные модели фразеологических единиц в русском языке XVIII в.: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1977.

Палевская 1980 — *Палевская М. Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев, 1980.

Потебня 1990 — *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Лекция VIII // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 55—131.

Ройзензон 1973 — *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.

Северская 1994 — *Северская О. И.* Метафора // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1994. С. 105—190.

Сорокин 1960 — *Сорокин Ю. С.* Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя. М., 1960.

Федоренко, Сокольская 1990 — *Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И.* Афористика. М., 1990.

Черемисина 1976 — *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.

Шанский 1996 — *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Шулежкова 2001 — *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М., 2001.

S. Volkov, E. Matveev, M. Sharikhina. Phraseological units in the “Dictionary of M. V. Lomonosov’s language”

The article discusses the principles of description of phraseological units in the “Dictionary of M. V. Lomonosov’s language”, and defines the goals relevant for the compilation of the historical authors dictionary. A description of the different lexical-grammatical groups of set expressions founded on the model of both phrases or sentences (idioms, metaphoric combinations, set comparisons, proverbs etc.), is provided.

А. С. Смирнова*

Включение иноязычного материала в «Словарь языка М. В. Ломоносова»: предварительные наблюдения

Ключевые слова: Ломоносов, латинский язык, немецкий язык, переводы, авторская лексикография, XVIII век.

В статье рассматривается иноязычная лексика в сочинениях М. В. Ломоносова как объект лексикографического описания. Предметом данного исследования служат собственные иноязычные тексты Ломоносова и его переводы текстов других авторов, так как переводы представляют собой существенную часть литературного наследия Ломоносова. Изучение иноязычной лексики способствует уточнению принципов описания лексики в «Словаре языка М. В. Ломоносова».

Включение многоязычного материала в словарь языка автора требует особого подхода к расположению и описанию лексики. Среди иноязычных сочинений М. В. Ломоносова преобладают тексты на латинском языке, в основном это естественнонаучные труды, что объясняется сохранявшимся использованием латыни в качестве международного языка науки и языковыми предпочтениями Академии наук, а также разработанностью научной лексики латинского языка по сравнению с русским языком в середине XVIII в. [Waquet 1998: 102—110]. В Академическом полном собрании сочинений М. В. Ломоносова¹ представлено

* Анна Сергеевна Смирнова, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: batrachos@yandex.ru.

¹ «Словарь языка М. В. Ломоносова» составляется по текстам полного собрания сочинений [Ломоносов 1950—1983]. Латинские тексты сверены по переизданию полного собрания сочинений, вышедшему в 2011 г. [Ломоносов 2011].

65 сочинений на латинском языке² (не считая писем и служебных документов³), 11 из них имеют параллельный русский текст Ломоносова⁴; на немецком языке написаны 19 писем и 7 документов; французский⁵, итальянский, испанский и английский встречаются в реестрах, счетах и списках иностранных книг [см., напр., ПФА РАН 20.1.2.: л. 344—349; Коровин 1961: 430—431]. В лабораторных записях Ломоносов излагает свои мысли и планы то на русском, то на латинском языке [Ломоносов 1950—1983: 4, 407—464].

О языковой компетенции Ломоносова, помимо его печатных сочинений и писем, свидетельствует также круг его чтения. Так, более половины книг личной библиотеки М. В. Ломоносова

² Собственные латинские тексты Ломоносова, преимущественно ограниченные физической и химической тематикой.

³ Латинские сочинения, письма и документы переведены на русский язык в разные годы переводчиками Ф. К. Соколовым (ум. в 1786 г.), Б. Н. Меншуткиным (1842—1907), А. С. Будиловичем (1846—1908), Т. П. Кравцом (1876—1955), С. И. Вавиловым (1891—1951), М. Е. Сергеенко (1891—1987).

⁴ В комментариях к этим работам отмечается, что в одних случаях Ломоносов писал работу сначала на латинском языке, а затем переводил ее на русский, в других — сначала на русском языке, а затем на латыни; «Рассуждение о твердости и жидкости тел» сочинялось Ломоносовым одновременно на русском и латинском языках [Ломоносов 1950—1983: 1, 565, 566, 572; 2, 652, 662; 3, 512, 523, 527, 561; 5, 673; 8, 954].

⁵ М. В. Ломоносов хорошо владел французским языком: об этом свидетельствуют его переводы из Фенелона, Руссо, Камюэнса и Псевдо-Лонгина (последних двух он переводил с французского перевода [Коровин 1961: 306, 322]), а также его критика перевода «Слова похвального Петру Великому» на французский язык, который был выполнен бароном Т.-Г. Чуди. На титульном листе перевода Ломоносов приписал: «Mais traduit fort mal et contre les protestations de l'Auteur» («переведено очень плохо и вопреки возражениям автора») [Ржеуцкий 2011, Хотеев 2013].

составляли издания на латинском языке [Коровин 1961; Беляева 2010], которые Ломоносов внимательно читал (о чем свидетельствуют сохранившиеся пометы и записи) и цитировал в своих научных трудах (чаще в собственном русском переводе). В работах Ломоносова имеется множество цитат из классических текстов (Гомера, Вергилия, Цицерона, Горация, Овидия, Сенеки Старшего, Сенеки Младшего, Плиния, Марциала, Тацита, Лукиана, Элия Аристида, Клавдиана и мн. др.), переводы из сочинений новолатинских авторов (Эразма Роттердамского, Л. Ф. Тюммига и др.). Кроме того, он переводил с немецкого (напр., оды Я. Штелина, Г. Ф. В. Юнкера, И. Г. Бока, статьи Г. В. Крафта о медицине, о селитре, о твердости тел, о разных машинах, «Лифляндскую экономию» С. Губерта) и с французского (напр., оду «А la Fortune» Ж.-Б. Руссо)⁶.

Прекрасное знание латинского языка демонстрирует анализ сочинений Ломоносова, написанных на этом языке [Боровский 2009]; мастерское умение Ломоносова переводить с одного языка на другой не раз было отмечено исследователями [напр., Будилович 1869: 106; Пекарский 1873: 319, 364]. Приведем один пример, показывающий, что выполненные М. В. Ломоносовым прозаические переводы чрезвычайно точны и во многих случаях превосходят труд современного переводчика, Ломоносов точнее следует за структурой и стилем переводимого текста:

⁶ Цитаты нередко обнаруживаются не только в русских, но и в латинских текстах Ломоносова, например, в переводах из Цицерона («О природе богов», II, 96 [Ломоносов 1950—1983: 5, 329]), из трактата Сенеки Младшего «Естественные вопросы» (VII, 31 [Ломоносов 1950—1983: 3, 32]). Одна и та же цитата из Плиния (Plin. II, 46) появляется у Ломоносова в двух работах, написанных по-латыни и по-русски и посвященных измерению пути корабля [Ломоносов 1950—1983: 4, 129 и 4, 196]. В третий раз она приведена в «Кратком описании разных путешествий по северным морям» [Ломоносов 1950—1983: 6, 493].

Перевод М. В. Ломоносова [Ломоносов 1950—1983: 7, 304]	Текст Цицерона (Тускуланские беседы, I, 71) [Cicero 1737: 297—298]	Перевод М. Л. Гаспарова [Цицерон 1975: 231]
Ежели мы в натуральной науке не совсем не искусны, то в познании души сомневаться не можем, что она ни с чем не <u>смешана</u> ,	In animi autem cognitione dubitare non possumus, nisi plane in physicis plumbeis sumus, quin nihil sit animis admixtum,	А знать, что есть душа, можно без всякого сомнения, если хоть малость смесить в физике. Ведь в душе нет ничего <u>смешанного</u> ,
ни с чем не <u>слиянна</u> ;	nihil <u>concretum</u> ,	<u>скрепленного</u> ,
нет в ней никакого <u>связания</u> ,	nihil <u>copulatum</u> ,	<u>соединенного</u> ,
ни <u>увеличения</u> ,	nihil <u>coagmentatum</u> ,	
ни <u>усугубления</u> .	nihil <u>duplex</u> .	<u>сдвоенного</u> ;
Итак, не может она ни <u>раздвоиться</u> ,	quod cum ita sit, certe nec <u>secerni</u> ,	а если так, то ее нельзя <u>разделить</u> ,
ни <u>разделиться</u> ,	nec <u>dividi</u> ,	
ни <u>раздраться</u> ,	nec <u>discerpi</u> ,	<u>разорвать</u> ,
ни <u>рассыпаться</u> ;	nec <u>distrahi</u> potest:	<u>раззять</u> ,
следовательно, и <u>погибнуть</u> ей невозможно,	nec <u>interire</u> igitur.	— то есть, она недоступна <u>гибели</u> .
ибо <u>погибель</u> есть	est enim <u>interitus</u>	Ибо <u>гибель</u> — это и есть
как <u>рассеяние</u> ,	quasi <u>discessus</u> ,	<u>распад</u> ,
<u>разделение</u>	& <u>secretio</u>	<u>раскол</u> ,
и <u>растерзание</u> частей, которые прежде <u>погибели</u> некоторым союзом между собою <u>соединены</u> были.	Ac <u>direptus</u> earum partium, quae ante interitum <u>junctione</u> aliqua tenebantur.	<u>разделение</u> тела на части, которые до <u>смертного</u> мига держались какою-то <u>связью</u> .

Как видно из примера, Ломоносов не упускает ни одного свойства, которым Цицерон наделяет душу: он переводит *coagmentatum* как *увеличение*, а *duplex* — *усугубление*, т. е. «удвоение, увеличение» [САР: 2, 415, ст. «усугубленіе»], сохраняет страдательный залог после *potest*. В конце этого отрывка у Ломоносова яркое описание смерти (погибели): градация (*рассеяние, разделение, растерзание*) эмоциональнее передает разрушительное явление.

Согласно библиографическому исследованию Г. М. Коровина, большинство изданий греческих авторов, которыми пользовался Ломоносов, содержит также и латинский перевод. Это вызывает определенную трудность в определении языка, с которого Ломоносов переводил. Однако исследователи творчества М. В. Ломоносова уже достигли определенного результата в решении этого вопроса [См.: Будилович 1869: 104—106; Сухомлинов 1895: 335 (2 паг.) и др.]. В частности, в статье А. Н. Егунова приводятся доказательства того, что Ломоносов переводил Гомера именно с греческого подлинника, а не с латинского перевода [Егунов 1962: 197—218, особ. 208]; примеры и цитаты из некоторых греческих авторов (Лукиана, Элия Аристиды, Иоанна Златоуста и др.) для «Краткого руководства к красноречию» (1748) Ломоносов заимствовал из латинских и немецких риторических трактатов [Будилович 1869: Приложение III; Сухомлинов 1895: 327—331; 335—336; 556 (2 паг.)] — это подтверждается сопоставлением ломоносовского перевода, с одной стороны, с текстами примеров из «Риторик» Коссена, Помея, Готтшеда и др., а с другой стороны, с текстами оригинальных изданий античных авторов. Например, перевод пассажа из «Смирнской политической речи» Элия Аристиды в риторике Ломоносова начинается так: «во-первых, стоя при море, <Смирна> всегдашнею красотою процветает»; в издании Элия Аристиды 1722 г. как в греческом тексте («τέταται γὰρ ὑπὲρ τῆς θαλάσσης, ἄνθος ὄρας ἀφείσα διηλεκές»), так и в латинском переводе («etenim super mare extensa est, perpetuum emittens pulcritudinis florem») отсутствует вводное слово [Aristides 1722: 231]. Однако оно есть в этом же примере у Коссена: «primum mari insistens, perpetuum emittit pulchritudinis florem» [Caussinus 1637: 637].

Историков, писавших по-гречески (напр., «История войны с готами» Прокопия Кесарийского, «История о происхождении и деяниях готов» Иордана и др.) Ломоносов переводил по латинскому изданию Л. А. Муратори [Коровин 1961: 261, 271, 275], приведенный в «Риторике» диалог Лукиана из «Разговоров в царстве мертвых» — по греческо-латинскому изданию Т. Гемстергейса [Lucianus 1732]⁷ и т. д.

Выбор источников перевода Ломоносова для цитирования в словарных статьях в каждом случае требует отдельного филологического разыскания. Исследователю языка сочинений Ломоносова необходимо иметь под рукой оригинальные тексты, сопоставление с которыми позволит, в частности, увидеть влияние иноязычных синтаксических структур и лексики на русские тексты Ломоносова. Также при составлении Словаря необходимо брать во внимание переводы текстов из второстепенных источников и вольные поэтические переложения (например, «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф», навеянные Анакреонтом).

Указание эквивалента из оригинального текста дает нам возможность полнее представить иностранную лексику, которой владел Ломоносов. Например, для слова *кров* мы обнаруживаем в тексте Аммиана Марцеллина латинское *culmen*, для слова *привидение* — *insomnium* из «Утра» Эразма Роттердамского и т. д., однако в собственных работах Ломоносова эти латинские слова не встречаются. О таких случаях писал Л. В. Щерба: «Как раз то, от чего писатель отталкивается и без чего нельзя понять смысла его творчества, могло и не попасть в его писания» [Щерба 1940: 92]. И это является веской причиной для включения в материал словарных статей цитат из оригинальных текстов, которые переводил Ломоносов (конкретное издание, которым мог пользоваться М. В. Ломоносов, определяется по книге Г. М. Коровина

⁷ В ломоносовских изданиях составители приводят то латинский перевод Лукиана [Ломоносов 1778: 408—414], то оригинальный греческий текст [Сухомлинов 1895: 545—548].

[Коровин 1961], по сводным каталогам XVII—XVIII вв.; также учитываются посвященные этому вопросу исследования [напр., Хотеев 2013]).

В словарной статье эквивалент из оригинального текста (в той форме, в которой он встречается в тексте) будет указан в самой цитате перевода Ломоносова в угловых скобках (если цитата другого автора встречается в латинском тексте Ломоносова, оригинальный текст также приводится после пометы — *Ср.*). Приведем несколько примеров из текстов Ломоносова в сопоставлении с источниками; источники приведены в ссылках, в Словаре они будут даны в отдельном списке. В статье «Август¹» (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август): *В переводе оды Ж.-Б. Руссо «À la Fortune»:*

Напрасно Рима повелитель,
Октавий, света победитель,
Навел в его пределы страх;
Он **Августом** <фр. Auguste> бы не нарекся,
Когда бы в кротость не облекся
И страха не скончал в сердцах (8, 665).
— *Ср.*: En vain le destructeur rapide
De Marc Antoine et de Lépidé
Remplissait l'univers d'horreurs:
Il n'eût point eu le nom d'Auguste,
Sans cet empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.⁸

В статье **БЕЖАТЬ** (быстро двигаться, перемещаться):

В переводе фрагмента сочинения «Война с готами» византийского историка Прокопия Кесарийского, выполненного Ломоносовым для «Древней российской истории». Когда славенские полки, каковы никогда не бывали, достигши к пределам Римской империи и переправясь через Дунай, пришли к Наизу, некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи **бегали** <греч. περιόντας, лат. discurrent> порознь, попа-

⁸ [Rousseau 1847: 92].

ли в руки некоторым римлянам (6, 192). — *Ср.* Σκλαβηνῶν ὄμιλος ὄσος οὐπω πρότερον ἀφίκετο ἐς Ῥωμαίων τὴν γῆν. Ἴστρον τε ποταμὸν διαβάντες ἀμφὶ Νάϊσον ἦλθον. ὧν δὴ ὀλίγους τινὰς ἀποσκεδάσθοντας μὲν τοῦ στρατοπέδου, πλανωμένους δὲ καὶ κατὰ μόνας περιόντας τὰ ἐκεῖνη χωρία τῶν τινες Ῥωμαίων καταλαβόντες... (Procop. Goth. III.40.1—2⁹); *ср.* также в переводе Кл. Мальтре: Sclovenorum catervae, quantae nunquam ante prodierant, ad Imperii Romani fines progressae, trajecto Istro flumine, Naisum venerunt. Eorum pauci abjunxerunt se ab exercitu, cumque ita vicinos agros pererrarent, ut singuli separate discurrent, in Romanorum quorundam manus inciderunt (Procop. Goth. III.40.1—2¹⁰). Там же. *В переводе «Лифляндской экономики» С. Губерта.* Возьми кусок ветчины и лопаточкой намажь мышьяку и тот кусок прибей гвоздем в том месте, где мыши бегают <нем. lauffen> (11, 101). — *Ср.*: Nim ein Stück Speck, durchreibe es vermittelst einem Scheuffelchen, schlage solch Speck mit Negeln an solchen Ohrt an, da sie oft lauffen (Gubertus, 109)¹¹.

Благодаря материалу оригинальных текстов Словарь полнее показывает язык Ломоносова, чем это можно увидеть только по собственным текстам Ломоносова — в приведенных примерах слова (лат. discurre, фр. Auguste, нем. lauffen) не встречаются в его текстах. Таким образом, материалом для Словаря должны стать как собственно русские, латинские и немецкие тексты Ломоносова, так и оригиналы его переводов других иноязычных авторов.

Библиография

Словари

САР — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I—VI. СПб., 1789—1794.

⁹ [Procopii 1963: 475–476].

¹⁰ [Procopii 1723: 334].

¹¹ [Gubertus 1688: 109].

Источники

Ломоносов 1778 — *Ломоносов М. В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе. Т. 2. М., 1778.

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950—1983.

Ломоносов 2011 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011.

Цицерон 1975 — *Цицерон Марк Туллий.* Избранные сочинения / пер. с латин. Сост. и ред. М. Л. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнова. М., 1975.

Aristides 1722 — *Aelii Aristidis Adrianensis* Opera omnia graece et latine / recensuit S. Jebb. Oxonii, 1722.

Caussin 1637 — *Nicolai Caussini Trecensis, e societate Iesu, de eloquentia sacra et humana libri XVI.* Lugduni, 1637.

Cicero 1737 — *M. Tulli Ciceronis* Opera omnia / ex recensione Iacobi Gronovii: In 4 vol. Vol. 4. Lipsiae, 1737.

Gubertus 1688 — *Salomonis Guberti* Stratagema oeconomicum, oder Akker-Student. Riga: Bey Georg Matthias Nöllern, 1688.

Lucianus 1732 — *Luciani Samosatensis* Colloquia selecta, & Timon. Cebetis Thebani Tabula. Menandri Sententiae morales. Graece & latine. Colloquia Luciani & Timonem notis illustravit T. Hemsterhuis. Amstelaedami, 1732.

Procopii 1723 — *Procopii Caesariensis* Historiarum Sui Temporis De Bello Gothico Libri Quatuor, ex interpretatione Claudii Maltreti Societatis Jesu historiae Byzantinae inserta. Accessit Hugonis Grotii Explicatio nominum, et verborum Gothicorum, Vandalicorum, ac Langobardicorum. In: *Rerum Italicarum scriptores ab anno Aerae Christianae quingentesimo ad millesimumquingentesimum, quorum potissima pars nunc primum in lucem prodit ex Ambrosianae, Estensis, aliarumque insignium bibliothecarum codicibus.* Ludovicus Antonius Muratorius... collegit, ordinavit et praefationibus auxit. Tomus primus. Mediolani, ex typographia Societatis Palatinae, 1723.

Procopii 1963 — *Procopii Caesariensis* Opera Omnia. Recognovit Iacobus Haury. Vol. II: De Bellis Libri V—VIII. Editio stereotypa correctior. Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1963.

Rousseau 1847 — *Odes de J.-B. Rousseau.* Édition classique, avec notes critiques et littéraires, par J. A. Amar, ancien inspecteur de l'université. 4ème édition. Paris : Imprimerie et Librairie classiques de Jules Delalain, imprimeur de l'Université royal de France, 1847.

Научная литература

Беляева 2010 — Библиотека М. В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг / науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. И. М. Беляева. М., 2010.

Боровский 2009 — *Боровский Я. М.* Латинский язык Ломоносова // *Opera philologica* / Изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. — СПб., 2009. С. 316—326.

Будилович 1869 — *Будилович А. М. В.* Ломоносов, как натуралист и филолог. СПб., 1869.

Егунов 1962 — *Егунов А. Н.* Ломоносов — переводчик Гомера // *Литературное творчество Ломоносова.* М.; Л., 1962. С. 197—218.

Коровин 1961 — *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.

Ларин 1960 — *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями // *Вестник Ленинградского университета.* №20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Л., 1960. С. 151—156.

Сухомлинов 1895 — *Сухомлинов М. И.* Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. 3. СПб., 1895.

Пекарский 1873 — *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. 2. СПб., 1873.

Ржеуцкий 2011 — *Ржеуцкий В. С.* Барон де Чуди — переводчик М. В. Ломоносова. К истории перевода и переводчиков в России эпохи Просвещения // *Ломоносов. Сб. статей и материалов.* Вып. 10. СПб., 2011. С. 269—280.

Хотеев 2013 — *Хотеев П. И.* К истории одного стихотворного перевода Ломоносова // *Чтения отд. русской литературы XVIII в.* Вып. 7. М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII в. М.; Л., 2013. С. 95—106.

Щерба 1940 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. М., 1940. С. 89—117.

Waquet 1998 — *Waquet F.* Le latin ou l'empire d'un signe. Paris, 1998.

A. Smirnova. Preliminary considerations concerning the inclusion of foreign language material in the “Dictionary of M. V. Lomonosov’s language”

The article discusses the foreign vocabulary in the works by M. V. Lomonosov (his own foreign-language texts, including translations of his Russian works, and his translations of other authors) as an object of lexicographic description. In general, they represent a significant part of the literary heritage of M. V. Lomonosov. The study of this material contributes to the refinement of the principles of the lexicographical description in “The Dictionary of M. V. Lomonosov’s language”.

В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня***

Об одной особенности «Словаря русского языка XIX века»¹

Ключевые слова: русский язык, XIX век, историческая лексикология, семантика, лексикография, идиолект, неологизмы.

Статья посвящена специфике представления в Словаре русского языка XIX века семантических неологизмов, относящихся к идиолектам известных русских писателей и лексикографов XIX века.

Дифференциальный «Словарь русского языка XIX века» находится в особой пограничной области между словарями толково-нормативными, историческими, неологическими и авторскими, — области, отражающей «процессы формирования лексического состава русского литературного языка в период расцвета русской национальной культуры во всех его сферах, в период сложения в языке литературной нормы» [Сл. РЯ XIX в. 2002: 3]. Призванный широко включать данные, относящиеся к историко-культурному фону эпохи и характерному для нее словотворчеству, словарь в определенной степени должен описывать и массив индивидуально-авторских словообразований и семантических неологизмов, в первую очередь имеющих знаковый характер для идиолекта конкретного автора. Очевидно, что представление в словаре подобных лексических и лексико-семантических фактов требует от него расширения метаязыкового арсенала средств

* Валентина Николаевна Калиновская, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: kalinovskaiavn@yandex.ru.

** Светлана Аркадьевна Эзериня, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: sl19v@rambler.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX века».

описания лексики (в том числе и первоначально заявленных в Проекте), специфических способов подачи этого своеобразного лексического материала.

В исторических словарях окказиональная индивидуально-авторская лексика чаще всего попадает в зону действия пометы *Един.*, как, например, в «Словаре русского языка XVIII века», либо снабжается специальным знаком перед вокабулой: так, согласно Проекту «Словаря русского языка XIX века», словарная статья с окказиональной лексикой должна быть помечена знаком Δ, однако в процессе работы над словарем его авторы-составители решили возможным отказаться от маркирования вокабул подобным образом из-за опасности «перегрузить» различными метаязыковыми графическими знаками начальную зону словарных статей и тем самым затруднить читательское восприятие пользователей словаря, при их избыточности. Помета *Един.* для некоторых случаев описания индивидуально-авторской лексики по ряду причин может оказаться не совсем корректной, в том числе и в формальном отношении, особенно когда данное индивидуально-авторское новообразование несет в произведении определенную идеологическую нагрузку и начинает не единожды воспроизводиться в тексте. Для показа таких случаев было принято решение ввести новую помету-ремарку со значением «у конкретного автора», например (*у И. С. Тургенева*), которая получает в словаре важную смысловую нагрузку, поскольку позволяет, с одной стороны, выделить в тексте и контексте словаря значимую авторскую неологию, с другой стороны, обозначить место и роль этой лексики в русле общих семантических и словообразовательных процессов эпохи, сопоставить ее с родственными и аналогичными лексическими фактами и явлениями, обозначить ту языковую среду, которая дала толчок к ее появлению, ту языковую почву, на которой оказалось возможным ее развитие, и проследить механизмы формирования подобных слов, оценить нюансы и специфику авторского мировоззрения и самовыражения на фоне общей языковой стихии. Рассмотрим ряд примеров.

1. Индивидуально-авторская лексика множественного употребления

На рубеже 60—70-х годов XIX века, с присоединением к Российской империи Туркестана и образованием нового Туркестанского генерал-губернаторства центром в Ташкенте, в российской жизни явно обозначилось социально-экономическое явление, носителей которого М. Е. Салтыков-Щедрин метко окрестил «ташкентцами», дав в своей книге «Господа ташкентцы» одно из самых блестящих сатирических обобщений нового общественного типа. Это чиновник-делец, рассматривающий свою «цивилизаторскую миссию» в новоприсоединенном отдаленном крае исключительно как повод для собственного беззастенчивого обогащения и за счет присвоения средств государственной казны, и за счет откровенного грабежа бесправного местного населения. Для обозначения одной из важнейших черт «ташкентца» писатель создает прилагательное — *безазбучный*, становящееся ядром для целого словообразовательного гнезда. Автор повести ведет речь о своего рода «просветителе», оправдывающем свои действия «цивилизаторской» миссией, обобщая образ этого человека до определенного социального типа:

«Ташкентец» — это Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения. Человек науки прежде всего требует азбуки, потом складов, четырех правил арифметики, таблички умножения и т. д. «Ташкентец» во всем этом видит неуместную придирку и прямо говорит, что останавливаться на подобных мелочах значит спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Он создал особенный род просветительной деятельности — просвещения *безазбучного*, которое не обогащает просвещаемого знаниями, не дает ему более удобных общежительных форм, а только снабжает известным запахом. Тот, кто пьет херес *très vieux*

<очень старый — В. К., С. Э.>, считает себя просветителем относительно того, кто пьет херес просто vieux <старый — В. К., С. Э.> тот, кто пьет херес vieux, считается просветителем всех, пьющих настойку и водку. Разумеется, это только пример; но я привожу его для того, чтобы дать читателю понятие о градации. Градацию эту он может перенести во всякую другую сферу (например, в сравнительную сферу сюртуков и поддевок, ресторанных и харчевен, кокоток, имеющих ложу в бельэтаже, и кокоток, безнадежно пристающих к прохожему в Большой Мещанской, и т. п.), лишь бы она кончалась человеком, «который ест лебеду». Это тот самый человек, на котором окончательно обрушивается ташкентство всевозможных родов и видов» [Салтыков-Щедрин 1885: 23—24].

С повторными употреблениями в тексте это авторское прилагательное приобретает новые приращения смысла, становясь ключевым словом, знаковым для романа, творчества и идиолекта писателя в целом, сатирически всеобъемлюще описывающего исследуемое «пространство русской действительности». И, следовательно, словарь, претендующий на представление широкого языкового фона в контексте фона историко-культурного, не может обойти вниманием подобный акт словотворчества одного из значительнейших русских писателей XIX века. Для полноты презентации такого рода лексико-семантических явлений в словник словаря предполагается включение всего словообразовательного гнезда, мотивированного исходным прилагательным, с подробной дефиницией вокабул (там, где это возможно). Например:

БЕЗАЗБУЧНО-ВЗЛЕЛЕЯННЫЙ, ая, ое. (У М. Е. Салтыкова-Щедрина) Я утверждаю, что только действительное знание, действительный труд могут вполне истребить ту вредную закваску легкомыслия, которую привела за собой безазбучно-взледеянная молодость. Только они могут заставить забыть те омерзительные вкусы, те пошлые привычки, которые накоплены годами привилегированного досужества. С.-Щ. *Письма к тетеньке* [1882] / ПСС XI 581 (1892).

БЕЗАЗБУЧНОСТЬ, и, ж. (У М. Е. Салтыкова-Щедрина) *Потребительство как следствие воинствующего отрицания необходимости образования и науки, общей необразованности.* Дайте «выжиге» рубль серебра, он заложит душу черту; дайте пять рублей – он сам сделается чертом. Ему и это сделать легко, потому что он один в целом мире знает, где найти черта и что у него просить. Это ходячий кошмар, который прокрадывается во все закоулки жизни и умеет до такой степени прочно внедриться всюду, что, не смотря на свою безазбучность, успевает сделаться необходимым человеком и подлинным мужем совета. С.-Щ. *Господа ташкентцы* [1869] / 14 (1885). Всюду, куда я ни обращаю взоры, я вижу: с одной стороны, упорствующую безазбучность; с другой – увеличивающийся аппетит и возрастающую затейливость требований для удовлетворения его. С.-Щ. *Господа ташкентцы* [1869] / 30 (1885).

БЕЗАЗБУЧНЫЙ, ая, ое. (У М. Е. Салтыкова-Щедрина) *Отрицающий науку, знания; отличающийся воинствующей необразованностью, малограмотностью и, как следствие, исключительно потребительским отношением к миру.* Отрицать чье-либо право на еду невозможно. Но нужно сознаться, что иногда это право разрастается до таких размеров, за которыми уже следует опасность. Дело в том, что *безазбучный* ташкентец требует еды не только не купленной, но и непрерывно возобновляющейся; он никогда не довольствуется одним куском, но, проглатывая этот кусок, уже усматривает другой. С.-Щ. *Господа ташкентцы* [1869] / 26 (1885). Безазбучное просветительство, просвещение. «Ташкентец» .. создал особенный род просветительной деятельности – *просвещения безазбучного*, которое не обогащает просвещаемого знаниями, не дает ему более удобных общежительных форм, а только снабжает известным запахом. С.-Щ. *Господа ташкентцы* [1869] / 23—24 (1885). Есть лебеда натуральная, которая слывет в мире под названием подспорья и от которой, во всяком случае, хоть живот у человека пучит; и есть лебеда абстрактная, которая даже

подспорьем ничему не служит. Человек, который питается этою последнею лебедю, есть именно тот человек, которого голоду нет пределов. Он со всех сторон открыт для действия, и именно для действия *безазбучного*. Он не может дать отпора, потому что у него самого нет единственного орудия, с помощью которого можно отражать *безазбучное просветительство* – нет азбуки. Каким образом ее не оказывается налицо – от рождения ли он не имел ее или утратил вследствие разных исторических обстоятельств, – дело не в том; во всяком случае, он стоит со всех сторон открытый, и любому охочему человеку нет никакой трудности приложить к нему какие угодно просветительные задачи. *С.-Щ. Господа ташкентцы* [1869] / 24 (1885). = **Безазбучные**, *ых, мн. Субст.* Жрать что бы то ни было, ценою чего бы то ни было! Жгучая мысль об еде не дает покоя безазбучным; она день и ночь грызет их существование. Как добыть еду? в этом весь вопрос. К счастью, есть штука, называемая безазбучным просвещением, которая ничего не требует, кроме цепких рук и хорошо развитых инстинктов плотоядности – вот в эту-то штуку они и вгрызаются всю силою своих здоровых зубов... *С.-Щ. Господа ташкентцы* [1869] / 26 (1885).

2. Индивидуально-авторская лексика единичного употребления

Примером такого слова, которое важно включить в корпус словника «Словаря русского языка XIX века», является авторское новообразование А. К. Толстого *безбоярщина*, которым писатель характеризует целую историческую эпоху — время правления Ивана Грозного. Осмыслению этого трагического и в то же время неоднозначного периода русской истории, как известно, А. К. Толстой посвятил целый цикл произведений, начиная от исторических баллад, продолжив эту тему в романе и завершив ее драматической трилогией. Особое место в этом ряду принадлежит роману «Князь Серебряный», где автор, все-

сторонне и глубоко психологически анализирует жизнь русского общества в это время, дает главным историческим лицам эпохи яркую характеристику, выражая в оценке событий и их участников свою авторскую позицию. Эта особенность выделяет произведение на фоне сочинений других авторов романтического исторического жанра (в сравнении с романами М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова).

Чтобы оценить точность определения, которым А. К. Толстой характеризует то трагическое для состояния русского общества время, необходимо понять, к какому выводу приходит автор романа, показывая столкновение неограниченной власти самодержавия, тирании, олицетворяемой Иваном Грозным, и боярства, элиты по праву наследства. Автор романа видит в этом конфликте результат глубокого нравственного кризиса, участниками и жертвами которого являются обе стороны. Слово, введенное в употребление писателем, благодаря своей встроенности в семантически мотивационную словообразовательную модель «отсутствие какого-л. базового начала», заслуживает того, чтобы быть зафиксированным в ряду аналогичных новообразований в русском языке XIX века (*безотцовщина*, *беспредельщина* и т. п. Ср. также с приводимым ниже неологизмом *безверщина*). Например:

БЕЗБОЯРЩИНА, *ы, ж.* (*У А. К. Толстого*) *Отсутствие власти боярского сословия.* Не расти двум колосьям в уровень, не сравнивать крутых гор со пригорками, не бывать на земле безбоярщине! *А. К. Толстой. Князь Серебряный* [1861—1863] / Гр. А. К. Толстой. *Князь Серебряный*. 89 (1892). — Лекс. Сл. Акад. 1891 безбоярщина.

Весьма интересен и показателен следующий случай: одна и та же лексема окказионального характера в идиолекте различных писателей может получить различное семантическое наполнение. Комплексный, сопоставительный показ таких своего рода «хронологических омонимов» в рамках одной словарной статьи в настоящее время оказывается возможным только в данном словаре и является одной из его отличительных черт.

БЕЗВИННО-ВИНОВАТЫЕ, ых, мн. *Субст.* 1. (У Н. В. Гоголя) *Те, которым вменена виновность без доказательного определения их вины.* Вы не будете преследовать за несправедливость никого отдельно до тех пор, покуда не выступит перед вами ясно вся цепь, необходимым звеном которой есть вами замеченный чиновник. Вы уже знаете, что вина так теперь разложилась на всех, что никаким образом нельзя сказать вначале, кто виноват более других: есть *безвинно-виноватые* и виновно-невинные. Поэтому-то самому вы теперь будете несравненно осторожней и осмотрительней, чем когда-либо прежде. *Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. Занимающему важное место* [1845] / Сочинения Н. В. Гоголя VII 147 [1900].

2. (У В. В. Розанова) *Те, кто оказался вне закона не по своей вине — о незаконнорожденных детях.* Несправедливость общества к этим безвинно-виноватым <незаконнорожденным>, количество которых поражает во Франции своею численностью, начинается, так же как и у нас, с минуты их появления на свет. .. Незаконнорожденные, принадлежащие к первому разряду <рожденные от неженатых мужчин и девушек>, являются среди других как бы привилегированными. Родители их могут вступить между собою в брак и сделать ребенка законным. Но и здесь коварное законодательство изобрело термин, отпускающий известную долю кары *безвинно-виноватым*. Такие дети зовутся «узаконенными», отметка об этом вносится в их метрики и тайна их рождения рано или поздно разоблачается. *В. В. Розанов. Семейный вопрос в России* II 389 [1903].

3. Лексика, получившая кодификацию исключительно в авторских словарях

Подобные случаи единичных новообразований характерны для словарей, авторы-составители которых — В. И. Даль и А. И. Орлов, — фиксируя ту или иную лексическую единицу, последовательно кодифицируют все основные потенциальные си-

стемные словообразовательные реализации мотивирующего слова. Нашими базами лексических данных и материалами Интернета (за исключением текста самого лексикографического источника) такие единицы не подтверждены. Словарные статьи с включением таких «потенциальных слов» имеют каждая свою специфику:

1. Лексема в отдельную вокабулу не выделена и дефиницией не снабжена.

БЕЗВЕРХОВНЫЙ, ая, ое. (У В. И. Даля). Безверховное управление. Д1 I 51 [1863].

2. Лексема выделена в отдельную вокабулу и снабжена краткой дефиницией или отсылкой к синониму.

БАНКЁТНИЧАНИЕ, я, ср. (У А. И. Орлова) «Давание, произвождение роскошных тиров». Орлов 1884 I 140 [1884].

БЕДНЯЖИЙ, жья, жье. (У А. И. Орлова) *То же, что беднягиня.* Орлов 1884 I 337 [1884].

БЕДОКУРОВЫЙ, ая, ое. (У А. И. Орлова) *Отн. к бедокуру, бедокурам.* Орлов 1884 I 337 [1884].

БЕЗВЁРЩИНА, ы, ж. *Собир.* (У В. И. Даля). «Человек, у которого нет веры, который все отрицает». Д1 I 51 [1863].

БЕЗВЁТРИТЬ, трю, трит. (У В. И. Даля). «Лишать ветра». Д1 I 51 [1863].

3. Лексема выделена в отдельную вокабулу и снабжена минимальной дефиницией или отсылкой к синониму, а также иллюстративным примером употребления.

БЕЗВЁРШЕНИЕ, я, ср. (У А. И. Орлова) «Лишение вершины». Безвершение деревьев. Орлов 1884 I 161 [1884].

БЕЗВЁСТИТЬ, стит, *несов. кого* (У В. И. Даля). «Покидать без вестей, перенимать и таить, скрывать вести». Неисправность почты безвестит меня. Д1 I 51 [1863].

В заключение краткого обзора окказиональных авторских новообразований заметим, что необходимость их лексикографической фиксации проистекает из специфики исторических

словарей, на которую неоднократно указывали их разработчики, в частности Л. Л. Кутина [Кутина 1975: 10], и которая состоит в более широком отражении фактов речевой деятельности; также несомненным аргументом в пользу их включения в Словарь и снабжения специальной пометой в начальной зоне словарной статьи является признаваемая всеми историками языка роль личности не только в формировании норм словоупотребления, но и обогащении языка словами-понятиями, актуальными для своего времени и значимыми для истории культуры в целом.

При семантизации подобной лексики, как показывает составительский опыт, чрезвычайно важно рассматривать данные речевые факты с точки зрения их системности, обнаруживаемой на словообразовательном уровне. Установление семантической мотивированности такого новообразования, как слово-понятие, его этимологизации, как правило, происходит на самом широком концептуальном поле. Об этом пишет С. М. Толстая: «Мотивация в этом прямом значении, т. е. причина выбора того или иного основания (признака) номинации и, соответственно, выбора лексической единицы как деривационной базы номинации (или мотивирующей основы в словообразовательном смысле), лежит уже вне компетенции (плоскости) языка, в сфере ментальных представлений и, следовательно, имеет более прямое отношение к тому, что называется картиной мира» [Толстая 2002: 120; также см.: Топоров 1994: 127—128]. Новая семантика часто становится точкой отсчета в формировании новых словообразовательных гнезд, поводом к переходу в иную концептуальную плоскость и даже отрыву от старых словообразовательных связей [Сорокин 1965: 540—541, 544—545].

Библиография

Словари

Сл. РЯ XIX в. 2002 — Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.

Источники

Салтыков-Щедрин 1885 — Господа ташкентцы. Картины нравов. Сочинение М. Салтыкова (Щедрина). Издание третье. СПб., 1885.

Научная литература

Кутина 1975 — Кутина Л. Л. Лексическая сочетаемость в историческом словаре и её роль в описании семантики и словоупотребления // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4. Теория и практика исторической лексикографии. М., 1975. С. 9—12.

Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Толстая 2002 — Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. № 1. 2002. С. 112—127.

Топоров 1993 — Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии. V (1) // Этимология. 1991—1993. М., 1994. С. 126—154.

V. Kalinovskaya, S. Ezerinya. On one of distinguishing characteristics in the “Dictionary of the 19th century Russian”

“19th century Russian dictionary” is a specialized dictionary of a new type, unparalleled in Russian lexicography. Its lexicon and metalinguistic methods of lexical description are characterized by a number of distinctive features. The paper approaches the problem of treating noteworthy author’s neologisms taken from idiolects of prominent Russian writers and lexicographers of the 19th century and ways of presenting them within the dictionary.

О. А. Старовойтова*

Описание семантики одного подтипа словообразовательной модели (к проблеме метаязыка в историческом словаре)¹

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикография, «Словарь русского языка XIX века», метаязык словаря, префикс, глаголы, этнонимы.

В статье рассматриваются проблемы лексикографического описания семантики глаголов, образованных с помощью приставки *о-(об-)*. Один из подтипов данной модели (дериваты от этнонимов) является новацией русского языка XIX века. Восполняя наши представления о языковом состоянии эпохи, данная лексика требует описания в историческом словаре дифференциального типа.

Изучение истории слов как особых языковых знаков позволяет составить представление не только о словарном составе языка и тенденциях его развития, но и об истории народа, его культуре, истории его национального самосознания, потому создание исторических словарей любого языка было и остается важной задачей лексикографии. «Словарь русского языка XIX века», как говорится в Проекте, представляет собой новый исторический словарь особого — дифференциального — типа [Сл. РЯ XIX в. 2002: 13—14].

Сложность задач, возникающих перед новым проектом, отмечал А. С. Герд: «Перед Словарем языка XIX в. как перед диф-

* Ольга Альбертовна Старовойтова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ. Электронная почта: o.starovoytova@spbu.ru.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX века».

ференциальным по отношению к некоей основе словарем стоит непростая задача — как в показе семантики, грамматики и стилистики каждого отдельного слова не потерять связи с целостной системой его значения в языке XIX в.» [Герд 2008: 13]. С другой стороны, важно не обойти вниманием такие лексические единицы и факты употребления, которые могут показаться на первый взгляд случайными, несистемными.

В процессе развития русского языка сформировался конфикальный словообразовательный тип «приставка *о-(об-)* + имя + суффикс *-и-*» (*злоба* → *озлобить*, *жестокий* → *ожесточить* и под.), который является несомненно продуктивным [Алексеева 1978: 10]. Рассматривая подобные образования в современном русском языке, М. Н. Эпштейн замечает: «По этой модели образуются десятки глаголов, но ее возможности далеко не исчерпаны их наличной реализацией, т. е. “нормой”» [Эпштейн 2010]. Под нормой Эпштейн понимает фиксацию лексических единиц в толковых словарях русского языка, справедливо замечая, что «образование новых глаголов с приставкой “о-” — пример того, как система языка постепенно одерживает победу над нормой и раздвигает ее границы» [Там же]. Что касается языка XIX века, то появление таких глаголов характеризуется как результат широкого применения «*модного* <выделено нами — О. С.> способа образования глаголов» от соответствующих существительных [Гроссман 1923: 74], например, у Ф. М. Достоевского: *огуманить*, *окультурить*.

Поскольку «Словарь русского языка XIX века» призван отразить языковую динамику в пределах века, не представляя в полном объеме лексическую систему XIX века, важно показать, какие звенья системы подвержены изменениям. Для указанной словообразовательной модели, в которой мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на то, что у соответствующего глагола «появилось качественно новое свойство, состояние или возникло новое для него положение дел» [Кошелев 2004: 88] (ср., напр.: «Родился ли ты уж так медведем,

или *омедведила* тебя захолустная жизнь <...>?»² [Гоголь 1842], «Эх, брат, *опопили* тебя», говорят Черногорцы, как мы скажем: *обабили тебя* [Аксаков 1892: 130]), новацией стало производство глаголов от этнонимов — названий этносов (напр., *обангличить*, *обашикурить*, *о(б)нем(е)чить*, *олатышить*, *опол(яч)ить*, *о(б)татарить*, *отур(е)чить*, *офранцузить*, *ошведить*, *объэскимосить*, *о(бъ)якутить* и мн. др.):

«И так, если бы Гунны были Монголы, то им надлежало бы *омонголить* Славян: если они были Финны, то им должно *офинить* Славян. Татарские или Турецкие Болгаре, точно также, *отатарили* или *отуречили* бы Славян, а не на оборот. Так велит рассуждать историческая логика» [Александров 1845: 52—53].

Данное обстоятельство обусловлено экстралингвистическими причинами. Так известный российский правовед и социолог М. М. Ковалевский утверждал: «Если в сфере политических вопросов новое время выставило на очередь вопрос по-истине новый, то таким следует признать национальный вопрос» [Ковалевский 1885: 677]. Контакты, влияние, взаимодействие этносов в XIX в. становятся важным фактом социально-политической истории разных народов и государственных образований; в такой ситуации проблема национальной самоидентификации становится одной из самых насущных, а этносоциальные процессы — часто носящие негативный характер — находят отражение в языке:

«Но их <польских помещиков западных губерний России — О. С.> предположения о личном только освобождении с сохранением в сельских обществах суда и управления в руках помещиков, не были приняты правительством и тем нанесен был решительный удар стремлению *ополячить* и обратить в латинство русских крестьян этих <западных> губерний» [Попов 1868: 99]. «Печать поддерживает мнение что Россия желает *омосковить* и *обашикурить*» Поляков» [Р. 1884: 263].

² Здесь и далее примеры из дореформенных изданий приводятся с изъятием «ера» и «ятя», орфография и пунктуация источника сохранена.

Интенсивность образования глаголов определенного типа и их активное использование в текстах разных жанров демонстрируют осмысление фактов реальности и воплощение их говорящими в языке, наглядно подтверждая тезис о деятельностном характере словообразования (см. подробно: [Земская 1992]):

«В Уте уже укоренилась система многоженства. И некоторые политики уже “видят в ее распространении решение страшной задачи смешения племен Тихаго океана. Как сарадины арабизовали север Африки в немного лет, так, по их мнению, возможно *обамериканить* эти племена”» [Трачевский 1872: 150].

При описании подобных глаголов в историческом словаре необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, в глаголах, имеющих морфемную структуру «приставка *о-(об-)* + имя (этноним) + суффикс *-и-*», наблюдается явление омонимии. С одной стороны, глаголы типа *оболгарить*, *обрусить*, *отурчить*, *офранцузить* являются видовой парой к соответствующим бесприставочным глаголам, образованным от этнонима: *француз* → *французить* → *офранцузить* [Старовойтова 2015: 155—156], следовательно, при приставочном глаголе в словаре должна быть представлена отсылка, а толкование должно приводиться при бесприставочном глаголе, т. е. *французить* — ‘переделявать на французский лад (слово)’ и *офранцузить* — ‘сов. к *французить*’, а не *офранцузить* — ‘переделать на французский лад (слово)’ [Сл. РЯ XVIII в.: 18, 143].

С другой стороны, глаголы рассматриваемого типа представляют семантическую новацию XIX века, речь идет о значении, указывающем на разные формы влияния одного этноса на другой:

«Жизни, жизни, настоящей жизни!.. Еслиб администрация позволила нам дать ей совет, мы бы сказали ей: не бойтесь жизни, а вызывайте ее проявления! Она одна в состоянии оболванить, переделать, *обрусить* и одухотворить все нагроможденные вами так неумело, так обезьянски и так насильственно, всевозможные нерусские порядки и формы» [Русь 1884: 14].

Словообразовательный процесс в этом случае можно представить в виде следующей цепочки: француз → офранцузить → офранцузивать [Старовойтова 2016: 238]. Поскольку появление данного значения отражает динамический характер языковых процессов, «Словарь русского языка XIX века» должен отразить регулярный характер изменений, происходивших в лексике, используя соответствующий метаязык.

Толковый словарь соответствующей эпохи, впервые зафиксировавший новое значение глаголов с приставкой *о-*(*об-*), образованных от этнонима, дает пеструю, непоследовательную картину. Для переходных глаголов используется краткое и в определенном смысле малореальное с точки зрения объективной действительности определение: *обрусить* — ‘сделать русским’ [Даль: 2, 1197]; *ополячить* — ‘сделать поляком’ [Даль: 2, 1259]; *офранцузить* — ‘сделать французом’ [Даль: 2, 1344]. В то же время толкование соответствующих возвратных глаголов (рассматриваемые глаголы в системе русского языка XIX века формирует пары, образуя оппозицию ‘оказывать воздействие на кого-л.’ / ‘испытывать воздействие на себе’ преимущественно по типу *обангличанивать* — *обангличаниваться*, *отатарить* — *отатариться*, *офранцузить* — *офранцузиться* и т. п.) может достаточно четко указывать на то, какие стороны жизни затрагивает влияние одного этноса на другой, ср.: *обангличаниваться* — ‘стать по виду, по внешности и обычаям похожим на англичанина’ [Даль: 2, 1149]; *ополячиться* — ‘стать поляком, по языку, нравам, убеждениям’ [Даль: 2, 1259]. Однако даже два приведенные здесь толкования разительно отличаются друг от друга. Совсем в другом ключе толкуется глагол *оеврейться* — ‘освоиться с евреями, спознаться, подружиться с ними и перенять у них многое’ [Даль: 2, 1235]. Представляется, что проблема здесь кроется не в некомпетентности автора и не в неразработанности метаязыка словаря, а в том, что «исторический культурный слой, политическая и социальная ситуация в стране накладывают свой отпечаток и оказывают свое влияние на словарь. Каждый словарь — зеркало своей эпохи. Нет и не бывает абсолютно аполитичных, деидеологизированных словарей» [Герд 2008: 9].

Изучение данного феномена представляет определенный исследовательский интерес, тем более что проблема описания глаголов, образованных от этнонимов, сохраняется и в последующих лексикографических изданиях. Так, сравнивая определения глаголов *онемечить*, *ополячить* и *офранцузить* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, замечаем, что в описании лексического значения первых двух глаголов внесено указание на принудительный характер действия: *онемечить (ополячить)* — ‘насильственно сделать немцем (поляком) по языку и обычаям, придать чему-н. немецкий (польский) вид, характер’ [Ушаков: 2, 808 (824)]. Подобное наречие отсутствует в определении глагола *офранцузить* — ‘сделать французом по языку и обычаям, придать чему-н. французский вид, характер’ [Ушаков: 2, 1022]. Так же разнятся определения и в более позднем лексикографическом источнике: *ополячивать* — ‘насильственно придавать кому-, чему-либо польский вид, характер; делать похожим на поляка по языку, обычаям, культуре и т. п.’ [ССРЛЯ: 8, 927], *офранцузивать* — ‘делать кого-либо похожим на француза по языку, культуре, обычаям и т. п.’ [ССРЛЯ: 8, 1738].

Анализ представленных в словарях русского языка XX—XXI веков определений мотивированного этнонимом глагола показал, что они различаются и объемом, и содержанием, напр.: 1) *онемечить* ‘насильственно сделать немцем по языку и обычаям, придать чему-н. немецкий вид, характер’ [Ушаков: 2, 808]; 2) *онемечивать* ‘насильственно придавать кому-, чему-либо немецкий характер; делать кого-либо похожим на немца по языку, обычаям, культуре и т. п.’ [ССРЛЯ: 8, 866]; 3) *онемечить* ‘привить кому-л. немецкий язык, обычай’ [МАС: 2, 618]; 4) *онемечивать* ‘делать таким, как у немцев, или похожим на немцев по языку, обычаям, культуре и т. п.’ [БАС: 13, 711]. «Каждый словарь порождает множество своих частных методических проблем, которые лежат, прежде всего, в плоскости не вопроса «что», а вопроса «как», т. е. как, каким образом подать, представить в данном словаре тот или иной класс языковых явлений» [Герд 2008: 13], а потому, учитывая предшествующий опыт, составители «Словаря русского языка XIX века» должны выработать свой метаязык описания подобной лексики.

Представляется, что лексикограф (в отличие от историка, социолога или культуролога) XXI века должен занимать позицию максимальной отстраненности от конкретной ситуации прошлого при описании соответствующей лексики — не смотреть на материал, как говорил исследователь XIX в., «сквозь густоокрашенную предразсудками призму» [Оршанский 1877: 278]. Это поможет избежать излишне субъективного или неверного толкования семантики слова. Следует иметь в виду и тот факт, что обширный по объему языковой материал может пока оставаться вне поля зрения лексикографов.

Фактор системности, являющийся важным для «Словаря русского языка XIX века» при решении вопроса о включении в состав словника словаря некоторых единиц, должен работать и в случае описания определенных групп лексики, способствуя выработке метаязыка, адекватного описываемой ситуации. При этом в конкретном рассматриваемом случае следует учитывать то обстоятельство, что тема межэтнических контактов является чрезвычайно сложной и требует определенной деликатности при ее описании.

Библиография

Словари

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 1—23. М.; СПб., 2004—2014.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863—1866.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985—1988.

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—21—. СПб., 1992—2015—.

Сл. РЯ XIX в. 2002 — Словарь русского языка XIX века. Проект. СПб., 2002.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Источники

Аксаков 1892 — *Аксаков И. С.* Дневник во время путешествия по Славянским землям // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. Письма 1851—1860. М., 1892. С. 107—153.

Александров 1845 — Современные исторические труды в России: М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полевого, Ф. В. Булгарина, Ф. Л. Морозкина, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова: Письма А. В. Александрова к издателю «Маяка». СПб., 1845.

Гоголь 1842 — *Гоголь Н. В.* Мертвые души // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.07.2016).

Попов 1868 — *Попов А. Н.* Последняя судьба папской политики в России (1845—1867 гг.) // Вестник Европы. Кн. 3, март. 1868. С. 53—122.

Р. 1884 — Р. Поляки, их мнения и толки // Русский вестник. Т. 170. 1884. С. 257—296.

Русь 1884 — <Передовая статья> // Русь. 1884. № 8. 15 апреля. С. 2—14.

Трачевский 1872 — *Трачевский А. С.* Очерки исторического развития Америки // Беседа. Т. 11. 1872. С. 124—184.

Научная литература

Алексеева 1978 — *Алексеева А. П.* Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с об- и о-): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1978.

Герд 2008 — *Герд А. С.* «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. Материалы III Всероссийской научной конференции. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IV, ч. 3. СПб., 2008. С. 9—16.

Гроссман 1923 — Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М.; Пг., 1923.

Земская 1992 — Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Ковалевский 1885 — Ковалевский М. Национальный вопрос в старом и новом свете // Вестник Европы. Кн. 6, июнь. СПб., 1885. С. 677—731.

Кошелев 2004 — Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. №4. С. 68—101.

Оршанский 1877 — Оршанский И. Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877.

Старовойтова 2015 — Старовойтова О. А. Об одной глагольной словообразовательной модели в современном русском языке: динамический аспект // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 154—161.

Старовойтова 2016 — Старовойтова О. А. Развитие семантических парадигм в рамках словообразовательной модели в русском языке XIX века (На примере отыменных глагольных образований с приставкой *о-*) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э. П. Кадькаловой. Саратов 27—28 октября 2016 г. Саратов, 2016. С. 234—241.

Эпштейн 2010 — Эпштейн М. Н. Круглый стол «Русский язык в современном мире» // Новый журнал. 2010. № 258, март. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newreviewinc.com/node/65> (дата обращения: 25.11.2016).

O. Starovoitova. Description of a derivational model subtype: on the metalanguage problem in a historical dictionary

The paper deals with the problems of the lexicographic description of the verbs derived through the prefix *о-(об-)*. The model of verb derivation from ethnos names is new to the Russian Language of the 19th century and requires special attention in a differential historical dictionary.

Принцип распределения стилистической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века»

Ключевые слова: словарь поэтического языка, конкорданс, словарная статья, стилистическая помета.

Статья посвящена вопросам подачи стилистической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века» как сводном комментирующем конкордансе. Показано, что в словаре подобного типа целесообразно использование принципа распределения стилистической информации в виде соответствующих помет по зонам словарной статьи. Также демонстрируются возможности изучения стилистических ресурсов поэтического языка на основе выборки и систематизации словарных стилистических помет.

Многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) создается по произведениям десяти выдающихся русских поэтов: И. Анненского (в Словаре и здесь далее — сокращенно Анн), А. Ахматовой (Ахм), А. Блока (АБ), С. Есенина (Ес), М. Кузмина (Куз), О. Мандельштама (ОМ), В. Маяковского (М), Б. Пастернака (П), В. Хлебникова (Хл) и М. Цветаевой (Цв). Словарь, идея которого принадлежит В. П. Григорьеву, был представлен вначале небольшим по объему пробным выпуском [Самовитое слово 1998]. Этот выпуск включал в себя около 800 статей на букву А (*А — А-ю-пей*) и несколько приложений: алфавитно-частотный и частотно-алфавитный указатели, а также перечни слов, встретившихся только у одного из десяти выбранных поэтов. С момента публикации пробного выпуска прошло почти два десятилетия. Опубликовано уже шесть томов СЯРП,

* Лариса Леонидовна Шестакова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН. Электронная почта: lara.shestakova@mail.ru.

готовится к печати седьмой. В процессе подготовки томов проявилась жанровая природа Словаря как хронологически выстроенного сводного конкорданса комментирующего типа с определенным набором решений по каждому виду представленной в нем информации. Рассмотрим, как с помощью помет вводится в СЯРП стилистическая информация, так или иначе окрашивающая воссоздаваемый Словарем поэтический мир.

Стилистическая информация носит в СЯРП намеренно распределенный, зонально рассредоточенный характер. Принцип распределения информации этого вида был признан при разработке концепции Словаря наиболее целесообразным, поскольку он учитывает стилистические проявления не только слов, но и отдельных форм слов, и целых контекстов. Причем высокая степень стилистической разнородности лексики была отмечена уже в процессе работы над словником, который формировался по выбранным источникам (см. Приложение к статье) как исчерпывающий, т. е. содержащий все единицы, в том числе иноязычные вкрапления, встретившиеся в текстах названных поэтов. Что касается структуры словарной статьи СЯРП, то в ней выделяются обязательные зоны заголовочного слова, контекстов, шифров и факультативные зоны значения и комментариев [СЯРП I: 14—15]. Ю. Н. Караулов назвал такую структуру статьи «простой», справедливо имея в виду «всегда возможное расширение круга источников», круга поэтов [Караулов 1999: 159].

Специально следует сказать о зоне значения словарной статьи. В СЯРП она имеет более широкое, по сравнению с другими словарями, наполнение, и поэтому само название ее условно. В данную зону вводятся при необходимости сведения, которых, по мнению составителей, может не хватать читателю для понимания, первоначальной оценки поэтических строк, самого места конкретного слова в языке поэзии. Эти сведения направляют внимание читателя на орфографическую, грамматическую, семантическую или иную сторону слова. Стилистическая составляющая здесь также присутствует. При том что в СЯРП стилистическая информация характеризуется «распределенностью»,

именно в зоне значения дается основная ее часть — информация о той или иной окрашенности собственно заголовочного слова. Лексикографически она традиционно передается определенным набором стилистических помет. Надо отметить, что у составителей Словаря не было отдельной цели «изобретать» новые пометы и расширять их состав. Задача была более скромной — с помощью определенного числа существующих помет разграничивать в пределах Словаря лексику нейтральную и стилистически окрашенную; такими своего рода легкими мазками маркировать слова, посылая читателю сигнал об их стилистической выделенности в языке, способности вызывать особое стилистическое впечатление — а такой сигнал может служить отправной точкой для последующего анализа конкретных проявлений, преобразований подобных слов во множестве поэтических контекстов. Не случайно В. П. Григорьев в Предисловии к I тому сказал об этом кратко, упомянув лишь несколько помет: «Изредка мы прибегаем к ... стилистическим пометам ... *прост.* и *разг.*, отмечая “просторечное” или “разговорное” употребление заглавного слова, *нов.* — для авторских неологизмов с более-менее различным индивидуальным смыслом» [Григорьев 2001: 8].

Понимая под стилистической пометой «лексикографический прием указания на стилистические особенности разъясняемой словарной единицы» [Емельянова 2003: 444], составители используют в Словаре такие пометы данного типа: хронологические («исторической перспективы») — *устар.* и *нов.*, указывающие на разновидности письменной и устной речи — *книжн.*, *разг.*, *прост.*, на диалектный характер слова — *обл.*, эмоционально-экспрессивные — *бран.*, *груб.*, *ирон.*, *презр.* и некоторые другие. Почти не встречается в СЯРП помета *поэт.* — поэтическое. С точки зрения В. П. Григорьева, в словаре языка поэзии «все слова поэтические» и такая помета избыточна. В отдельных случаях, правда, составителям показалось возможным применить помету, тем самым отметив непосредственную соотнесенность слова со сферой поэзии (например, этой пометой сопровождаются слова *дольний*, *песнопевец*, *песнопение* / *песнопенье*). При постановке

помет составители опирались на собственную интуицию и, конечно, использовали словарные источники. Основной среди них — это «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, который в наибольшей степени коррелирует с той эпохой, поэтический язык которой представлен в Словаре.

Обратимся далее к конкретному материалу — он взят преимущественно из пятого (Н — Паяц) и шестого (Пе — Радость) томов СЯРП. Состав слов, сопровождаемых названными и другими пометами, чрезвычайно разнообразен — тематически, семантически, частеречно, количественно и т. д., причем отдельные слова сопровождаются двойными пометами. Приведем ряд примеров из указанных томов¹ — **устар.**: *нарицать* ('нарекать'), *оператор* ('хирург'), *опешить* ('сделать пешим'), *пенязь* ('мелкая монета'), *перевить* ('перепеленать'), *персияне* (вар. к персы), также *персиянка*, *персияночка*, *персиянский*, *перст*, *персть* ('прах, пыль'); **нов.**: *непрезвзойдимо* (М), *нетава* (Хл), *нудовый* (М), *оловеть* (П), *омамаен* (Хл), *онелепленный* (ОМ), *невунный* (Ес), *невоубийца*, *первоглубизна* (Цв), *перевызубривши* (М), *пестуны-писцы* (П), *Петропавловск-Цусима* (ОМ); **обл.**: *неук* ('невыезженная лошадь'), *неуряд* ('неурядица'), *окошь* ('рукоятка косы'), *окарай* ('по краю, около'), *перелесица* (вар. к перелесок), *пигалица* ('чибис'), *плахта* ('платок, юбка'), *погребав* ('побрезговав'), *рагоза* ('болотное растение'); **нар.-поэт.**: *небушко*, *окиянский*, *осинушка*, *подколотный*, *полосынька*, *по-над*, *пригорюниться*, *прыскуч*; **церк.**: *орарь*, *плащаница*, *повечерие*, *присно*; **книжн.**: *начертать*, *неизбывный*, *ниспадать*, *озирать*, *осиянный* и *осиян*, *отверзь* (в Словаре *устар. книжн.*), *питать* и *питомец*, *пламенеть* и *пламеня*, *равноможен*; **разг.**: *неважный* ('посредственный, плохой'), *невидаль*, *недомерок*, *новостишка* (в Словаре *разг. пренебр.*), *обмылок*, *огрызнуться*, *работничек*, *пакостник*, *пальнуть*, *попомнить*, *примазаться*; **прост.**: *наблудить* ('нашалить, напроказить'), *навыказ*, *надарма-*

¹ Обратим внимание на то, что в Словаре в отдельных статьях описываются краткие формы и формы сравнительной степени прилагательных, краткие формы причастий, деепричастия и некоторые другие формы.

ка, *обменить* ('обменять'), *образина*, *обсуживать* ('обсуждать'), *подпальнуть*, *подсобить*, *прилучница*, *примать*.

Вот как выглядят статьи к словам на букву П, содержащие в зоне значения стилистические пометы (иногда наряду с толкованием):

ПАДУН [*обл.*; водопад] Я вижу широкую вежу И нежу собою и нижу. П. улетаёт по дань, И вы, точно ветка весны, Летя по утиной реке паутиной. *Хл920 (124)*

ПЕРХ [*прост.*; кашель] Брови — вверх, Краска — в нос. Раты — в п., Герры — в чёс. Раты — в крёхт, Герры — в чох. *Цв925 (III,85.2)*

ПЕСНЕЗОВ [*нов.*] И новый Ян Собеский Выбросил: «Пли!» — Тому, кто Уравнение Минковского На шлеме сером начертал И **песнезовом** Маяковского На небе черном проблистал. *Хл915-19-22 (462.3)*

ПОТАСОВКА [*разг.*] Бывают дни: черно-лиловой шишкой Над **потасовкой** вскочит небосвод, *П925-31 (I,365)*

ПОТИР [*церк.*; сосуд для освящения вина и принятия причастия] Веселый день горит... Но сад и пуст и глух. Давно кончил он с соблазнами и пиром, — И маки сохлые, как головы старух, Осенены с небес сияющим **потиром**. *Анн900-е (86.2)*; Так, тихонько отведя п., Отлетит моя душа в эфир — Чтоб вечерней славе облаков Причастил ее вечерний ковш. *Цв917 (I,330.1)*; Пустыни карие — твои глаза. // Забывши Верую, купель, п. — Справа-налево в них читаю Мир! [посв. Геликону (А. Г. Вишняку)] *Цв921 (II,52.1)*

ПРИГОРЮНИТЬСЯ [*нар.-поэт.*] Все-то птичушки в садочках приуслушались, Малы детушки по зыбкам разыгрались, Молодые-то с крылечек улыбаются, А и старые по кельям **пригорюнились**. [из кантаты, посв. 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина] *РП Анн899 (77)*; Ой, не весел ты, край мой родной. Пригорюнились девушки-ели, *Ес915 (I,176)*; **Пригорюнилась** тут нянька: «Порвала б цветочков в поле, <...>» *Цв920 (III,197)*

ПРИЗОР [*устар.*; присмотр, надзор, наблюдение; *тж* в соч.: без призора] Ты свела меня сюда. Завела, сковала взорами И рукою обняла, И холодными призорами Белой смерти преда-ла... *АБ907 (II,249)*; Мальчишки лет семи-восьми Снуют средь штатов без призора, Бестельными корявыми костями Они нам знак Тяжелого укора. *Ес924 (II,199)*; Переуважена, перечерна, вся в холе, Вся в холках маленьких, вся воздух и п., Вся рассыпаю-чись, вся образуя хор, — Комочки влажные моей земли и воли... *ОМ935 (211.1)*

ПУРПУРОКУДРЫЙ [*высок.*] Волшебный плуг Вплетал и наше тайное скитанье. П., смуглый виночерпий Сулил магическое со-зиданье. *Куз921 (253)*

ПУШКИНОТЫ [*нов.*] О, достоевскиймо бегущей тучи! О, п. млеющего полдня! Ночь смотрится, как Тютчев, Безмерное за-мирным полня. *Хл[908-09] (54.2)*

Материалы Словаря показывают, что слова со стилистически-ми пометами нередко употреблены каким-то одним поэтом. В до-полнение к лексемам, описанным в представленных выше сло-варных статьях, можно привести множество других. Например, *устар. пезета* (вар. к песета ‘денежная единица в Испании’) — встречается только у М, *первины* у ОМ, *пенязь* у Хл; *обл. непо-година* у Ес, *непроглядь*, *наветвь* (‘вторая ветка’) у П, *неродица* (‘недород, неурожай’) у Куз; *разг. посонеть* у М, *поблажка* у Цв; *прост. пачпорт* у Анн, *пащенок* у П и т. д. Однако нередко сти-листически окрашенные лексемы оказываются принадлежностью словаря сразу нескольких поэтов, что последних, несомненно, сближает, и иногда неожиданно. Так, *прост. подсобить* отмеча-ется у АБ, Ес и Цв, *похабник* — у Ес и П, *похабничать* у Ес и М (при этом только у М *похабен*, *похабный* и (дважды) *похабно*); *разг. погодить* — у Анн, АБ (трижды), Куз, М (дважды), П, Хл (дважды) и Цв (шесть раз); *книжн. питомец* — у Ес, П и Цв (а *пи-томица* — дважды только у П). По наблюдениям и проведенным подсчетам видно, что в совокупном лексиконе десяти поэтов, при-надлежавших разным литературным направлениям, имевшим раз-

ные эстетические воззрения, заметное место занимают слова со сниженной окраской, и нередко такие слова оказываются востре-бованными большинством из представленных в СЯРП авторов. Так, *разг. подыматься* отмечается у всех поэтов, кроме Анн, *разг. позабыть* — у всех поэтов, кроме М, *прост. помереть* — у Анн, Ес, М, Хл, Цв и т. д. См., например, статью к наречию *невзначай*:

НЕВЗНАЧАЙ [*разг.*] Тьфу... Вот не ожидал, как я... чертовски — ввысь К НИзинам н. отсюда разлетись ГЛазелью легкою... И где ты, прах поэта!! [строки из акростиха, посв. П. П. Потемкину] *Анн909 (209.1)*; Так повторив урок прилежно. На небо смотрит. Н. На щеку каплет молочай. *Хл912 (222)*; Когда н. в воскресенье Он душу свою потерял, В сыскное не шел отделение, Свидетелей он не искал. *АБ913 (III,49)*; Тош молочай. Прыщет песчинками чибис. Ящерица н.. Пенно лущится крошево зыби В грудках хря-ща. *П917 (I,518.2)*; Замедлил бледный луч заката В высоком, н., окне. *АБ919 (III,310)*; Напитка огненной смолой Я развеселил суровый чай, И Лиля разуму «долгой» Провозглашает н.. *Хл919 (115)*; Начинай же, начинай! И в зачет и н.! Точно легкий месяц Ай! Выбирай удачи пай! *РП Хл920—22 (498)*; Быть может, села / вот так / н. она. / Лишь для гостей, / для широких масс. / А паль-цы / сами / в пределе отчаянья / ведут бесшабашье, над горем глумясь. *М923 (434)*; Когда на дачах пьют вечерний чай, Туман вздувает паруса комарьи, И ночь, гитарой брякнув н., Молочной мглой стоит в иван да марье, *П927 (I,243)*; Мы до того отрав-лены друг другом, Что можно и погибнуть н., Мы черным уни-зительным недугом Наш называем несравненный рай. *Ахм963 (380.2)*

Очевидно, что лексический массив, содержащийся в томах Словаря, включает как однозначные, так и многозначные слова. В последних стилистически окрашенным может быть одно из зна-чений. СЯРП — это в своей основе конкорданс, а не объяснитель-ный словарь, в котором при необходимости можно сопроводить толкование любого значения стилистической пометой. Поэтому важно было найти простой прием для передачи стилистической

неоднозначности слова, учитывая при этом достаточную степень информированности нашего читателя. Таким приемом стало использование формулы: *тж* (также) + помета, например, *тж устар.*, *тж разг.*, *тж прост.* и т. п., обозначающей наличие в использованном поэтом / поэтами слове как нейтральных, так и стилистически маркированных значений. Подобным образом представлено в СЯРП, например, слово *закатиться*. В соответствующей статье зона значения содержит указание: *тж разг.* (оно соотносится со значением 'отправиться куда-нибудь, чтобы приятно провести время'). Ср. приводимые в ней строки Анн и АБ:

ЗАКАТИТЬСЯ [*тж разг.*] Как получу, мол, пенцию, В Артуре стану бой, Не то, так в резиденцию **Закатимся** с тобой... *Шутл. Анн900-е (190)*²; ... А если б и были высокие муки, — Что нужды? — Я вижу печальное шествие ночи. Ведь солнце, положенный круг обойдя, **закатилось**. *АБ914 (III,46)* ...

Иллюстрацией сказанному могут служить и другие статьи (даны в сокращении):

ОПАХАЛО [*тж устар.* веер] Столько хочется сказать, Столько б сердце услышало, Но лучам не пронизать Частых перьев **опахала**, — *Анн900-е (182.1)*; Хочешь, / пойдём в беседку, <...> мальчик будет махать опахалом, / а мы будем смотреть / на далекие огороды с кукурузой? *РП Куз905 (66.3)*; ... Сжала тебя золотистым овалом Узкая, старая рама; Негр за тобой с голубым **опахалом**, Стройная белая дама. *Ахм910 (305.3)*; **Опахалом** чудись, иль тросточкой, — В каждой жилке и в каждой косточке, В форме каждого злого пальчика, — Нежность женщины, дерзость мальчика. [обращ. к С. Я. Парнок] *Цв915 (I,222.2)*; Вновь впорхнула: «Что за память! Позабыла **опахало!** Опоздаю... В первой паре Полонеза...» [о Н. Н. Пушкиной] *РП Цв920 (I,508.2)* ...

ПРИСТАТЬ [... *тж разг.* обратиться с назойливыми разговорами, просьбами и т. п.; ... *тж устар.* остановиться ...] Проснулся

² В приведенных строках *Артур* — Порт-Артур, слово *резиденция* употреблено в значении 'столица'.

гостинник В страхе превеликом, Бросился в покоец, Где **пристал** разбойник. *Куз902 (150)*; И слышу, слышу, будто кричу: «Поставьте в море на камне свечу! Когда пристанет челнок жены, Мы будем вместе с ней спасены!» *РП АБ903 (I,285)*; ... **Пристал** ко мне нищий дурак, Идет по пятам, как знакомый. *АБ913 (III,50.1)*; ... А нам, читатель, не **пристало** Считать коней и тур никак, С тобой нас нынче затесало В толпу глазающих зевак, *АБ919 (III,309)*; Ладья безвольная **пристала** К костру неопалимых слав. И пениться струя устав, У ног богини замолчала. *Куз920 (226)*; ...

В первой статье устаревшее значение существительного *опахало* 'веер' иллюстрируется примером *Цв920*, во второй — устаревшее значение глагола *пристать* 'остановиться' подтверждается строками *Куз902*, а его разговорное значение 'обратиться с назойливыми разговорами, просьбами и т. п.' — примером *АБ913*.

Ср. и такое использование формулы *тж*+ помета:

ПАЧКА [*тж разг.* пачками (группами, в знач. *нареч.*)] Был любовный напиток — в красной **пачке** кредиток, И заря испугалась. Но рукою Судьбы Кто-то городу дал непомерный избыток, И отравленной пыли полетели столбы. *АБ905 (II,167)*; И безудержно — мой конь Любит бешеную скачку! — Я метала бы в огонь Прошлое — за **пачкой пачку**: // Старых роз и старых книг. — Слышите, мой ученик? — *Цв913 (I,181)*; ... Выменивай по нищему Арбату Дрянную сельдь на **пачку** папирос — Все равенство нарушит — нос горбатый: Ты — горбонос, а он — курнос. *Цв920 (I,552)*; ... Куда же сравниться с такими графинями заводской Феклуше да Марфуше? И мальчики **пачками** стреляют за нпачками. Нравятся мальчикам в маникюре пальчики. *М927 (309)*; ...

Таким образом, в зоне значения словарных статей как основной зоне экспликации стилистической информации пометы маркируют окраску и заголовочных слов в целом (это в большинстве случаев), и отдельных их значений.

Перейдем ко второй позиции размещения стилистической информации в СЯРП. Это зона комментариев к контекстам, в кото-

рых стилистические пометы касаются обычно конкретных грамматических форм. Так, в большой статье **ИГРА** несколько раз в строках Хл встречается устаревшая форма род. мн. *игор*. После тех контекстов, которые содержат эту форму, приводится помета и определяется сама форма. Вот как это выглядит в названной статье:

ИГРА ... Камень кумирный, вставай и играй **Игор** игрою и грома. [здесь: *устар.*; *род. мн.*] Хл919 (255)... К горным богам пещеры морской, Детских **игор** ровесникам: «Спасите! Спасайте, товарищи!» [здесь: *устар.*; *род. мн.*] Хл921,22 (349)

См. и другие примеры:

ПЕРУН ... ПЕРУНУ *Загл. Хл[913] (85)*; Ты знаешь: путь изменит пря, И станем верны, о, **Перуне**, Когда желтой и белой силы пря Перед тобой вновь объединит нас в уне. [здесь: *устар.*; *зват.*] Там же.

ПРОТЕЗ Мы, / излюбленное / пушечное лакомство, / мы, / оптовые потребители / костылей / и **протез**, / мы / выйдем на улицу, / мы / 1 августа / аж к небу / гвоздями / прибьем протест. [здесь: *прост.*; *род. мн.*] М929 (363)

ПОМОИ ... Назад! Зачем соваться под нос, Под дождь **помой**? Утратят ли боеспособность «Синоп» с «Чесмой»? [здесь: *прост.*; *род. мн.*] П926-27 (I,323.2).

Ср. также:

ПЛАТИТЬ ... Иладит, и гладит, Долг девичий **плотит**. Ресницами в самые веки щекотит. [здесь: *прост.*] Цв920 (III,197);

ПОБЕЖАТЬ ... Хорош ветерочек шлет нам Русь: встречный — относит шум. // А шумно — шаги, колеса... А томно — уж слух **побёг**, Что — шумно! хоть мы — не босы: Две тысячи пар сапог. [здесь: *прост.*] Цв928,29-38 (III,172).

И, наконец, третья стилистическая позиция в словарной статье связана с так называемыми послепометами, т. е. пометами к целому контексту. Обычно это пометы эмоционально-экспрессивного содержания, передающие общую тональность поэтических строк: *Шутл.*, *Ирон.*, *Бран.*, *Груб.* Подробно об этом говорилось в работе [Шестакова 2007] в связи с послепометой *Шутл.* Там, в частности,

речь шла о том, что пометка этой пометы не до иллюстрации, а после нее связана с представлением о шутливости как в большой степени контекстном явлении. Строки из СЯРП демонстрируют разные приемы и средства создания в тексте шутливого начала, формирования шутливой окраски. Это соединение слов далекой семантики, разных сфер употребления, использование приемов сравнения, уточнения чего-л., повтора слов и общих словообразовательных элементов и т. д. Приведем несколько таких примеров, в которых при отсутствии шутливых слов возникает шутливый эффект:

ПИР ... Мы всё ж, пойми, разъяты целым миром. // О, будем же скорей одним вампиром, Ты мною будь, я сделаюсь тобой, Чтоб демонов у Яра тешить **пиром**, Будь ложкой мне, а я тебе губой... *Шутл. Анн900-е (210.2)*; ...

ПРИЙТИ ... **Пришла** Наташа. Где была? Небось не ела, не пила. И чует мать, черна как ночь: Вином и луком пахнет дочь. [обращ. к Н. Е. Штемпель] *Шутл. ОМ937 (363.1)*; ...

ПЯСТ [псевдоним Владимира Алексеевича Пестовского (1886—1940); рус. поэт, переводчик; см. тж ВЛ.] ... Слышу на улице шум быстро идущего **Пяста**. Вижу: торчит на пальто семьдесят пятый отрыв. Чую смущенной душой запах голландского сыра И вождедею отнять около ста папирос. *Шутл. ОМ920 23 (344.4)*; Плещут воды Флегетона, Стены Тартара дрожат. Съеден торт — определенно — **Пястом** пестуемый яд. *Аллюз. Шутл. ОМ927—30 (354.1)*

Ср. употребление послепометы *Ирон.*:

ПЕЛЁНКА ... Хоронились / обыватели / за кухни, / за **пеленки**. / — Нас не трогайте — / мы / цыпленки. *Ирон. М927 (575)*; ...

ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ ... Его / некультурной / ругать ли гадиною?! / Берет / и с удовольствием / **перелистывает** книжку, / интереснейшую книжку — / сберегательную. *Ирон. М928 (328)*; ...

ПЕРЕТЬ [*прост.*] ... Без веры / и нравственность ищем напрасно. / Чтоб нравственным быть — / кадилами вей. / Вот Мексика,

например, / потому и нравственна, / что **прут** / богомолки / к вратам церковей. *Ирон. М925 (202)*; ...

Введение стилистических помет в словарь, создаваемый с помощью современных технологий, позволяет делать выборку слов с конкретными пометами, производить их подсчеты, а также сравнение их частоты и характера употребления у разных авторов. Это, в свою очередь, подводит к определенным выводам о стилистическом расщеплении поэтического языка эпохи, доли в нем по-разному стилистически окрашенных слов. Подобная работа была проведена, в частности, на материале слов с пометой *нов.*, вошедших в том I Словаря (буквы А — В) [Колодяжная, Шестакова 2006]. Она показала, что эти слова составляют примерно 6,5% всей лексики тома (более 550 слов), встречаются у всех поэтов, но более всего у Цв, Хл, М, по частеречной характеристике принадлежат преимущественно к существительным; выборка показала (и это важно), что более половины новых слов занимают в тексте выдвинутую — рифменную позицию. Приведенные и другие данные обусловили возможность создания, на базе СЯРП, малого электронного словаря новых слов в поэзии Серебряного века (материалы этого словаря размещены в Интернете на сайте <http://lexrus.ru>).

Изучение стилистически нагруженной лексики по данным Словаря может идти и в других направлениях — это подсказывается самой работой над ним, составительской и редакторской. Так, на словарных отрезках разной протяженности отмечается концентрация, порой густая, лексем, сопровождаемых разными, близкими или совпадающими пометами, что, с одной стороны, демонстрирует стилистическую пестроту единиц поэтического лексикона, с другой — его стилистическое единообразие. При этом, конечно, часто объединяются в «кусты» лексем с одним и тем же словообразовательным элементом. Например, в томе I на с. 882 друг за другом идут слова с приставкой *вы-*: *разг. выхаркнуть, прост. выхлепать, выхлестнуть, нов. выхмелить* и т. д., а на предыдущих и последующих страницах находим: *разг. вытворить, нов. вытелить, разг. вытолкать, нов. вытосковать, прост.*

вытрясть, вытряхать, нов. выхрустывать, вычерстветь, разг. вышаркивать, вышвырнуть и т. д. Как видно, эта совокупность слов складывается из единиц, стилистически сниженных и новых. Примечательно, что многие новообразования в таком окружении (и вне «своего» контекста) обнаруживают сниженность звучания (а такого рода единицы обычно дополнительно стилистически не квалифицируются). Сравнение подобных перечней с соответствующими списками слов в общеязыковых словарях показывает порой существенную разницу в их составах — поэтический язык активно реализует потенции национального языка, в том числе в стилистическом отношении.

В заключение отметим, что «Словарь языка русской поэзии XX века» как комментирующий конкорданс содержит определенный объем стилистической информации. Она систематизирована таким образом, чтобы читатель мог без больших усилий ее извлекать, использовать и изучать. А направления изучения предоставляемых Словарем стилистических данных могут быть самыми разными.

Приложение

Источники «Словаря языка русской поэзии XX века»

Источниками Словаря послужили издания десяти вышеупомянутых поэтов, содержащие достаточно представительный корпус их стихотворных произведений (в том числе поэм и драматических произведений в стихах). К этим изданиям относятся следующие (страницы указываются в тех случаях, когда книга содержит также прозу или переводы):

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. С. 51—286.

Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1986.

Анна Ахматова. Реквием // «В то время я гостила на земле...». Стихотворения и поэмы. СПб.: Лениздат, 1995. С. 349—357.

Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах. Тома 1—3. М.—Л.: Художественная литература, 1960.

Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах. Тома 1—3. М.: Художественная литература, 1961.

Михаил Кузмин. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1990. С. 17—328.

Осип Манделштам. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 65—440.

Владимир Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М.: Художественная литература, 1969. С. 25—606.

Борис Пастернак. Сочинения в пяти томах. Тома 1—2. М.: Художественная литература, 1989.

Борис Пастернак. Сочинения в пяти томах. Том 3. М.: Художественная литература, 1989. С. 511—538.

Велимир Хлебников. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 39—504.

Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Тома 1—3. М.: Эллис Лак, 1994.

Библиография

Словари

Самовитое слово 1998 — Самовитое слово / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей / Ред. В. П. Григорьев. М., 1998. 158 с.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—VI / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М., 2001—2015—.

Научная литература

Григорьев 2001 — Григорьев В. П. Предисловие // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I. М., 2001. С. 3—11.

Емельянова 2003 — Емельянова О. Н. Стилистическая помета // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 444—447.

Караулов 1999 — Караулов Ю. Н. [Рец.] «Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века». Пробный выпуск: А — А-ю-рей. Составители: Е. М. Брейдо, А. В. Гик, В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова. Автор идеи Словаря, руководитель проекта и редактор выпуска В. П. Григорьев. М., 1998 // Русистика сегодня. 1999. № 1—2. С. 158—163.

Колодяжная, Шестакова 2006 — Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Слова с пометой *нов.* в «Словаре языка русской поэзии XX века» // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Междунар. конф. СПб., 2006. С. 88—90.

Шестакова 2007 — Шестакова Л. Л. Помета *шутл.* в словарях русского языка // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2007. С. 712—723.

L. Shestakova. The principle of stylistic information distribution in the “Dictionary of 20th century Russian Poetry Language”

The paper focuses on stylistic information in the “Dictionary of 20th century Russian Poetry Language” which is a composite commenting concordance. It is shown that the principle of distribution of stylistic information in various zones of the entry is expedient in a dictionary of this type. In addition, it is shown that there are different possibilities of studying stylistic resources of the poetic language on the basis of sampling and systematization of stylistic notations in the dictionary.

А. С. Кулева*

Об экспериментальном словаре усеченных прилагательных

Ключевые слова: усеченные прилагательные, грамматические архаизмы, поэтический язык, поэтическая грамматика, лексикография

Экспериментальный словарь усеченных прилагательных позволяет проследить эволюцию употребления этого грамматического архаизма в языке русской поэзии, что, в свою очередь, дает возможность по-новому взглянуть на этот широко известный, но малоизученный элемент поэтической речи.

Усеченные прилагательные традиционно рассматривались как черта языка поэзии XVIII века [Винокур 2006: 252—259; Галкина-Федорук и др. 2009: 269—270], однако собранный материал (более 30 тысяч поэтических текстов 500 авторов XVII — начала XXI века) показывает, что этот грамматический архаизм употреблялся в русской поэзии на протяжении всей истории ее существования, причем встречается в значительном объеме текстов (2766, что составляет почти 10 %). Собранный корпус примеров позволяет пересмотреть многие научные мифы, связанные с усеченными прилагательными и предложить следующее определение этого элемента поэтического языка.

Усеченные прилагательные — это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные: *добр, военно, небесны*), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных (*царствующ, устремленну, котору, четверт*), которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в Им. — Вин., так и в некоторых косвенных падежах; по своему строению к этой кате-

* Анна Сергеевна Кулева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН. Электронный адрес: an_kuleva@mail.ru.

гории слов могут быть отнесены и особые формы субстантивов (*всяк, вселенна* и др.). Они представляют собой особое явление русской морфологии, отличное от кратких и полных форм прилагательных. Являясь по происхождению древними именными прилагательными, усеченные прилагательные могли быть восприняты языком русской поэзии из церковнославянского языка или языка фольклора, но могли и создаваться по известным морфологическим моделям в зависимости от версификационных или стилистических задач, которые решались авторами. Ср. примеры:

Что ты заводишь песню *военну* Флейте подобно, милый снигирь? С кем мы пойдем войной на Гиенну? Кто теперь вождь наш? Кто богатырь? Сильный где, храбрый, быстрый Суворов? *Северны* громы в гробе лежат (Державин);

Четверту получил игру чрез то и я (Майков);

Тобольск, «*Град-Царствующ* Сибирь» — забыл, чем был? (Цветаева).

Эволюцию использования усеченных прилагательных в языке русской поэзии можно представить следующим образом:

◆ Первоначально в языке поэзии XVII—XVIII веков использовались краткие атрибутивные формы (по происхождению — древние именные формы), естественные для церковнославянского языка и не полностью утраченные в русском языке, как книжном, так и разговорном (*благ, добр, свят*); в силлабо-тонической поэзии XVIII века усеченные прилагательные стали использоваться как версификационный элемент поэтического языка.

◆ Судьба усечений в поэзии XIX века особенно четко видна на примере творчества А. С. Пушкина: при резком сокращении употребления усеченных прилагательных наблюдается усиление их стилистической роли — от гражданского словаря классицизма (*вселенна, новы, росски, геройска*), через поэтический словарь сентиментализма (*нежна, сладка, приятна*) и романтизма (*печальны, мрачны, небесны*) к появлению поэтизмов и поэтических

штампов (*всяк, любезна, томны, милы*), затем — развитие словаря стилизаций: народно-поэтических (*белы, красны, люты*), архаизирующих и др. Ср. примеры:

Бессмертны вы вовек, о *росски* исполины, В боях *воспитанны* средь бранных непогод! (1814);

Умолк. На небесах лежали *мрачны* тени (1815);

Дева сонною рукой Протирала *томны* очи; Заменили песни *нежны* Стон и слезы *безнадежны* (1825);

Как промолвил *грозен* Стенька Разин: «Ой ты гой еси, Волга, мать родная! С глухих лет меня ты воспоила, В *долгу* ночь баюкала, качала, В волновую погоду выносила (1826);

Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят (1827—28);

Свет ты мой, — *Красно* солнце отвечало, — Я царевны не видало (1833);

Отцы пустынноики и жены *непорочны*, Чтоб сердцем возлетать во области *заочны*, Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв, Сложили множество божественных молитв (1836).

◆ Усеченные прилагательные употреблялись с яркой и многообразной стилистической мотивировкой в произведениях поэзии Серебряного века и встречаются вплоть до начала XXI века (*чайны, музыкальну, пластмассовы*), причем в поэтическом языке продолжают появляться новые функции усеченных прилагательных (например, функция исторической архаизации, в том числе — в поэтических переводах), что опровергает представление о раннем исчезновении слов этой категории из языка поэзии.

Можно отметить, что для усеченных прилагательных характерен ряд общепоэтических проявлений: наиболее употребительны формы Им.-Вин. всех родов и чисел, как правило, не несущие стилистической нагрузки, другие падежные формы (Вин. ж. ед., Род. и Дат. м.-ср. ед. и др.) выполняют обычно определенную стилистическую функцию.

Особый интерес представляет анализ идиостиля поэта при сопоставлении со словарем эпохи (например, для поэзии Державина

характерны усеченные прилагательные скорее словаря сентиментализма, чем классицизма: *любезна, нежна, прекрасна* и др.).

Собранный материал — около 15 тыс. поэтических контекстов — достаточно обширен для того, чтобы составить представление о функционировании усеченных форм. Собрано 3087 лексем, из которых более половины (1682) употреблены по одному разу, около тысячи (1136 лексем, 4440 словоупотреблений) встречаются от двух до десяти раз, 236 — от 11 до 50 раз (4739 словоупотреблений) и 33 лексемы представлены более чем 50 словоупотреблениями (всего 3365 словоупотреблений). В разные периоды истории русской поэзии частотность и употребительность лексем заметно различались. В поэзии XVIII века однократно встречаются 915 слов из 8379 (что составляет 11 %), в творчестве поэтов 1790—1810-х годов — 249 из 2006 (12 %), в поэзии пушкинского периода — 176 слов из 1926 (9 %), те же 9 % характерны для XIX века в дальнейшем (53 формы из 588), в поэзии Серебряного века доля уникальных слов резко возрастает: 179 лексем из 890 (20 %), эта тенденция развивается в современной поэзии: 110 лексем из 434 (25 %). Иными словами, мы видим, как поэтический словарь эпохи складывается, превращается в набор общепоэтических штампов, а затем дает свободу индивидуально-авторскому творчеству.

Наилучшей формой представления языкового материала, без сомнения, остается словарь [Шестакова 2011]. Но возникает вопрос, возможно ли создание специального словаря усеченных прилагательных, если они представляют собой особый грамматический элемент, т. е. могут быть образованы практически от любой адъективной формы. Назовем два аспекта, которые делают такой словарь вполне реальным. Во-первых, корпусное исследование позволяет подготовить выборку примеров если не с исчерпывающей, то с достаточно представительной полнотой. Так, в нашей работе использовались максимально полные издания произведений виднейших поэтов XVII—XIX веков (серия «Большая библиотека поэта» и др.) и авторитетные антологии. Во-вторых, весьма перспективным направлением сейчас признается создание

электронных словарей, допускающих постоянное пополнение и развитие, организацию материала по различным основаниям в зависимости от исследовательской задачи (по хронологии, по автору, по лексеме, по падежной форме и т. п.), а также возможность выхода напрямую на текст произведения или другие связанные тексты (толковый словарь, комментарий к стихотворению и др.). Но даже изданный в традиционной форме «Словарь усеченных прилагательных в языке русской поэзии» был бы полезен и с точки зрения лингвистической поэтики — как конкорданс, представляющий историю русской поэзии через призму одного поэтического элемента, и с точки зрения истории русского литературного языка.

Основной проблемой такого словаря становится оформление словарной статьи и использование метаязыка. Модели существующих авторских словарей — при всем их богатстве и многообразии — едва ли возможно использовать из-за специфики материала.

В большинстве авторских словарей, вслед за большинством общезыковых словарей, начальной формой прилагательного и, следовательно, заголовочным словом принимается полная форма (именительный падеж, мужской род, единственное число). Для изучения авторского идиостиля, и в особенности поэтического языка, важно более пристальное внимание к грамматическим разрядам, поэтому оправданным представляется введение в качестве заголовочных слов кратких форм прилагательных и причастий, степеней сравнения, деепричастий и др. в «Словаре языка русской поэзии XX века» (СЯРП). Однако и в этом издании лексикографическое представление усеченных форм вызывает трудности: случаи, когда реально встретившаяся в поэтическом тексте форма может быть заголовочным словом или может легко трансформироваться в именительный падеж мужского рода, достаточно редки; в зависимости от естественности употребленной формы ее приходится помещать в статью либо полной, либо краткой формы, сопровождая поэтический контекст соответствующим комментарием. Ср.:

НЕЧЕЛОВЕЦК [нов.] Перси — в багрец! Сердце — к груди!
Нечеловецк Свет! — Не гляди! [здесь: усеч.] Цв922 (III,327)

НАГ ... Горят, горят иголки, — Удар стеклянных шпаг, — В клубах нечистой смолки Прямится облик наг. [здесь: усеч.] Куз917 (182.2)

НЕЛЮДСКОЙ Иссыхающая нива — Божескому, нелюдску.
Бури чудному персту. [здесь: усеч.] Цв928 (II,327)

РАДУЖНЫЙ ... Река — радужну Широту струит. Видишь — матушка На лужку стоит: // Кланяйся, Кланяйся! [здесь: усеч.] Цв922 (III,270)

Однако в словаре, специально посвященном усеченным прилагательным, не должно стоять задачи противопоставить их нормативным полным и кратким формам. И, поскольку не от любой адъективной лексемы возможно образование краткой начальной формы, а использование в качестве словарного входа реально употребленных форм внесло бы ненужный разнобой, единственным решением оказывается выбор в качестве заголовочного слова полной формы — несмотря на то, что собранный материал убедительно опровергает традиционное определение усеченных прилагательных как «искусственных книжных форм» — ср.: «краткие формы, искусственно образованные от полных форм и не соответствующие древним кратким» [Кузнецов 2005: 155—156].

Словарная статья в подготовленном к печати экспериментальном «Словаре усеченных прилагательных» строится следующим образом.

1) Заголовочное слово, в целях единообразия — в общепринятой словарной форме (Им. м. ед. **полной** формы прилагательного).

2) Все контексты, расположенные по грамматическим формам, с указанием автора. В традиционной печатной форме в целях сокращения объема приходится использовать дополнительные условные сокращения; например, поэты, в произведениях которых усечения особенно частотны, указываются с использованием шифров: одной буквой обозначены поэты XVIII века (К — Кантемир, Т — Тредиаковский, Л — Ломоносов),

буквосочетанием — поэты XIX века (Бтш — Батюшков, ВЛП — В. Л. Пушкин, АСП — А. С. Пушкин, Вст — Востоков), фамилией — поэты XX — начала XXI века (Есенин, Кузмин, Кривулин). Список авторов дается отдельным разделом. В электронной форме таких обозначений, затрудняющих работу со словарем, можно избежать.

Контексты предпочтительно приводить не по хронологии, а по грамматическим формам (моделям), обозначаемым с помощью шифров, например: ^{ИВм} — именительный (и совпадающий с ним винительный) падеж, мужской род, единственное число. В печатной форме словаря можно добавить наглядные хронологические пометы: так, в примерах ниже при обозначении автора используется дополнительное указание на период: / Кантемир — XVIII век, // Жуковский — XIX век, /// Цветаева — современная поэзия (XX — начало XXI века).

3) Отдельно указываются случаи, когда усеченная форма стоит в конце стихотворной строки, в том числе в нерифмованном произведении: В зиму *луту* | *рфм. приюту*; ночная птица *афинска*; | *рфм. НЕТ*. Опять же, в электронной форме есть возможность приводить более полные контексты, прежде всего — с сохранением рифмы.

4) Контекст представляет собой стихотворную строку (при необходимости — две-три строки), в связи с этим некоторые знаки препинания (незакрытые кавычки и т. п.) игнорируются; пропуск в контексте обозначается отточием (..): Кто в *горестны* минуты, .. Находит утешенье // Тургенев.

Таким образом, в словарной статье фиксируются аспекты, наиболее важные для изучения усеченных прилагательных: реально употребленные грамматические формы в рамках одной лексемы (их состав и частотность), автор (идиостиль и хронология), важнейшая стиховедческая характеристика — рифма.

Специально не маркируются (хотя, поскольку эта информация важна для понимания специфики усеченных форм и динамики их употребления [Гаспаров, Скулачева: 202—225], в дальнейшем предполагается разработать и включить в словарную статью со-

ответствующие условные обозначения) препозиция или постпозиция определения, а также стихотворный размер, жанр и другие характеристики произведения. В большинстве случаев эту информацию можно извлечь из контекста.

Также в словаре отсутствуют традиционные для русской лексикографии пометы (*устар.*, *разг.*, *нар.-поэт.*, *нов.*), поскольку не представляется возможным в каждом случае (применительно к творчеству разных авторов разных эпох) однозначно оценить конкретное употребление. В этом смысле примеры употребления усеченных прилагательных, собранные в виде словаря-конкорданса, должны стать скорее материалом исследования, чем его результатом.

Разработанные сокращения призваны структурировать и несколько сократить собранный материал. Однако в электронном варианте представления словаря от ряда сокращений можно будет отказаться. Как представляется, в окончательный вариант «Словаря усеченных прилагательных» (скорее всего — электронный) должен быть войти материал 1) максимально полный, 2) выверенный и текстологически точный (в идеале — в орфографии оригинала), 3) дополненный необходимой стиховедческой, грамматической и синтаксической информацией.

Приведем примеры словарных статей:

праздничный

~ ^{ИВмн} И в те *праздничны* дни дать отдых ища телу / Кантемир

празднующий

~ ^{Вж} Как могли, так и пятнали С ними *празднующу* знать. / Львов

праздный

~ ^{ИВмн} Мне ратман не простит язычески соблазны!» «Оставьте,— говорю,— вы шутики эти *праздны!*» | *рфм. соблазны* /// Мартины

~ ^{ИВмн} За ним, как в осень трутни *праздны*, Крылатым в воздухе полком Летят толпою тени разны И там и сям. | *рфм. разны* // Батюшков

~ ^{ИВмн} И несколько хотя исчисли Людей тщеславных *праздны* мысли, / Сумароков

~ ^{ИВмн} Праздны черепы, сии избытки, Мать-земля расплавит в новы слитки; // Словцов

радужный

~ ^{Вж} Река — радужну Широту струит. Видишь — матушка На лужку стоит; // Кланяйся, Кланяйся! | *рфм. матушка* /// Цветаева

~ ^{ИВмн} Оставля радужны чертоги, Заходят в храмину твою. / Державин

~ ^{ИВмн} Открылись пред тобой те радужны чертоги, // Батюшков

~ ^{ИВмн} Предстанут радужны дуги — // Дмитриев-Мамонов

скорбный

~ ^{ИВср} Как вдруг .. о, скорбно утешенье! Свет озарил темничну тму; // Милонов

~ ^{ИВср} Надежда дух еще питает И скорбно сердце веселит, / Майков

~ ^{Вж} В грешной душе коль наторел в скорбну годину, мнишь, что уже мир обозрел? Драхму едину. /// Бродский

~ ^{Вж} Им скорбну мысль Камознс облекал. // А. С. Пушкин

~ ^{Вж} Слезой тяжелою грудь скорбну омывая; // Аксаков

~ ^{ИВмн} Вотще смыкая скорбны очи, // А. С. Пушкин

~ ^{ИВмн} Он печали прогоняет, Услаждает скорбны дни. / Львов

~ ^{ИВмн} Уже дерзнуть я мыслил разговор И горьких уст изведать скорбны чары /// Вяч. Иванов

~ ^{ИВмн} Устремив к ней скорбны очи, Тихо слезы лья рекой. // А. С. Пушкин

Итак, усеченные прилагательные образуют в языке русской поэзии особый словарь, который может быть лексикографирован. Поэтические контексты, собранные в своеобразный конкорданс, позволяют взглянуть на четыре века русской поэзии через призму одного поэтического архаизма — употребление «усеченных прилагательных». Следует признать, что судьба усеченных прилагательных в языке русской поэзии — это хотя и частная, но важная проблема истории поэтического языка, заслуживающая внимания и дальнейшего изучения.

Библиография

Словари

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—VII — / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2001—2017—.

Научная литература

Винокур 2006 — Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 2006.

Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009 — Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 2009.

Гаспаров 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.

Кузнецов 2005 — Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. 2-е изд. М., 2005.

Шестакова 2011 — Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

A. Kuleva. On an experimental Dictionary of clipped adjectives

Special dictionary of clipped adjectives provides a researcher an opportunity to analyze the role of these forms in the language of Russian poetry.

А. В. Королькова*

Заметки о структурной характеристике русских афоризмов

Ключевые слова: афоризм, русская афористика, структура русского афоризма, синтаксическая конструкция

Статья посвящена анализу структуры русских афоризмов. Исследование проводилось на основе материалов «Словаря афоризмов русских писателей», содержащего свыше девяти тысяч русских афоризмов XVIII — XX вв. Русская афористика не накладывает никаких структурных ограничений, поэтому афоризмы могут быть выражены как простым неполным, так и осложненным предложением, сложными предложениями, сложными синтаксическими конструкциями и пр.

В современном обществе далеко не случаен большой интерес к афористике вообще и русской афористике в частности. В ней заключена тысячелетняя мудрость и всего человечества, и русского народа. Афористика наряду с паремиями, крылатыми выражениями и фразеологическими единицами выражает все, что в нравственном и этическом плане является важной составной частью духовной культуры.

Русская афористика не накладывает никаких структурных ограничений, поэтому афоризмы могут быть выражены как простым, так и осложненным предложением, сложными предложениями, сложными синтаксическими конструкциями и пр.

В русской афористике распространена такая синтаксическая форма выражения как сложное предложение. Афоризмы достаточно часто сложны семантически, поэтому возникает необходимость оформить глубокую, содержательную, порой и па-

* Анжелика Викторовна Королькова, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики филологического факультета Смоленского государственного университета. Электронная почта: lika.korolkova@bk.ru.

радоксальную мысль с помощью сложной синтаксической конструкции.

1. Афоризмы, выраженные сложносочиненным предложением

В качестве формы сложной конструкции часто выступают сложносочиненные предложения. Например:

И первый человек греха не миновал, да и последний не минует. (А. Н. Островский)¹

Обстоятельства образуют великих людей, а потом великие люди образуют обстоятельства. (К. Н. Батюшков)

Словесность суть не только способы, но главные способы народного просвещения. (Н. М. Карамзин)

Афористика не накладывает никаких ограничительных рамок на использование разнообразных синтаксических конструкций. Поэтому в русском афористическом материале можно найти самые разнообразные типы сложносочиненных предложений. Это сложносочиненные предложения с соединительными, противительными, разделительными отношениями. Встречаются также сложносочиненные предложения с отношениями присоединения.

Совершенно естественно, что каждый из названных типов сложносочиненных предложений используется для выражения особой семантики, так как каждая синтаксическая конструкция не просто является оболочкой для семантики лексических и фразеологических единиц, но и в свою очередь придает афоризму определенный семантический ореол. Например:

Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предложения, часто оправданные временем, но

¹ Все цитаты-афоризмы взяты из «Словаря афоризмов русских писателей» [Королькова, Ломов, Тихонов 2005].

невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения. (А. С. Пушкин)

1.1. Союзы и союзные слова в составе сложносочиненного предложения, выражающего афоризм

Важные функции в сложносочиненном предложении выполняют союзы и союзные слова. Они несут на себе смысловую и стилистическую нагрузку, а также выполняют конструктивную функцию. Афоризмы могут быть выражены сложносочиненными предложениями с различными союзами и союзными словами, хотя чаще всего используются соединительные союзы *и*, *да*, противительные союзы *а*, *но*, *зато*, реже — разделительные союзы *или*, *либо*, *то ли... то ли*, градационные союзы *не только... но и*, *хотя и ...но*. Перечисленные союзы являются самыми частотными в русских афоризмах, выраженных сложносочиненным предложением. Приведем отдельные примеры:

Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. (А. Н. и Б. Н. Стругацкие)

Есть ученость истинная, светлая, плодотворная и благотворная, и есть ученость лживая, мрачная, бесплодная, хотя и работающая. (В. Г. Белинский)

Убийство — это страшное дело, и его нельзя превращать в зрелище. (Ю. М. Даниэль)

С точки зрения афористики более важными, чем конструктивные функции, оказываются семантико-стилистические функции союзов и союзных слов в сложносочиненных предложениях. В пределах афоризмов союзы выполняют те же семантико-стилистические функции, что и в других текстах. Так, например, особо частотный (как и в русском языке в целом) соединительный союз *и* может вносить в предложение оттенок следствия (как в приведенном выше афоризме Ю. М. Даниэля), оттенок неожиданного результата, быстрой смены событий, показывать одновременность или разновременность совершения действия в разных частях предложения, показывать последовательность действий.

Употребление противительного союза *но* в сложносочиненных предложениях, представляющих собой афоризм, сопровождается дополнительными оттенками ограничения, уступки, оттенком возмещения неполной информации, оттенком несоответствия и пр.:

Желуди-то одинаковы, но когда вырастут из них молодые дубки — из одного дубка делают кафедру для ученого, другой идет на рамку для портрета любимой девушки, а из третьего дубка смастерят такую виселицу, что любо-дорого... (А. Т. Аверченко)

Противительный и настолько же частотный, как *но*, союз *а* чаще всего дополняет семантику афоризма, выполняя функцию или чистого противопоставления, или функцию сопоставления.

Среди разделительных союзов в афоризмах чаще используются союзы *или*, *либо*. Они приносят в изречение дополнительные оттенки последовательности развертывания событий, оттенок взаимоисключения, а также выражают собственно разделительные отношения.

Более редкий в афористике союз *то ли* приносит оттенок предположительности, и даже некоторой смысловой неопределенности. В афористике это является важным, так как многие изречения, не претендуя на абсолютную истину, оставляют простор для размышлений читателям, призывают их к заочному диалогу.

Использование градационных союзов *не только... но и*, *хотя и ...но*, и соответственно конструкций сложносочиненных предложений с ними, в афористике не столь распространено, однако встречается. Обычно подобные сложносочиненные предложения не составляют отдельного афоризма, но являются частью изречения, состоящего из нескольких разнотипных предложений. Данные союзы, в силу того, что они употребляются сравнительно редко, привлекают внимание к изречению и вносят дополнительные оттенки усиления, нарастания напряженности, или наоборот — ослабления напряженности. Это своего рода дополнительные градуальные оттенки в афоризме. Например:

С Ломоносова начинается наша литература; он был её отцом и пестуном, он был её Петром Великим. Нужно ли говорить, что

это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Все это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это ещё несомненнее... (В. Г. Белинский)

Трусить, бояться правды — стыдно. Боятся правды скверные, дурные люди, а хорошие люди правды не боятся и согласны не только, чтобы их наказывали за то, что они говорят правду, но рады и жизнь отдать за правду. (Н. Г. Гарин-Михайловский)

1.2. Осложненная структура отдельных простых частей в составе сложносочиненного предложения, выражающего афоризм

Сложносочиненные предложения, представляющие собой афоризм, могут иметь осложненную структуру отдельных простых частей, их составляющих. Подобные афоризмы чаще всего составляют приметку индивидуального стиля писателя или поэта — автора афоризма. Подобные афоризмы мы можем обнаружить у Н. А. Добролюбова, у Л. Н. Толстого, у В. Г. Белинского. Например:

Можно стереть человека, обратить в грязную ветошку, но все-таки где-нибудь в самых грязных складках этой ветошки сохраняются и чувство, и мысль — хоть и безответные, и незаметные, но все же чувство и мысль. (Н. А. Добролюбов)

Люди умные и энергичные борются до конца, а люди пустые и никуда не годные подчиняются без малейшей борьбы всем мелким случайностям своего бессмысленного существования. (Д. И. Писарев)

Афоризмы, синтаксически выраженные сложносочиненным предложением, весьма распространены в русском языке и афористике. Однако наблюдается тенденция к активному их использованию в комплексных афоризмах, состоящих из ряда предложений. Например:

Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду.

Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой. (М. М. Пришвин)

Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота. (А. Н. Толстой)

Добро, красота и истина ставятся на одну высоту, и все эти три понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного. (Л. Н. Толстой)

Доля афоризмов по синтаксической структуре представляющих собой одно сложносочиненное предложение в корпусе исследуемой нами афористики невелика, так как сложносочиненные предложения включаются в состав сложных по структуре афоризмов. Например:

Всякие бывают люди и всякие страсти. У иного, например, всю страсть, весь пафос его натуры составляет холодная зависть, и он только тогда и бывает умен, талантлив и даже здоров, когда кусается... (В. Г. Белинский)

2. Афоризмы, выраженные сложноподчиненным предложением

Афоризмы могут быть синтаксически выражены сложноподчиненным предложением. Формы и типы сложноподчиненного предложения очень разнообразны. Русская афористика активно пользуется этими богатыми возможностями для выражения всего разнообразия тематики изречений. Например:

Литература, в которой не бьется тревога совести, — это уже ложь. (Д. С. Лихачев)

Сложноподчиненные предложения, составляющие афоризмы, как и в любом другом тексте русского языка, могут состоять из разнотипных или однотипных частей.

2.1. Афоризмы в форме сложноподчиненного предложения с одним придаточным

В афористике встречаются случаи, когда изречение выражено сложноподчиненным предложением с одним придаточным предложением (как в приведенных ниже примерах).

В нас сердце часто то решает,
Что не решим мы головой. (А. Н. Майков)

Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается! (П. П. Ершов)

Между придаточным предложением и главным в афоризме существует двусторонняя связь, при которой придаточное предложение поясняет главное, в то время как главная часть нуждается в распространении и пояснении. В семантическом отношении очень часто придаточная часть может быть важнее, чем главная, она может передавать основное содержание изречения.

2.2. Афоризмы в форме сложноподчиненного предложения с несколькими разнотипными придаточными

Существуют также афоризмы, в которых синтаксическая структура представляет собой сложноподчиненное предложение с несколькими разнотипными придаточными. Кроме того, в сложноподчиненных предложениях-афоризмах имеют значение виды подчинительной связи (тип придаточных предложений).

В русской афористике более частотны случаи, когда изречение выражено многочленным сложноподчиненным предложением. Например:

Иногда какой-нибудь вздор, который мы слышим от посторонних людей и до которого нам дела нет, — обыкновенная человеческая глупость и пошлость — внезапно омрачает душу и расстраивает больше, чем сильное горе? (Д. С. Мережковский)

Чтобы уметь быть злым, надо выучиться быть добрым: иначе будешь просто гадким. (В. О. Ключевский)

В русской афористике нет ограничений в использовании каких-либо типов сложноподчиненных предложений. Можно говорить лишь о преимущественно частотном употреблении каких-либо типов придаточных предложений. Самыми частотными придаточными предложениями в сложноподчиненных предложениях, синтаксически выражающих афоризм, являются придаточные изъяснительные, затем — обстоятельственные, а именно придаточные меры и степени, причины, цели, условия. Заметим, что в русском языке в целом, более частотны обстоятельственные придаточные места и времени. Достаточно активны сложноподчиненные предложения с придаточными определительными. Например:

Нет ничего более ненужного на свете, чем любовь женщины, которую не любишь. (Ю. М. Нагибин)

В афоризмах, выраженных сложноподчиненными предложениями, чаще всего наблюдается совмещение различных типов придаточных предложений (как в приведенных ниже примерах).

Наша **интеллигенция**, вместо того, чтобы мужественно и до конца сказать правду «владыке народу», когда он явно заблуждается и дает себя увлечь на путь лжи и бесчестья, — прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет родине. (В. Г. Короленко)

Любовь! ... в ней все тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже все разрушено; то вползает она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон. (И. С. Тургенев)

Кто привык лгать, тому всегда надобно за собою носить большой короб памяти, чтоб одну и ту же ложь не переиначить. (Н. И. Новиков)

И это все у нас в крови,
Хоть этому не обучали:
Чем выше музыка любви,
тем громче музыка печали,

чем громче музыка печали,
тем тише музыка любви. (Б. Ш. Окуджава)

Весьма важным элементом любого сложноподчиненного предложения являются подчинительные союзы и союзные слова, а также порядок следования частей. Союзы и союзные слова служат не только для структурирования сложноподчиненного предложения-афоризма, но и для выражения смысловых отношений между его частями. Кроме того, встречаются афоризмы, выраженные сложноподчиненным предложением с разными типами придаточных, в составе которых есть осложняющие элементы. Придаточные предложения могут быть осложнены теми же элементами, что и любое простое предложение. Например:

Иногда какой-нибудь вздор, который мы слышим от посторонних людей и до которого нам дела нет, — обыкновенная человеческая глупость и пошлость — внезапно омрачает душу и расстраивает больше, чем сильное горе? (Д. С. Мережковский)

Ленивый человек в бесчестном покое сходен с неподвижной болотной водою, которая кроме смраду и презренных гадин, ничего не производит. (М. В. Ломоносов)

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог..
Чем ночь черней, тем ярче звезды! (А. Н. Майков)

Использование разных типов подчинительных конструкций в сложноподчиненном предложении позволяет точнее передать оттенки и нюансы смысла в этих языковых единицах.

3. Афоризмы, выраженные бессоюзным сложным предложением

В корпусе исследуемых нами русских афоризмов немало и афоризмов, выраженных одним сложным бессоюзным предложением. В бессоюзных предложениях отсутствуют союзы и со-

юзные слова — специальные выразители смысловых отношений между частями. Например:

Человеческие чувства почти никогда не бывают вполне простыми и однородными: в большинстве случаев они представляют смешение весьма разнообразных по ценности составных частей. (Д. С. Мережковский)

Несмотря на то, что в бессоюзном предложении отсутствуют формальные выразители связи, они все же представляют собой семантико-интонационное единство. В предложении в целом рисуется единая картина, детали ее фиксируются частями предложения. В бессоюзном предложении важным оказывается порядок расположения частей, в котором заключается указание на особую актуальность той или иной информации. Кроме того, бессоюзные предложения обладают некоторой синтаксической неопределенностью, которая «объясняется неопределенностью их грамматической структуры <...> А это ведет к их возможной многозначности — возможности совмещения нескольких грамматических значений в рамках одной структуры» [Чупашева 2004: 131].

Поэтому не случайно, что русские афоризмы оказываются выраженными бессоюзным сложным предложением преимущественно в поэзии. В поэтических афоризмах интонация более всех прочих факторов служит средством связи частей бессоюзного сложного предложения. Например, при произнесении известного афоризма В. В. Маяковского:

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой —

требуется множество пауз, которые соответствуют переходу от строки к строке.

Приведем примеры подобных по структуре афоризмов:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны... (Н. А. Некрасов)

Человеческие чувства почти никогда не бывают вполне простыми и однородными: в большинстве случаев они представляют смешение весьма разнообразных по ценности составных частей. (Д. С. Мережковский)

В меньших по количеству прозаических афоризмах, выраженных бессоюзным сложным предложением, части предложения взаимозависимы и вторая часть содержит добавочную информацию, добавочное замечание. Например:

Великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные, и темные для толпы. (М. Ю. Лермонтов)

Любит каждый однажды, и всегда любовь несчастна, ибо иначе не может и не должно быть, потому что после любви человек становится подлинно человеком, потому что страдание очищает, красота и радость любви — в тайне ее. (Б. А. Пильняк)

Структура бессоюзных сложных предложений, представляющих собой афоризм, может быть разнообразной. В соответствии с классификацией, предложенной Н. С. Валгиной [Валгина 1973: 121—124], можно выделить в афористике бессоюзные сложные предложения со структурно-обусловленными частями и структурно-необусловленными частями. Среди них одинаково частотны бессоюзные сложные предложения со структурно-необусловленными и структурно-обусловленными частями. Встречаются случаи, когда последующее предложение распространяет и дополняет первую часть, которая и сама по себе вполне

самостоятельна, также встречаются случаи, когда части связаны лишь замыслом автора. Например:

Фашизм — прекрасный строй... он снимает с души ответственность, освобождает от мук совести и от самой совести, он всю ответственность берет на себя. (Ю. М. Нагибин).

Надо показывать пример любви к людям, выступать против фальши, насилия, быть стойким в своих убеждениях, надо высоко нести человеческое достоинство. (Б. А. Можжев)

Бессоюзных сложных предложений в русском языке употребляется гораздо меньше, чем сложносочиненных и сложноподчиненных. В афористике наблюдается та же тенденция.

В целом, можно утверждать, что в процентном соотношении афоризмы, синтаксически выраженные одним предложением, и афоризмы, выраженные синтаксически несколькими предложениями (не более трех), соотносятся как 35% к 60%, а афористические высказывания, состоящие из четырех и более предложений, составляют примерно 5% от общего количества афоризмов, зафиксированных в «Словаре афоризмов русских писателей».

Таким образом, с точки зрения синтаксиса структура афоризма весьма разнообразна. Если рассматривать афоризмы, состоящие из одного предложения, то изречение может быть синтаксически выражено с помощью простого неосложненного предложения примерно в 10% случаев, с помощью простого осложненного предложения примерно в 13% случаев. Осложняющими элементами синтаксической конструкции предложения-афоризма могут выступать однородные члены предложения, обособленные второстепенные члены предложения, обращения, вводные и вставные конструкции. Например:

О, никогда и никому,
Кто льстит вам, братья, вы не верьте! (А. М. Жемчужников)

О, удались навек, тяжёлый дух сомненья,
Печалью старю мне сердца не тревожь! (А. Н. Апухтин)

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши. (Р. Г. Гамзатов)

Но время, действительно, великий исцелитель. (И. Ф. Стаднюк)

В отчизне нашей, к счастью, есть
Немало женских душ высоких... (К. М. Симонов)

Разговор об искренности (всерьез) может возникнуть между
людьми, которые постоянно лгут. (В. А. Солоухин)

Афоризмы могут быть выражены одним сложносочиненным предложением в 15% случаев, сложноподчиненным предложением в 17% случаев, сложным бессоюзным предложением в 5% случаев. В составе сложных предложений могут быть использованы и перечисленные осложняющие элементы. Однако чаще всего, когда афоризм синтаксически выражен одним предложением, оно представляет собой сложную синтаксическую конструкцию. Это примерно в 20% случаев. Весьма интересным является тот факт, что в составе афоризма — сложной синтаксической конструкции встречаются односоставные предложения, разные виды неполных предложений, а также эллиптические и нечленимые. Подобные конструкции составляют около 20% афоризмов.

Библиография

Словари

Королькова, Ломов, Тихонов 2005 — *Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н.* Словарь афоризмов русских писателей. М., 2005.

Научная литература

Валгина 1973 — *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1973.

Валгина 2001 — *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Королькова 2005 — *Королькова А. В.* Русская афористика. М., 2005.

Королькова, Тихонов 2007 — *Королькова А. В., Тихонов А. Н.* Женщины, счастье, любовь глазами русских писателей и поэтов. М., 2007.

Чупашева 2004 — *Чупашева О. М.* Трудности синтаксического анализа. М., 2004.

A. Korolkova. Notes on the structural characteristics of Russian aphorisms

The paper focuses on the analysis of the structure of Russian aphorisms. The research was done on the basis of the “Russian Writers’ aphorisms dictionary” which includes more than nine thousand Russian aphorisms of the 18th — 20th centuries). Russian aphoristics does not impose any structural limitations, so aphorisms can be expressed with simple incomplete and complicated sentences, complex sentences, complex syntactic constructions etc.

П. Е. Бухаркин*

«Словарь языка Шевченко» и некоторые проблемы украинской авторской лексикографии¹

Ключевые слова: лексикография, авторские словари, украинская филология, поэтический язык, текстология, Т. Шевченко, И. Котляревский, И. Франко.

В статье рассматриваются магистральные тенденции развития авторской лексикографии в Украине второй половины XX — начала XXI века. В ней описываются основные особенности словарей языка писателей, созданных украинскими учеными, даются характеристики метаязыка некоторых важнейших типов этих словарей и анализируется «Словарь языка Шевченко» (1964 г.) на фоне его предыстории и в контексте актуальных проблем украинской общественно-научной мысли.

1.

Авторская лексикография, пожалуй, не принадлежит к наиболее приоритетным направлениям украинской филологической науки второй половины XX — начала XXI века²; некоторые из

* Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы СПбГУ. Электронная почта: p_bukharkn@hotmail.com.

¹ Пользуюсь приятной возможностью выразить самую глубокую благодарность заведующей сектором информации отдела библиографии Научной библиотеки Львовского национального университета им. И. Франко Людмиле Панив и доценту кафедры украинской литературы им. М. Возняка Львовского национального университета им. И. Франко Назару Федораку за дружескую помощь в библиографических разысканиях и подборе материалов для статьи.

² См. о некоторых проблемах развития украинской авторской лексикографии: [Цимбалюк-Скопненко 2010].

причин этого, не лишено странностей, положения, как хочется надеяться, станут ясными из сказанного ниже. Ситуация, действительно, сложилась не совсем обычная: не очень результативная работа над авторскими словарями входит в явное противоречие с постоянным и достаточно плодотворным аналитическим интересом украинских ученых к проблемам языка и стиля писателей; изучение авторских идиолектов составляет важную область украинской лингвистики. В первую очередь это относится к ее продукции в середине минувшего столетия, свидетельством чему может послужить библиографический указатель М. Л. Бутрина «Язык и стиль украинских писателей: Библиографический указатель литературы за 1953—1964 гг.» [Бутрин 1966]³. Приведенный в нем материал, охватывающий при этом в целом незначительный временной отрезок — немногим более десяти лет — демонстрирует многоаспектность принятых в данном направлении исследовательских усилий: это монографии, коллективные труды, авторефераты диссертаций, научные статьи, учебные пособия, брошюры и т. п. В качестве примеров (не лишенных случайности) укажу на следующие работы: книгу И. Е. Грицютенко «Язык и стиль художественных произведений П. Мирного («Разве режут волю, когда ясли полны»)), подготовленную Украинской Академией наук коллективную монографию «Курс истории украинского литературного языка (Дооктябрьский период)», в которой рассматривались языковые системы едва ли не всех сколько-нибудь значительных украинских авторов (во всяком случае тех, что были признаны в Советской Украине), и на многочисленные авторефераты кандидатских диссертаций, такие как В. Г. Мариниченко «Языковые и стилистические особенности басен Л. Глибова» или же Н. М. Богдан «Фразеология художественных произведений М. М. Коцюбинского» (замечу, что даже диссертации по украинской филологии негласно предлагалось в те годы подавать

³ Описанные в этом указателе работы не пронумерованы, поэтому затруднительно назвать их общее число, однако объем указателя (256 с.) говорит сам за себя.

на русском языке, в противном случае автор оказывался подозреваемым в украинском национализме) [Грицютенко 1958, 1959; Мариниченко 1960; Богдан 1956]. Являясь — количественно и качественно — весьма неравнозначной продукцией, данные (и подобные им) исследования в своей совокупности освещали разные стороны истории писательских идиомов и индивидуальных стилей в украинской литературе преимущественно XIX—XX веков, хотя и несли на себе нередко отчетливый отпечаток идеологических требований своей эпохи⁴.

Правда, в более поздние годы, начиная с последних десятилетий XX столетия, внимание к подобной проблематике несколько ослабевает, однако не пропадает совсем. И на этом фоне относительность достижений в области авторской лексикографии становится особенно заметной и, что важнее, на первый взгляд не вполне понятной. Впрочем, сказанное вовсе не означает отсутствия в украинской лексикографической практике и теории интересных и значительных проектов, относящихся к авторским словарям, проектов, приведших к важным результатам и представляющих немалый интерес.

Прежде всего, имеет смысл перечислить хотя бы некоторые из данных предприятий — для того, чтобы, пусть и отчасти, представить объем работы, проделанной украинскими лексикографами во второй половине XX — начале XXI века. Сразу оговорюсь — нижеследующий перечень ни в коем случае не претендует на полноту, даже и относительную, его задача заключается лишь в том, чтобы указать на некоторые типы словарей, характерных для украинской филологии, а также выделить часть тех тенденций, которыми отмечено развитие авторской лексикографии в Украине. Так, на рубеже 1950—1960-х годов был задуман словарь языка Ивана Вишенского [Карпенко 1961], начиналась и в определенных пределах реализовалась работа по составлению словарей языка писателей, стоящих у истоков нового украинского литературного языка: Е. Гребинки и И. Котляревского [Деркач

1962; Ващенко, Медведь, Петрова 1955; Бурячок 1961; Бурячок, Залишко, Ротач, Северин 1974], позже, уже в 1970-х годах был составлен и издан «Словарь языка Г. Квитки-Основьяненко» в трех томах (1978—1979), значение которого велико уже потому, что он — один из двух (всего!) завершенных проектов авторских словарей в Украине; руководителем работы над словарем был М. А. Жовтобрюх, весьма авторитетный ученый, интересовавшийся широким кругом лингвистических проблем. В 1964 году был опубликован второй заверченный словарь — «Словарь языка Шевченко» — пожалуй, наиболее представительный и характерный для советской эпохи замысел украинской авторской лексикографии [Словник мови Шевченка 1964]. Велось (или, во всяком случае, планировалось) составление словарей языка писателей середины XIX — первой трети XX веков: Марко Вовчка, Ю. Федьковича, Леси Украинки, А. Тесленко, И. Франко, В. Стефаника [Титоренко 1961; Федькович 2004; Бойко 1961; Словник мови Лесі Українки 2012; Сизько 1970; Терлак 2010; Ковалик 1972]. В последние десятилетия началась подготовка словарей языка современных авторов, например, В. Стуса [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003] или же выдающегося переводчика-полиглота М. Лукаша, в 1973 году исключенного из Союза писателей Украины за выступление против русификации; восстановлен в Союзе он был лишь в 1986 году [Скопненко, Цимбалюк 2002]⁵.

Даже этот простой библиографический перечень, при этом, как отмечалось, отчетливо фрагментарный, показывает, что, несмотря на не очень впечатляющие конечные результаты, украинская филологическая наука постоянно обращалась к идее словарей языка писателей, проявляя интерес к авторам разных периодов (правда, в хронологических границах новой украинской литературы, о чем будет сказано ниже), а также к различным типам поэтического языка: нарративно-прозаическому, стихотворному, драматургическому. В ходе проделанной работы были предложены модели не-

⁴ См., в качестве показательного образца: [Корниенко 1953].

⁵ См. о М. Лукаше: [Лукаш 2003].

скольких вариантов авторских словарей, причем работа эта велась во многих городах (Днепропетровске, Житомире, Киеве, Луцке, Львове, Полтаве, Харькове, Черновцах) как в академических институтах, так и в университетах, педагогических институтах, и даже в музеях.

Приведенные выше данные также позволяют хотя бы приблизительно представить общую картину украинской авторской лексикографии второй половины XX — начала XXI века и выделить некоторые ее выразительные черты. Оставляя в стороне незаконченность ряда начинаний в данной области, обусловленную нередко вненаучными причинами, остановлюсь на двух моментах. Во-первых, бросается в глаза то, что абсолютное большинство авторских словарей посвящено представителям новой украинской литературы. Укажу лишь на два проекта, обращенных к старой украинской литературе: замысел словаря языка Ивана Вишенского и онлайн-конкорданс языка Григория Сковороды. Первый (отмеченный выше) был задуман известным украинским лингвистом Ю. О. Карпенко, специалистом прежде всего в сфере топонимики, профессором Черновицкого, а впоследствии Одесского университета; насколько я могу судить, данный проект остался в состоянии замысла. Онлайн-конкорданс полного собрания сочинений Г. Сковороды был создан в Университете Альберты (Канада) в 2000-х годах⁶; на домашней странице сайта указан 2009 год. Руководителями проекта выступили Н. Пилипюк, О. Ильницкий и С. Козаков. Конкорданс обновлялся, в частности, в качестве текстологического источника указано новейшее «Полное академической собрание сочинений» Г. Сковороды, вышедшее в свет в 2011 году и занимающее 1400 страниц [Сковорода 2011]. Он включает в себя полный перечень украинских, латинских и греческих слов, употребленных Г. Сковородой в его поэзии, философских сочинениях и письмах — всего 247 176 позиций; таким образом, он имеет многоязычный характер. Конкорданс снабжен целым рядом приложений.

Конкорданс полного собрания сочинений Г. Сковороды является ответственным и профессиональным научным начинанием, осуществленным под руководством серьезных специалистов (в частности, Н. Пилипюк принадлежат многочисленные исследования, посвященные украинскому барокко и в том числе — творчеству Г. Сковороды), однако к авторским словарям он имеет все же не прямое отношение. И этим едва ли не исчерпываются достижения украинской филологии в отношении литературы XII—XVIII столетий. Здесь мы также сталкиваемся с научно-культурным парадоксом или, во всяком случае, с некоей нестыковкой: ведь старая украинская словесность, особенно второй половины XVI — первой половины XVIII веков не только принадлежит к числу наиболее выразительных страниц истории украинской литературы — она важна и для осмысления путей развития славянских литератур в целом. Вполне естественно, что творчество авторов той поры, так же как и созданные тогда произведения не раз становились предметом филологического анализа; трудно даже просто назвать имена исследовавших данный период ученых. Имея в виду только последние полвека — в широком хронологическом понимании современный период — можно назвать здесь (нисколько не претендуя на представительную полноту) Л. И. Сазонову и в особенности Л. А. Софронову из русских ученых или же Дж. Броджи-Беркофф, В. Кролля, П. Левин, Р. Лужного из западных славистов; перечень же — даже случайный и пунктирный — украинских исследователей окажется более чем внушительным: архиеп. Игорь (Исиченко), В. Кречотень, Б. Крыса, В. Маслюк, А. Макаров, О. Мышанич, М. Сулыма, М. Трофимук, Л. Ушкалов и др. Тем более странным кажется отсутствие авторских словарей, особенно учитывая то обстоятельство, что как раз в это время начинают активно развиваться авторские стили. Подобная ситуация, на мой взгляд, не имеет явного и однозначного объяснения. В качестве одной из ее причин можно назвать малоизученность статуса, социолингвистических аспектов и структуры украинского литературного языка Раннего Нового времени, описание которого в его индивидуально-авторских пре-

⁶ См.: <http://www.artsrn.ualberta.ca/skovoroda/>

ломлениях связано с весьма значительными трудностями⁷. Стоит заметить, что и в уже упоминавшемся «Курсе истории украинского литературного языка» главы, посвященные авторам Раннего Нового времени по объему несопоставимы с разделами о языке новых украинских писателей. Так, глава о языке Сковороды занимает менее 4 страниц, а о языке Ивана Вишенского — вообще всего 2, в то время как главы о языке Марко Вовчка — 27 страниц, И. Франко — 42, а М. Коцюбинского — 33 [Курс історії української літературної мови 1958: 79—80; 129—132; 385—412; 476—518; 519—552]. Если же иметь в виду более ранний, чисто средневековый период, период Киевской Руси, то применительно к нему вряд ли возможно говорить об авторских словарях в точном смысле слова, словари же языка отдельных произведений XII—XIII веков, которые создавались в России⁸, в украинской науке не прижились.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание при характеристике общего состояния украинской авторской лексикографии второй половины XX — начала XXI века расположено совсем в другой плоскости: абсолютное большинство завершенных украинских лексикографических проектов в данной области связано не со словарями языка писателя в целом, характеризующими всю сложность идиолекта автора, а со словарями более частного вида, представляющими или подготовительные материалы к словарю языка писателя, или же отражающими лишь какой-то лексический сегмент его идеостиля. Впрочем, и такие лексикографические предприятия представляют несомненную ценность и могут быть — по разным причинам — предметом более пристального рассмотрения; кроме того, без них невозможно получить сколько-нибудь полное представление об авторских словарях в Украине. Исходя из этого, я и остановлюсь ниже несколько подробнее на трех из них: один является указателем словоупотребления, два других — словарями, фиксирующими

либо часть авторского идиолекта, либо язык отдельного произведения.

2.

В качестве репрезентативного примера словарей — указателей словоупотребления (как можно было заметить, достаточно распространенных в украинской лексикографической практике) выберем сравнительно давнее издание — книгу В. С. Ващенко, Ф. П. Медведева и П. А. Петровой «Лексика “Энеиды” И. П. Котляревского». Это — один из нескольких опытов словарного описания идиостиля создателя нового украинского литературного языка (некоторые другие были указаны выше). Составленный в высшей степени квалифицированными лингвистами (и В. С. Ващенко, и Ф. П. Медведев принадлежали к числу авторитетных языковедов своего поколения), он был напечатан в Харькове в 1955 году. Указатель «регистрирует количество случаев функционирования каждого слова в “Энеиде” И. П. Котляревского, а также указывает место всех употреблений этого слова. Таким образом, материалы, приведенные в указателе, дают возможность проследить все случаи функционирования слова в “Энеиде” и с помощью этого проанализировать все его формы и значения» [Ващенко, Медведев, Петрова 1955: 3]⁹. При этом, «никаких пояснений к зарегистрированным словам (выяснение их семантики, грамматическая и стилистическая характеристика, комментарии нелингвистического характера и т. д.) в указателе не содержится. Этим избегается навязывание каких-либо готовых или субъективных толкований слов» [Ващенко, Медведев, Петрова 1955: 4]. Условные обозначения, имеющиеся в указателе, связаны с отсылками к тексту «Энеиды»: части обозначаются римскими цифрами, строфы и стихи — арабскими. После каждого слова указывается количество его употреблений. В указателе регистрируются только отдельные, изолированные

⁷ См. в частности: [Шевельов 2009].

⁸ См., например: [Словарь языка «Слова о полку Игореве» 1965—1984; Словарь «Моления» Даниила Заточника 1981].

⁹ Все переводы украинских текстов в статье выполнены мною — П.Б.

от текста слова, словосочетания фиксируются лишь в случае их неделимости («будь ласка», «дати драла»). Если слово употреблено в нескольких вариантах, все они приводятся; в тех же случаях, когда эти варианты семантически идентичны, дается отсылка к основному варианту («б див. би»). Так, глагол *бувати* выглядит в словаре, в соответствии с предложенными в нем принципами фиксации лексических единиц, следующим образом: «Бувати (12); буває (III, 6,3); бува (II, 71,7); бувають (III, 125,2); бував (II, 10,7); бувала (III, 39,6); бувало (III, 42,6); II, 10,7; 60,1; 71,7; III, 6,3; 39,6; 42,6; 125,2; 125,5; IV, 7,8; 30,4; 101,1; V, 29,1» [Вашенко, Медведєв, Петрова 1955: 16].

Образчиком другого вида авторских словарей, описывающих какой-то один сегмент идиостиля писателя, может послужить «Словарь поэтического языка Василя Стуса (редкоупотребляемые слова и индивидуально-авторские неологизмы)» [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003]. Интерес именно к данному автору легко объясним — один из значительнейших украинских поэтов второй половины XX века, переводчик и эссеист, Василь Стус (1938—1985) был одновременно крайне активным борцом с коммунистическим режимом; умер он в лагере (во время второго своего заключения, в ходе объявленной им голодовки), в 2005 году ему посмертно было присвоено звание «Герой Украины». Впрочем, «Словарь поэтического языка Василя Стуса» имеет сугубо филологическую направленность. Его составитель Л. В. Олифиренко посвятила поэтическому языку В. Стуса целый ряд аналитических работ, используя их опыт в своей лексикографической работе. При составлении своего словаря она исходила из особого внимания, уделяемого поэтом поэтической лексике, что проявлялось не только в многочисленных неологизмах. В. Стус «сумел также активизировать богатство редких, полузабытых слов, таким способом эстетически обогатив и стилистически маркировав тексты произведений» [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003: 4]. Главной задачей словаря и стало представление лексической доминанты его стиля лексикографическими средствами.

В словарь вошли слова двух лексических групп: во-первых, устаревшие слова (историзмы, архаизмы), диалектизмы, просторечия, фольклорные слова, церковные обороты, профессионализмы разного типа и, во-вторых, индивидуально-авторский неологизмы (окказионализмы). Слова снабжены достаточно многочисленными стилистическими пометами: разговорная лексика обозначается как *розм.* (*розмовна*), причем из данной группы выделены: пренебрежительная, ироническая, фамильярная лексика, которые снабжены соответствующими пометами — *зневажл.* (*зневажливе*; пренебрежительно), *ірон.*, *фам.* Торжественно окрашенные слова отмечены как *уроч.* (*урочисты*), а поэтическая лексика — *поет.* Лексемы, характерные для народно-поэтического творчества, определяются пометой *нар.-поет.*, *фольк.* (замечу в скобках, что не вполне понятна причина такой синонимии). Также для лексики первой группы имеются следующие пометы: *церк.*, *книжн.*, *заст.* (*застарілі*; устаревшие), *іст.*, *діал.*, а неологизмы (т. е. лексика второй группы) обозначены пометой *інд.-авт.* Толкование слов лаконично, но учитывает оттенки значения; в случаях толкования переносного значения, существующего рядом с прямым, оно подается под отдельной цифрой с обозначением *перен.* Фразеологические единицы подаются после ромба.

Грамматические характеристики заглавных слов в целом соответствуют общепринятой в восточнославянской лексикографии практике. Склоняемые слова вносятся в словарь в начальной форме: существительные — в именительном падеже единственного числа, прилагательные и причастия — в именительном падеже мужского рода единственного числа, глаголы — в инфинитиве и т. д. При описании существительных указывается род, при глаголах приводятся их основные формы, указываются вид и переходность. Для существительных, используемых в современном языке исключительно в составе фразеологических оборотов, реконструируется гипотетическая форма именительного падежа, после чего приводится оборот. Все словарные статьи снабжены примерами, взятыми из произведений Стуса; они выделены курсивом; список

условных сокращений источников завершает небольшую вступительную статью к словарю¹⁰.

Иллюстрациями к вышесказанному могут послужить следующие словарные статьи:

«**Верцадло**, -а, с., *заст. Дзеркало. Зроби — і увійдеши в верцадло, / Зроби — і станеш двійником, / Зроби — і потим падай, падай / Ти беззрiховно-невагомий.* (Т. 1, кн. 2:206)» [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003: 15];

«**Винограй**, -ю, ч., *інд.-авт. Похідне від вино і грати. Де радість в голубому винограї, / Котрий міняє кольори й тони / В овалнім діонісійскім початку?* (Т. 1, кн. 2:14)» [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003: 15].

Наконец, третий словарь, краткую характеристику которого хотелось бы дать для большей полноты картины, — это «Словарь языка поэтического сборника Ивана Франко “Увядшие листья”». Он, во-первых, представляет словарь языка одного произведения, во-вторых, с ним связана важная текстологическая проблема авторской лексикографии (между прочим, в высшей степени актуальная и для России), а в третьих, история работы над ним, неразрывно сопряженная с проектом словаря языка И. Франко в целом, представляет интересную и показательную страницу истории всей украинской авторской лексикографии второй половины XX — начала XXI века.

Сам словарь был опубликован в 2010 году. Его автор, З. Терлак, львовский лингвист, занимающийся преимущественно синтаксическими проблемами, правописанием, историей украинской лингвистики, также неоднократно выступал как лексикограф, правда, скорее в практической области: он был соавтором украинско-болгарского и украинско-белорусского разговорников, а также, словаря трудностей украинского языка и словаря-справочника по культуре украинского языка¹¹.

¹⁰ См. подробнее об объеме и строении словаря: [Словник поетичної мови Василя Стуса 2003: 3—7].

¹¹ См., например: [Гринчишин, Капелюшний, Сербенська 1989; Гринчишин, Капелюшний, Сербенська, Терлак 1996].

В «Словаре языка поэтического сборника Ивана Франко “Увядшие листья”» З. Терлак поставил перед собой задачу лексикографического описания стихотворного текста с возможно полным сохранением его графической и орфографической аутентичности. Поэтому источником словаря стали тексты не академического собрания сочинений И. Франко [Франко 1976—1986], а второе (прижизненное) издание сборника, появившееся в Киеве в 1911 году: «лексикографирование текста последнего прижизненного издания позволяет максимально сохранить языковые особенности Франковского сборника» [Терлак 2010: 10]. Данный словарь — словарь полный, он включает «все украинские слова (как нарицательные, так и имена собственные), которые употреблены в сборнике “Увядшие листья”, а иллюстративный материал включает *все* (курсив автора словаря — П. Б.) случаи употребления слова с учетом его семантических и стилистических особенностей» [Терлак 2010: 11].

Словарная статья состоит из заголовочного слова, затем указывается количество его употреблений в тексте сборника. Если слово представлено графическими или фонетическими вариантами, то число словоупотреблений приводится после каждого варианта. Над заголовочным словом (справа сверху) даются цифровые индексы, различающие омонимию. В случае явно выраженной полисемии цифрами обозначаются все значения; после каждого значения указывается количество употреблений. В границах того либо другого значения двумя наклонными чертами выделяются семантические оттенки. В нужных случаях отдельно выделяются экспрессивные оттенки: *пестл.* (*пестливе*) — ласкательное, *зменш.* (*зменшене*) — уменьшительное, *зменш.-пестл.* (*зменшено-пестливе*) — уменьшительно-ласкательное, *нар.-поет.* (*народно-поетичне*), *ірон* (*іронічне*). Переносное значение или употребление обозначено пометой *перен.* Тропологическое употребление обозначается после знака * пометами **образно*, * *у порівн.* (*у порівнянні*) — в сравнении; если слова используются в устойчивом словосочетании, то после * используется помета **у сполуч.* (*у сполученні*), после чего раскрывается семантика всей фразеологи-

ческой единицы. Грамматическая справка следует после знака ●. В ней приводятся все грамматические формы склоняемых слов или видоизменения несклоняемых слов с их полной паспортизацией. После поэтических иллюстраций указывается номер цикла, затем римской цифрой — порядковый номер стихотворения, последняя цифра обозначает стих, в который входит заглавное слово¹².

В качестве примера приведу словарную статью, описывающую глагол «**брать**»:

● **Брати** (3). 1. *Схоплювати руками* (1). Я с вулиці болото **брав**, Каміне кременисте І кидав ним ву образ твій, В лице твоє пречиште 1, XIII, 5.

2. *Забирати, віднімати* (1). Забрала всі мрії, Всі втіхи, надії, Як весна **бере** з собою Квіти запашні 2, VII, 19.

3. *Перен. Опановувати, охоплювати кого-небудь (про почуття, фізичний стан).** У сполуч. *страх бере* — у когось виникає почуття *острахи, переляку* (1). Впивається її красою зір. Та разом страх **бере**, душа холоне І сила розпливається в простір 3, IX, 20.

● **бере** 2, 2, VII, 19; у сполуч. 3, IX, 20; **брав** 1, 1, XIII, 5.» [Терлак 2010: 36].

Как уже отмечалось, «Словарь языка поэтического сборника Ивана Франко “Увявшие листья”» раскрывает существенные тенденции в эволюции украинской авторской лексикографии последних десятилетий; его рассмотрение в контексте развития проекта словаря языка И. Франко придает некоторым особенностям только что охарактеризованного издания дополнительную значимость. Надо сказать, что составитель сам сознательно провоцирует подобное рассмотрение — первая часть Предисловия, озаглавленная «К истории лексикографического изучения языка художественных произведений Ивана Франка», содержит в себе краткий исторический очерк. Из него следует, что идея такого описания зародилась на кафедре украинского языка Львовского университета во второй половине 1960-х годов. Организатором работы выступил И. Ковалык, видный лингвист, в то время профессор Львовского университета (уволенный в начале 1970-х годов отсюда по идеологическим причинам, позднее он работал в Ивано-Франковском и Дрогобычском педагогических институтах), составивший себе серьезное научное имя в области дериватологии, однако активно обращавшийся и к другим областям лингвистического анализа, среди них — стилистика, лексикология и лексикография, история украинского литературного языка.¹³ В своем видении задуманного словаря он опирался на современные ему лексикографические практики; в частности, несомненно привлекательными ему казались установки Б. А. Ларина и его учеников; он даже предлагал при кафедре украинского языка Львовского университета «создать Межкафедральный лексикографический кабинет по образцу <Словарного — П. Е.> кабинета на филологическом факультете Ленинградского университета» [Ковалик 1972: 6]. Данный проект остался нереализованным, оставив по себе несколько научных статей и пробный выпуск¹⁴; в некотором роде его продолжением и явился «Словарь языка поэтического сборника Ивана Франко “Увявшие листья”», но именно — в некотором роде: в двух важных моментах З. Терлак предлагает иное, нежели прежде, решение лексикографических проблем. Первый момент касается полноты контекстов — по первоначальному замыслу «каждое значение слова иллюстрируется не меньше чем двумя примерами из текстов И. Франка» [Словник мови художніх творів Івана Франка 1976: 65], в словаре З. Терлака приводятся все контексты. Второй также касается полноты представленного материала: ранее предполагалось не толковать «общеизвестные слова, если они не употреблены в специфическом значении» [Словник мови художніх

дидась на кафедрі українського мови Львівського університету во другій половині 1960-х років. Організатором роботи виступив І. Ковалык, відомий лінгвіст, в то мре професор Львівського університету (уволений в початку 1970-х років звідси по ідеологічними причинами, пізніше он працював в Івано-Франківському і Дрогобичському педагогічних інститутах), складивший собі серйозне наукове ім'я в області дериватології, однак активно звертався і к другим областям лінгвістичного аналізу, серед них — стилістика, лексикологія і лексикографія, історія українського літературного мови.¹³ В своєму баченні задуманого словника он опирався на сучасні йому лексикографічні практики; в частині, несомненно привабливими йому казались установки Б. А. Ларина і його учеників; он навіть пропонував при кафедрі українського мови Львівського університету «створити Межкафедральний лексикографічний кабінет по зразку <Словарного — П. Е.> кабінету на філологічному факультеті Ленінградського університету» [Ковалик 1972: 6]. Даний проєкт остався нереалізованим, оставив по собі кілька наукових статей і пробний випуск¹⁴; в некотором роде его продолжением и явился «Словарь языка поэтического сборника Ивана Франко “Увявшие листья”», но именно — в некотором роде: в двух важных моментах З. Терлак предлагает иное, нежели прежде, решение лексикографических проблем. Первый момент касается полноты контекстов — по первоначальному замыслу «каждое значение слова иллюстрируется не меньше чем двумя примерами из текстов И. Франка» [Словник мови художніх творів Івана Франка 1976: 65], в словаре З. Терлака приводятся все контексты. Второй также касается полноты представленного материала: ранее предполагалось не толковать «общеизвестные слова, если они не употреблены в специфическом значении» [Словник мови художніх

¹³ См. о нем: [Сербенська 2002]. С 2017 года имя И. Ковалыка носит кафедра украинского языка Львовского национального университета.

¹⁴ См.: [Ковалик 1968, 1969, 1972; Словник мови художніх творів Івана Франка 1976]. См. также изданный после смерти И. Ковалыка словоуказатель: [Ковалик, Ощипко, Полюга 1990].

¹² См. подробнее о структуре словарной статьи в разделах «Структура словникової статті» и «Граматичний довідник» «Предисловия»: [Терлак 2010: 13—16].

творів Івана Франка 1976: 65], в «Словаре языка ... сборника ... “Увядавшие листья”» представлена (как отмечалось выше) вся украинская лексика поэтической книги. Оба эти решения, между прочим, связанные в украинской культуре с самыми острыми историко-политическими вопросами, оказались предельно актуальными и для репутации основного авторского словаря, созданного в Украине — «Словаря языка Шевченко», к анализу некоторых сторон которого мы и переходим.

Но перед этим остановимся еще на одной черте «Словаря языка поэтического сборника Ивана Франко “Увядавшие листья”», о которой тоже уже шла речь — его источником является не академическое собрание сочинений И. Франко, а прижизненное издание «Увядавших листьев». В этом отношении данный словарь развивает идеи И. Ковалька, который в результате предварительной лексикографической работы пришел к выводу, что «ни 20-ти томное, ни 50-ти томное (в тот момент находящее лишь в состоянии подготовки — П. Б.) издание сочинений Франко, к сожалению, не могут быть использованы для создания картотеки» [Ковалик 1972: 5]; не названная им причина этого состояла в модернизации языка писателя в его современных изданиях, в том числе — академическом. Поэтому И. Ковальк предложил составителям словаря в ходе лексикографической работы самим решать вопрос о каноническом тексте. Одним из вариантов такого решения и стала опора З. Терлака на прижизненную публикацию. Эта проблема важна не только по отношению к творческому наследию И. Франко; она актуальна и для ряда других украинских авторов, например, Леси Украинки [Словник мови Лесі Українки 2012: 5, 7—8], заметим, что она представляется в высшей степени острой и для русской словесной культуры.

3.

Самым фундаментальным украинским словарем языка писателя до сих пор остается «Словарь языка Шевченко», хотя бы потому, что это (как уже отмечалось) один из двух полных авторских

словарей; не без определенных оснований он претендует на описание всей украинской составляющей идиолекта Т. Г. Шевченко. Впрочем, это отнюдь не делает его образцовым и не означает отсутствия в отношении его ряда существенных дискуссионных проблем. Однако, прежде чем перейти к его аналитической характеристике, необходимо представить ту обстановку, в которой словарь создавался.

«Словарь языка Шевченко» готовился к шевченковскому юбилею, который сопровождался (как обычно в таких случаях) оживлением исследовательского интереса к наследию поэта, в том числе — и к его языку: проходили конференции, появлялись статьи и книги как популярного, так и более серьезного типа¹⁵, среди них — принадлежащие авторам и редакторам словаря [Вашенко 1960, 1963; Черторизька 1964а; 1964б]. Впрочем, предыстория создания словаря языка Т. Г. Шевченко значительно более долгая, она восходит уже к началу XX столетия, когда появляются небольшие книги Н. Малечи (1887—1979), активного общественного, просветительского и отчасти научного деятеля первой половины века, сосланного в 1933 году в Казахстан и после многих профессиональных (и не только профессиональных) перипетий ставшего в 1954 году кандидатом филологических наук и закончившего свою деятельность профессором кафедры русского языка Уральского педагогического института. Словарные его труды, посвященные языку Шевченко, написаны в те годы, когда он был филологическим дилетантом; это «Словарик Шевченкова языка» и «Украинско-российский словарик к «Кобзарю» Т. Г. Шевченко [Нестор Літописець 1916; Малеча 1917]; первый (опубликованный под псевдонимом Нестор Летописец и занимавший 64 страницы) включал в себя 7 000 слов (без пояснений и толкований), второй (82 страницы) — 3 500. Лексикографическим описанием языка Шевченко с рубежа 1910—20-х по середину 1930-х годов планомерно занимался и Иван Огиенко (1882—1972) — один из крупнейших политических, церковных и культурных деятелей

¹⁵ См., например: [Білодід 1964; Петрова 1960].

Украины первой половины XX века, постриженный в 1940 году в монахи под именем Илариона и почти сразу хиротонисованный в епископы; он закончил свои дни предстоятелем Украинской Греко-Православной Церкви в Канаде. Ученик В. Н. Перетца по Киевскому университету и высокопрофессиональный филолог, чрезвычайно много сделавший, среди прочего, и для изучения украинского языка¹⁶, И. Огиенко много внимания уделял проблемам лексикографии; замысел шевченковского словаря был для него весьма важен, работа над его осуществлением продолжалась в разные периоды его долголетней деятельности и в различных странах; некоторым (совсем не полным) итогом его трудов стал законченный в 1936 году, но опубликованный много позднее «Грамматико-стилистический словарь языка Шевченко» [Огієнко 1961].

Если же иметь в виду более близких и, так сказать, непосредственных предшественников «Словаря языка Шевченко», то надо назвать лексикографическое исследование уже упоминавшихся по другому поводу В. С. Ващенко и П. А. Петровой «Лексика Шевченко. Словоуказатель к стихотворениям Т. Г. Шевченко» [Ващенко, Петрова 1951], в котором зарегистрировано около 7500 лексических единиц в начальной грамматической форме с указанием количества словоупотреблений, без семантико-стилистических и грамматических пояснений [Черторижская 1989: 9]. Данное издание представляет несомненный интерес в частности и потому, что один из его авторов — В. С. Ващенко, стал впоследствии главным редактором «Словаря языка Шевченко».

«Словарь языка Шевченко», опубликованный в 1964 году, составлялся в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УРСР, ответственным редактором был (как только что упоминалось) В. С. Ващенко. Словарь состоит из двух солидных томов, у каждого — свой редактор (в т. 1 (А — Н), занимающем 484 страницы, — Т. К. Черторизька (Черторижская), в т. 2 (О — Я), объем которого составляет 569 страниц, — В. Г. Мариниченко

и Л. А. Роднина). Первый том открывается предисловием, написанным В. С. Ващенко, затем следует введение, озаглавленное «Содержание и строение словаря». Его первые же слова констатируют полноту издания, призванную сразу же показать превосходство словаря над предшествующими опытами лексикографического описания языка Т. Г. Шевченко: «Словарь языка Шевченко ставит перед собой задачу зафиксировать богатство лексики поэта и разнообразные способы ее использования, в частности, семантико-стилистические особенности. Словник Словаря охватывает все украинские слова из основных текстов и разных редакций и вариантов стихотворений Шевченко, а также из писем, написанных украинским языком. < ... > В Словарь входит использованная Шевченко украинская лексика независимо от ее семантической и грамматической характеристики: как самостоятельные, так и служебные слова, как имена нарицательные, так и имена собственные» [Словник мови Шевченка 1964: XII]. Всего в словаре фиксируется 11 167 лексических единиц.

Реестровое слово (дающееся в своей исходной форме) служит заголовком статьи и фиксируется как единица, выбранная из текста произведений Шевченко. Ударение в нем ставится лишь в том случае, когда оно служит способом разделения омографов, глагольных видов и т. д. Все слова расположены строго по алфавиту, гнездовой принцип объединения слов не используется, поэтому не только префиксальные, но и суффиксальные словообразования (такие как **хата**, **хатина**, **хатиночка**, **хаточка**) даются отдельно как самостоятельные реестровые единицы. Также обстоит дело и с омонимами. Варианты реестровых слов тоже даются отдельно, но с отсылкой к основной форме: **ігратися** *див.* **gratisя**, **ре-стант** *див.* **арестант**. После заголовочного слова в скобках указывается общее количество словоупотреблений. Затем приводится семантико-стилистическая характеристика слова. При наличии у слова нескольких значений все они нумеруются и раскрываются аналогично основному. Также перечисляются все семантические оттенки и создающие их словосочетания. Стилистические особенности словоупотребления обозначаются пометами *Образн.*,

¹⁶ См. о его вкладе в украинское языкознание: [Тимошик 2001].

Ірон., Жарт. (жартиливо) — шутливо, *Вульг., Нар-поет.* и т. д., которые вводятся после точки. Стойкие словосочетания даются после абзаца и отделяются от предшествовавшей части статьи черным ромбом (◆) и пометой *У спол. (у сполученні)* — в словосочетании). После каждого значения, семантического оттенка или словосочетания приводится в скобках количество словоупотреблений. Толкование слова проясняется иллюстративным материалом, чему в словаре придается особое значение: «Никакие комментарии, никакие другие способы толкования не могут так объективно и полно раскрыть семантику слова как его иллюстрирование в контексте» [Словник мови Шевченка 1964: XV]. После примера дается ссылка на том, страницу и строку издания, выбранного как источник словаря¹⁷. В конце статьи размещена грамматическая справка, в которой указаны все грамматические формы склоняемого слова или видоизменения несклоняемого слова и перечислены все случаи его употребления в текстах поэта; данный раздел начинается светлым ромбом (◇)¹⁸.

В качестве примера приведу лексикографическую характеристику имени существительного крило:

«**Крило** (16). **1.** *У птахів* (13). Якби то далися орлині **крила**. За синім би морем милого знайшла. I 4.69. *Повт.* (2). Якби мені **крила, крила** Соколинї, Полетїла б я за миллим. II 167.118. *У порівн.* (2). замахала, Неначе **крилами**, руками, I пострибала через двір У поле. II 101.308. *Образн.* (6). Нехай же вітер все розносить На неокраєнім **крилі**. I 228.36. Бандуристе, орле сизий!.. Маєш **крила**, маєш силу, Є коли літати. I 68.3 Літа мої **крила**, Де ви ділись молодїї? Згинули — пропали. II 415.В.

2. *У мн. Лопатї вітряного млина* (1). Ставок, гребелька, і вітряк З-за гаю **крилами** махає. II 205. 25.

◆ *У спол.* (2): а) вирости **крила** — про появу у людини енергії, сили (1). Ярема гнувся, бо не знав, Не знав, сіромаха, що вирости **крила**, Що неба достане, коли полетить I 84. 336.; б) на **крилах**

летїть — дуже швидко їхати (1). Рад би на **крилах** летїть до вас, та проклято око, щоб воно не вилізло, не пускає. VI 179.14.

◇ *Одн. О. під крилом* 1. *образн.* II 286.27, *М. на крилі* 1. *образн* I 228. 36, II 336. 17,338. 68, *Мн. Н. крила* 1, I 4.69, *повт.* II 167. 118 (2р.) *образн.* II 415. В. *у спол.* а) I 84.336. *Р. без крил* 1. *у порів.* II 161.70. *З. крила* 1. *образн.* I 68.3. О крилами 1. *у порів.* II. 101.308. 2. II 205.25. *М. на крилах* 1. I 52. 182. VI133.25. *у спол.* б) VI 179.14.» [Словник мови Шевченка 1964: 350—351].

Как можно видеть, «Словарь языка Шевченко» явился солидным лексикографическим предприятием, в котором была предложена уже достаточно опробованная в науке середины XX века модель авторского словаря; значение данного издания не следует преуменьшать. И вместе с тем, в этом словаре обнаруживаются и весьма спорные решения, которые в ряде случаев входили в противоречия с декларациями его составителей; некоторые из подобных решений вызвали критические отклики на словарь и сказались в дальнейшем на его репутации. Пожалуй, большинство из возникающих здесь проблем касаются полноты словаря; проблемы эти не менее остро встают и в отношении других украинских писателей¹⁹.

Во-первых, словарь описывает исключительно украинский язык Шевченко, вместе с тем он был двуязычным автором; написанные им на русском языке произведения, хотя и несопоставимы с украинской его поэзией, все же представляют интерес и занимают в его наследии достаточно существенное место. Данная про-

¹⁹ Стоит заметить, что вопрос об аутентичности воспроизведения в примерах шевченковского текста, столь актуальный для словаря языка И. Франко, не привлек к себе внимания. Это кажется удивительным – в своей резко полемической статье «Критика поэтическим словом: Молодой Шевченко определяет свое место в истории литературы и кое-что про “белые пятна”» Ю. Шевелев эмоционально указывает на спорные вопросы шевченковской текстологии, однако и он не соотносит эти проблемы со словарем языка Шевченко, который в данной работе также подвергается суровой критике. О статье Ю. Шевелева, значение которой связано с исключительно высоким авторитетом ее автора в современной украинской филологии и культуре в целом, речь пойдет немного ниже.

¹⁷ Им является: [Шевченко 1949—1963].

¹⁸ Подробнее см.: [Словник мови Шевченка 1964: XII–XVII].

блема крайне актуальна и для многих других украинских литераторов — и не одного XIX века. Двухязычие (а нередко, и многоязычие) свойственно украинской литературной культуре и в Раннее Новое время, и на рубеже XIX—XX веков; оно связано далеко не с одним русским языком: стоит вспомнить, что ряд своих прозаических сочинений И. Франко писал по-польски (оставляю в стороне польские и латинские сочинения украинских авторов Раннего Нового времени). В словаре же языка Шевченко этот вопрос обходится. Правда, вскоре после выхода в свет «Словаря языка Шевченко» началось составление словаря языка его русских произведений; в работе над ним самое активное участие приняла Т. Черторизька (Черторижская), именно ее статьи наиболее полно отражают характер и тип этого лексикографического начинания [Черторижская 1976а, 1976б]. «Словарь языка русских произведений Шевченко» появился в середине 1980-х годов, председателем редколлегии был И. К. Белодед [Словарь языка русских произведений Шевченко 1985—1986]. В совокупности со «Словарем языка Шевченко», фиксирующим особенности украинского идиолекта поэта, данный словарь с достаточной полнотой раскрывал Шевченко как билингва²⁰. Однако хотелось бы, чтобы и в «Словаре языка Шевченко» самом по себе — во введении к нему — присутствовало если и не обоснование, то хотя бы констатация данной проблемы.

Во-вторых, «Словарь языка Шевченко» не полон с точки зрения толкования семантики. Составители словаря отмечают, что «слово совсем не поясняется, если оно употребляется только в одном общезыковом значении и не имеет никакой специфики в словоупотреблении Шевченко. В этом случае оно только иллюстрируется контекстуальным примером» [Словник мови Шевченка 1964: XIV]. Такой принцип интерпретации семантики в авторском словаре вполне возможен, в его пользу нетрудно привести достаточно серьезные аргументы. Но в идеологических условиях советской Украины он мог служить (и, к сожалению, служил) задачам замалчивания целого ряда историко-политических идей и установок Шевченко, связан-

²⁰ См. о принципе взаимодополнения, объединяющим оба издания: [Карпенко 1989].

ных с его отношением к России. В результате, происходила известная фальсификация его мировоззрения, что входило в противоречие с декларируемыми принципами словаря. Свой подход составители издания поясняли тем, что «сохранение шевченковского значения слова — один из наиважнейших принципов Словаря» [Словник мови Шевченка 1964: XIV], к сожалению нередко возникал противоположный эффект: слово, казавшееся идеологически «подозрительным», просто не толковалось²¹. Скорее всего, подобная позиция была вынужденной (на это, между прочим, намекает и Ю. Шевелев [Шевельов 2009: 108]); к сожалению, редакторы словаря пытались объяснить ее научными основаниями, что приводило их к очевидному противоречию с выбранным ими (а возможно, им навязанным) способом толкования семантики слова. Так, во введении говорится о том, что составители старались избежать «готовых толкований <...> и использования формул, которые сковывают и ограничивают сложную семантическую организацию» [Словник мови Шевченка 1964: XIV]. Для этого «словарная статья ставит задачу хотя бы подвести читателя к пониманию слова, исходя из его контекстуального значения» [Словник мови Шевченка 1964: XIV]. Но в таком случае контексты шевченковского словоупотребления должны приводиться полностью, в словаре же принят совсем иной принцип — достаточно жесткого подбора иллюстративного материала: «Для иллюстрирования значения слова подбираются наиболее выразительные и типичные примеры» [Словник мови Шевченка 1964: XV], принцип, открывающий простор не только субъективизму, но и любым идеологическим спекуляциям. Именно это качество «Словаря языка Шевченко» вызвало особо ядовитые комментарии Ю. Шевелева [Шевельов 2009]. И это — третья черта словаря, свидетельствующая о его неполноте²².

²¹ См. об этом в уже упоминавшейся статье Ю. Шевелева: [Шевельов 2009].

²² Существенным дополнением к «Словарю языка Шевченко» стал «Конкорданс поэтических сочинений Тараса Шевченко», вышедший в Торонто в 2001 году [Конкордація поетичних творів Тараса Шевченка 2001], но он, при всех несомненных достоинствах, связанных в первую голову с полнотой систематизированного в нем материала, все же, не может заменить полноценный авторский словарь.

Сказанное вовсе не следует понимать как отрицание достоинств «Словаря языка Шевченко» вообще; вновь повторю — это основательное научное предприятие, выполненное на уровне лексикографических представлений своего времени и внесшее существенный вклад в лексикографическое описание идиостилей современного украинского литературного языка. Проблемы, возникающие при критическом осмыслении данного словаря интересны не просто как объект для критики, они совсем не менее важны другой своей стороной — тем, что позволяют лучше представить ту историческую обстановку, в которой приходилось трудиться украинистам во второй половине XX столетия: при декларировании важности украинистических исследований, они совершенно не поощрялись властями. Именно это и объясняет (конечно, только во многом, и совсем не полностью) скромность достижений украинской науки в области авторской лексикографии. Об известной парадоксальности такой ситуации я говорил в первых абзацах статьи, и, заканчивая, могу лишь прибавить — к авторским словарям обращались серьезные, квалифицированные лингвисты; разнообразные проекты авторских словарей, как можно было увидеть, задумывались и начинали осуществляться учеными, представляющими лучший уровень украинской филологии. Проекты эти в большинстве случаев остались незавершенными — и не потому, что их участники не хотели их завершить. Они этого не могли...

Библиографія

- Білодід 1964 — *Білодід І. К.* Т. Г. Шевченко в історії української літературної мови. Київ, 1964.
- Богдан 1956 — *Богдан Н. М.* Фразеологія художественних произведений М.М.Коцюбинского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1956 (Киевский пед. ин-т им. А. М. Горького).
- Бойко 1961 — *Бойко М. Ф.* Словопоказчик драматичних творів Лесі Українки. Київ, 1961.
- Бурячок 1961 — *Бурячок А. А.* Інструкція до укладання словника мови художніх творів І. П. Котляревського // Наук. зап. Полтав.

літ.-меморіального музею Котляревського. Вип. 3. Полтава, 1961. С.110—122.

Бурячок, Залишко, Ротач, Северин 1974 — *Бурячок А. А., Залишко А. Т., Ротач А. О., Северин М. Д.* Лексика п'єс та од І. П. Котляревського. Київ, 1974.

Бутрин 1966 — *Бутрин М. Л.* Мова і стиль українських письменників: Бібліографічний показчик літератури за 1953—1964 рр. Львів, 1966.

Ващенко 1960 — *Ващенко В. С.* О построении словаря языка Шевченко // IX научная шевченковская конференция (АН УССР, Ин-т лит-ры). Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1960. С. 21—23.

Ващенко 1963 — *Ващенко В. С.* Мова Тараса Шевченка. Харків, 1963.

Ващенко, Медведев, Петрова 1955 — *Ващенко В. С., Медведев Ф. П., Петрова П. О.* Лексика «Єнеїди» І. П. Котляревського: Показчик слововживання. Харків, 1955.

Ващенко, Петрова 1951 — *Ващенко В. С., Петрова П. О.* Шевченкова лексика: Словопоказчик до поезій Т. Г. Шевченка. Київ, 1951.

Гринчишин, Капелюшний, Сербенська 1989 — *Гринчишин Д. Г., Капелюшний А. О., Сербенська О. А.* та ін. Словник труднощів української мови. Київ, 1989.

Гринчишин, Капелюшний, Сербенська, Терлак 1996 — *Гринчишин Д. Г., Капелюшний А. О., Сербенська О. А., Терлак З. М.* Словник-довідник з культури української мови. Львів, 1996.

Грицютенко 1958 — *Грицютенко І. Є.* Курс історії української літературної мови (Дожовтневий період). Київ, 1958.

Грицютенко 1959 — *Грицютенко І. Є.* Мова та стиль художніх творів П. Мирного («Хіба ревуть воли, як ясла повні?»). Київ, 1959.

Деркач 1962 — *Деркач А. Г.* Словник мови творів Є. Гребінки // Звітно-наукова конференція кафедр. Тези доповідей. Київ, 1962. С. 58—59 (Київський пед. ин-т).

Карпенко 1964 — *Карпенко Ю. О.* Про словник мови Івана Вишенського // Питання історії і діалектології східнослов'янських мов. Кн. 2: Наук. зап. Чернівецького ун-та. Серія філол. наук. Т. 42. Вип. II. Львів, 1961. С. 34—44.

Карпенко 1989 — *Карпенко М. А.* Словник мови Шевченка і Словарь русских произведений Шевченко как обобщающий лексикологический источник // Русское языкознание. Вип. 18. Киев, 1989. С. 11—18.

Ковалик 1968 — *Ковалик І. І.* Принципи укладання Словника мови творів І. Я. Франка // Українське літературознавство. Вип. V. Іван Франко. Статті і матеріали. Львів, 1968. С. 174—183.

Ковалик 1969 — *Ковалик І. І.* Про типологічну інтерпретацію художнього слова та вияв майстерності у Словнику мови творів І. Франка // Українське літературознавство. Вип. VII. Іван Франко. Статті і матеріали. Львів, 1969. С. 153—159.

Ковалик 1972 — *Ковалик І. І.* Наукові філологічні основи укладання і побудови Словника мови художніх творів Івана Франка // Українське літературознавство. Вип. 17. Іван Франко. Статті і матеріали. Львів, 1972. С. 3—8.

Ковалик, Ощипко 1972 — *Ковалик І. І., Ощипко І. Й.* Художнє слово Василя Стефаника. Методичний посібник. Львів, 1972.

Ковалик, Ощипко, Полюга 1990 — *Ковалик І. І., Ощипко І. Й., Полюга Л. М.* Лексика поетичних творів Івана Франка. Львів, 1990.

Конкордація поетичних творів Тараса Шевченка 2001 — *Конкордація поетичних творів Тараса Шевченка.* Ред. і упоряд. Олег Ільницький, Юрій Гавриш. У 4-х тт. Нью-Йорк; Едмонтон; Торонто, 2001.

Корниенко 1953 — *Корниенко Н. П.* Борьба И. Франко за чистоту и богатство украинского литературного языка на общенародной основе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Львов, 1953 (Львовский пед. ин-т).

Курс історії української літературної мови 1958 — *Курс історії української літературної мови.* Т. 1: Дожовтневий період. Київ, 1958.

Лукаш 2003 — *Микола Лукаш.* Біобібліографічний покажчик. Укладач В. Савчин. Наук. ред. Р. Зорівчак; ред.-бібліограф Г. Домбровська. Львів, 2003.

Малеча 1917 — *Малеча Н.* Україно-руський словничок до «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. Херсон, 1917.

Мариниченко 1960 — *Мариниченко В. Г.* «Языковые и стилистические особенности басен Л. Глибова»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1960 (Ин-т языковедения им. А. А. Потебни).

Нестор Літописець 1916 — *Нестор Літописець.* Словничок Шевченкової мови. Миколаїв, 1916.

Огієнко 1961 — *Огієнко І.* Граматично-стилістичний словник Шевченкової мови. Вінніпег, 1961.

Петрова 1960 — *Петрова П. О.* Шевченкове слово та поетичний контекст: Використання займенників у поезіях Т. Г. Шевченка. Харків, 1960.

Сербенська 2002 — *Сербенська О. О.* Професор Іван Ковалик, його доба та оточення // Дзвін. 2002. № 9. С. 103—110.

Сизько 1970 — *Сизько Т.* Лексика мови Архипа Тесленка: Словопоказчик оповідань. Дніпропетровськ, 1970.

Сковорода 2011 — *Сковорода Григорій.* Повна академічна збірка творів / за редакцією проф. Леоніда Ушкалова. Харків; Едмонтон; Торонто, 2011.

Скопненко, Цимбалюк 2002 — *Скопненко О. І., Цимбалюк Т. В.* Фразеологія перекладів Миколи Лукаша. Словник-довідник / За ред. Г. П. Півторака. Київ, 2002.

Словарь «Моления» Даниила Заточника 1981 — Словарь «Моления» Даниила Заточника / Гл. ред. Е. М. Иссерлин. Л., 1981.

Словарь языка «Слова о полку Игореве» 1965—1984 — Словарь языка «Слова о полку Игореве». Вип. 1—6 / Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Сост. В. Л. Виноградов. Л., 1965—1984.

Словарь языка русских произведений Шевченко 1985—1986 — Словарь языка русских произведений Шевченко: в 2 т. / Сост. В. М. Брицын и др.; редкол.: акад. И. К. Белодед (пред.) и др. Киев, 1985—1986.

Словник мови Лесі Українки 2012 — Словник мови Лесі Українки (На матеріалі збірки «На крилах пісень»). Ч. 1: А—М / Уклад. Н. О. Данилюк, Н. В. Іовхимчук, Н. П. Дарчук, Н. Г. Чейлитко, В. М. Сорокін. Упоряд. Н. О. Данилюк. Луцьк, 2012.

Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненко 1978—1979 — Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненко: у 3 т. / Відп. ред. М. А. Жовтобрюх. Харків, 1978—1979.

Словник мови художніх творів Івана Франка 1976 — Словник мови художніх творів Івана Франка: Пробний зошит // Українське літературознавство. Вип. 26. Іван Франко. Статті і матеріали. Львів, 1976. С. 63—69.

Словник мови Шевченка 1964 — Словник мови Шевченка. Т. 1: А—Н / Ред. тома Т. К. Черторизька. Київ, 1964.

Словник поетичної мови Василя Стуса 2003 — Словник поетичної мови Василя Стуса (рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори) / Уклад. Л. В. Оліфіренко. Київ, 2003.

Словник поетичної мови Василя Стуса 2003 — Словник поетичної мови Василя Стуса (рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори) / Уклад. Л. В. Оліфіренко. Київ, 2003.

Терлак 2010 — *Терлак З. М.* Словник мови поетичної збірки Івана Франка «Зів'яле листя». Львів, 2010.

Тимошик 2001 — *Тимошик М.* Передне слово: мова — душа нації. Іван Огієнко (митрополит Іларіон) в обороні української мови // Іван Огієнко (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови. Київ, 2001. С. 5—31.

Титоренко 1961 — *Титоренко Н. А.* Показчик слововживання в «Народних оповіданнях» Марка Вовчка // Доповіді на звітній наук. конф., присвяченій підсумкам наукової роботи за 1960 р. Житомир, 1961. С. 42—43 (Житомир. пед. ін-т).

Федькович 2004 — *Федькович Ю.* Словопоказчик мови творів письменника / Гол. ред. К. М. Лук'янюк. Чернівці, 2004.

Франко 1976—1986 — *Франко Іван.* Зібрання творів у п'ятдесяти томах / Ред. колегія: Є. П. Кирилюк (голова) та ін. Київ, 1976—1986.

Цимбалюк-Скопненко 2010 — *Цимбалюк-Скопненко Т.* Українська авторська лексикографія: здобутки та перспективи // Українська мова. 2010. №2. С. 3—14.

Черторижская 1976а — *Черторижская Т. К.* Инструкция по составлению Словаря языка русских произведений Т. Г. Шевченко // Культура русской речи на Украине. Киев, 1976. С. 341—354.

Черторижская 1976б — *Черторижская Т. К.* Научные основы и принципы составления Словаря языка русских произведений Шевченко // Лексика. Терминология. Стили. Вып. 5. Горький, 1976. С. 160—162.

Черторижская 1989 — *Черторижская Т. К.* Семантико-стилистическая природа художественного слова Т. Г. Шевченко в лексикографической интерпретации // Русское языкознание. Вып. 18. Киев, 1989.

Черторизька 1964а — *Черторизька Т. К.* Про деякі засоби розширення семантики і меж стилістичного вживання слова у Шевченка (за матеріалами «Словника мови Шевченка») // Джерела мовної майстерності Шевченка. Київ, 1964. С. 99—115.

Черторизька 1964б — *Черторизька Т. К.* Словник мови творів Т. Г. Шевченка // Закономірності розвитку національних мов у зв'язку з розвитком соціалістичних націй. Київ, 1964. С. 42—46.

Шевельов 2009 — *Шевельов Ю.* Критика поетичним словом: Молодий Шевченко визначає своє місце в історії літератури та дещо про «білі плями» // Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 книгах. Кн. II: Літературознавство. 2-ге вид. Київ, 2009. С. 107—108.

Шевельов 2009 — *Шевельов Ю.* Прологомени до вивчення мови та стилю Григорія Сковороди // Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 книгах. Кн. I: Мовознавство. 2-ге вид. Київ, 2009. С. 511—566.

Шевченко 1949—1963 — *Шевченко Т.* Повне зібрання творів у 10 тт. 2-е доп. и виправ. вид. Київ, 1949—1963.

P. Bukharkin. “The Dictionary of Shevchenko’s Language” and some problems of Ukrainian author’s lexicography

The article considers the major trends in the development of the author's lexicography in Ukraine in the second half of the 20th — the beginning of

the 21st century. It describes the main peculiarities of the dictionaries of the writers' language which were compiled by Ukrainian scholars, gives characteristics of the metalanguage of some basic types of these dictionaries and analyzes "The Dictionary of Shevchenko's Language" (1964) against the background of its prehistory and in the context of the essential problems of Ukrainian social and scientific thinking.

Т. Е. Аникина*, Н. В. Сивенкова**

Последователи и предшественники Л. В. Щербы

Ключевые слова: авторская лексикография, переводной словарь, Л. В. Щерба, Н. Вапцаров, петербургская (ленинградская) лексикографическая школа.

Л. В. Щерба высказал идею о необходимости создания толковых иностранных словарей на языке учащихся. Первым словарем подобного типа стал двуязычный словарь языка болгарского поэта Николы Вапцарова, работа над которым ведется в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ. Метаязыковые сведения даются в этом словаре на русском языке. Кроме того, в статье рассматриваются русско-французские словари В. Е. Каменского и А. П. Редькина, которые, возможно, легли в основу концепции Л. В. Щербы.

Около ста лет тому назад Л. В. Щерба высказал идею о необходимости создания толковых иностранных словарей на языке учащихся. Сам Щерба свою идею, к сожалению, не осуществил:

«Поскольку это моя идея и поскольку я давно ясно вижу пути ее осуществления, я должен был бы взять на себя почин в этом деле. К сожалению, другие не менее неотложные научные задачи мешают мне пока приступить к нему» [Щерба 1974: 301].

* Татьяна Евгеньевна Аникина, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии СПбГУ, редактор «Чешско-русского толкового словаря к трилогии М. Пуймановой». Электронная почта: anikina.tatiana@mail.ru.

** Наталья Владимировна Сивенкова, старший преподаватель кафедры славянской филологии СПбГУ, один из составителей «Словаря поэзии Николы Вапцарова». Электронная почта: n.sivenkova@gmail.com.

Однако по инициативе Б. А. Ларина в Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета Ленинградского университета в пятидесятые годы прошлого века его ученики начали работу над созданием двуязычных толковых словарей языка писателя, которые стали лексикографическим продолжением идей Л. В. Щербы. Первый из них — «Словарь поэзии Николы Вапцарова» с приложением в виде частотного словаря [ЧРВП 1996]. Коллективом авторов словаря были восприняты и внедрены в практику многие положения и методы лексикографического описания идиостиля писателя, активно используемые ленинградской лексикографической школой [Шанова 2016], в том числе авторами других словарей, разработывавшихся в те же годы в Межкафедральном словарном кабинете, в первую очередь, авторами «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» [САТГ 1974—1990]. Параллельно с работой над «Словарем поэзии Николы Вапцарова» была начата работа еще над рядом двуязычных авторских словарей, в частности над «Словарем трилогии М. Пуймановой» [Аникина 2015], и другими [Очерки 1981]. Таким образом, несмотря на свою уникальность и некоторую экспериментальность, Словарь не изолирован от научного контекста, а вписан в единую концепцию ленинградской и Санкт-петербургской лексикографии.

Долгие годы коллектив болгаристов, исследовавших язык Николы Вапцарова, возглавляла Галина Валентиновна Крылова — доцент кафедры славянской филологии СПбГУ, почетный доктор Пловдивского университета, прекрасный человек и талантливый педагог, воспитавший не одно поколение славистов в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете. До ее кончины работа над словарем не прекращалась, и еженедельные заседания в Межкафедральном словарном кабинете стали исполнять роль не только своеобразного лексикографического семинара, где обсуждались трудности болгарского языка из числа тех, что не всегда выявляются при обыденном, идущем строго в соответствии с программой, преподавании языкового курса, но и хорошей лексикографической школы для сту-

дентов и магистрантов. «Словарь поэзии Николы Вапцарова» важен и значим и как справочное издание, заполняющее лакуны, неизбежные при переводе с использованием обычных переводных и толковых словарей, и как творческое научно-лексикографическое исследование языка и стиля болгарского поэта.

Словарь имеет особый формат — это двуязычное издание, в котором исходный материал (заголовочные слова, словоформы и иллюстрации) приводится на болгарском языке, а толкование значений, фиксация стилистических особенностей употребления слова, наличие авторских трансформаций общеупотребительной лексики и фразеологии и т. д. осуществляется на русском языке. Таким образом реализуется идея Щербы о «толковом словаре на языке учащихся». Связано это с тем, что словарь адресован прежде всего русскоязычному читателю, возможно, еще недостаточно хорошо овладевшему болгарским языком. «Словарь поэзии Николы Вапцарова» может быть полезно всем, кто заинтересован в изучении стилистики (от частных вопросов стилистики болгарского языка до теории стиля).

Все словоформы, извлеченные из текста, анализируются, при этом для толкования выбирается контекстуально-обусловленное значение. Г. В. Крылова отмечает такие нюансы:

«Лексикографическое описание каждого словоупотребления позволило выявить такую особенность идиостиля Вапцарова, как многообразие авторских семантических трансформаций, источником которых являются обновления контекстных связей слов, “не скованных” общезыковыми правилами. Поэтические штампы всегда были чужды поэту. Например, “*парфюмни слова*”, “*саксафонена мъгла*”, “*плитка лицемерност*”, оксюморонное сочетание “*оглупяла мъдрост*” и др. В результате подобных трансформаций слова получают экспрессивно-эмоциональную окраску и тем самым увеличивают эстетическую ценность <...> В толковых словарях такие словосочетания, как правило, не отражаются» [Крылова 2010: 4].

В ходе многолетней работы над словарем собрана большая картотека (общий объем корпуса словаря — 2541 лексема,

10748 употреблений), ранее это были рукописные карточки (для некоторых лексем стопки карточек состоят из нескольких сотен карточек), в начале XXI века коллектив приступил к переводу карточек в электронный формат. Однако следует отметить, что автоматизация ускорила лишь первичную техническую обработку материала. К сожалению, средств для автоматизации выявления семантики, а уж тем более, трансформаций фразеологизмов и паремий, обнаружение наличия второго плана, оживления исходного значения слова, выявления сложных образных поэтических систем, в которых одновременно присутствуют метафоры, олицетворения, окказионализмы и т. д., нет. Это по-прежнему тяжелая лексикографическая работа, требующая не только знаний лексики и фразеологии, но и лингвистической интуиции, умения увидеть особенности образного восприятия Н. Вапцаровым окружающей его действительности. Такая работа трудоемка и не может быть выполнена быстро (в отличие, например, от работы по составлению конкорданса), поскольку ни одна лексема не должна быть оставлена без внимания:

«При лексикографическом методе изучения стиля языка писателя только полные словари могут дать ему исчерпывающую характеристику — такова принципиальная позиция лексикографов школы Б. А. Ларина» [Крылова 1998: 3].

Это принципиальное отличие «Словаря поэзии Николы Вапцарова» от других словарей. Некоторые лексикографы считают такую полноту охвата избыточной и не существенной для словаря в целом, рекомендуют отказаться от тезиса об «исчерпывающей характеристике» в пользу дифференцированного подхода и создания словарей, которые отражали бы наиболее выразительные словоупотребления, не представленные в традиционных толковых словарях. Но составители «Словаря поэзии Николы Вапцарова» уверены в том, что не проводя предварительный анализ каждой лексемы невозможно указать, «существенна» она или второстепенна. Например, слова *надувам* ('надувать'), *прегракнал* ('охрипший'), *гърло* ('горло') вполне могут быть истолкованы с

использованием обычных двуязычных болгарско-русских словарей или болгарского толкового словаря любого издания. При дифференцированном подходе они не были бы зафиксированы в «Словаре поэзии Николы Вапцарова». Тогда образ [*заводские*] *сирены надувают свои охрипшие горла, [созывая рабочих на завод]* был бы не описан, хотя в нем скрыт трансформированный фразеологизм (*надувам гърло* 'орать во всю глотку, громко кричать'), и этот фразеологизм применим лишь к одушевленным объектам, таким образом именно через олицетворение, создаваемое фразеологизмом, в сочетании с метафорой, построенной на уподоблении трубы, издающей громкий звук, и горла человека, создается сложный образ «живого завода» (обратим внимание на то, что «охрипшие» — эпитет, не характерный для неживых предметов, именно этот эпитет оживляет фразеологизм, обновляет его, актуализуя первоначальные значения слов, входящих в состав фразеологической единицы). Уподобленная человеку, понимающая и сочувствующая человеку техника — одно из ключевых понятий сборника стихотворений «Моторни песни» («Песни мотора») — единственного сборника стихов Николы Вапцарова. Дифференцированный подход привел бы к результату, сильно отличающемуся от предполагаемого: вместо научного описания стиля получился бы сборник диковинок. Обратим внимание на то, что для исследования языка прозаика дифференциация вполне допустима, ибо в прозаическом тексте число бытовых употреблений лексики основного фонда неизмеримо больше. В поэтическом тексте (особенно, если это текст великого поэта) «привычных» слов практически не бывает: объем поэтического текста слишком мал, чтобы позволить роскошь обыденности.

Одной из самых сложных задач при интерпретации образной системы поэзии Вапцарова является определение границ образности. Как очертить список слов, формирующих образ? На основе каких критериев определять, входит ли слово в контекст, рождающий яркую метафору, или просто расположено рядом, но не связано с образными средствами? Составители словаря обращают внимание на такие нюансы, поэтому в словаре предусмотрены

пометы «образно», «в образном выражении», «в образном сопоставлении», «в образном контексте» и др. Различаются и пометы, используемые при наличии олицетворения: «олицетв.», «в олицетв.», «перен. (в олицетв.)», «в контексте олицетв.». Однако опыт работы показывает, что список помет, используемых со времен публикации первого выпуска, может быть дополнен.

Например, причастия в болгарском языке имеют свои особенности употребления. В поэзии Вапцарова немало страдательных причастий, в том числе образованных от возвратных глаголов, при этом они могут входить в насыщенный образами контекст: ср. словарные статьи для причастия *объркан* и для глагола *объркам се*. Объединение этих слов в единую словарную статью нежелательно, хотя и возможно с оговоркой наличия контаминации обоих значений глагола *объркам се*. При этом надо учитывать наличие в языке не вошедшего в словарь Вапцарова слова *объркам* ('перевернуть', 'помешать', 'нарушить планы' и др.), семантика которого также ощущается в словосочетании *объркан свет*. В связи с этим иногда представляется целесообразным выводить форму причастия как заголовочное слово, хотя это и не является нормой для российской лексикографии. Однако для многих слов, в том числе субстантивированных причастий такой подход оправдан. Приведенное выше причастие *объркан* в данном контексте более тяготеет к статусу прилагательного, нежели глагола.

Традиционно в Словаре обращается внимание на авторские неологизмы, например, *огняроинтелигентска* ('кочегароинтелигентская') или *огненометежна* ('огненнометежная'), для которых, к сожалению, формат словаря мал. Например, первое из вышеупомянутых слов использовано в названии стихотворения — это эллипсис (вместо «Огняроинтелигентска песен»). Восстановление пропущенного слова *песен* (а употребление субстантивированного прилагательного в женском роде указывает на то, что опущено именно оно) заслуживает указания на то, что Н. Вапцаров избегал использования слова стихотворение для наименования своих произведений: свои стихотворения он на-

зывает песнями, и в целом сборник называется «*Песни мотора*» (под «мотором» понимается самолет): *Романтиката е сега в моторите, / които пеят / по небето синьо. / И неразбрали тази песен горда / напразно / мръщите / чела* [Вапцаров 1969: 28]. Таким образом, отталкиваясь от окказионализма *кочегароинтелигентска*, мы выходим на понимание ключевых доминант творчества Вапцарова: живая «поющая» техника, олицетворяющая прогресс, должна облегчить жизнь человека и сделать ее прекрасной. Себя поэт воспринимает как *кочегаро-интелигента* (намек на автобиографию). Но пишет не о себе, а о новом типе человека, о тех рабочих, которые в обеденный перерыв читают Пушкина, близко к сердцу принимают смерть Горького, воспринимают фальшь голливудских мелодрам как оскорбление (*Стига! / Къде е тука нашата съдба? / Къде е драмата? / Къде съм аз? Кажете!?* / *В гърдите ни опрян е за стрелба / на времето барутно пистолета. / Та може ли да любим / и скърбим / с наивната ви лековерност? / Гърдите ни са пълни с дим, / а дробовете ни — с каверни* [Вапцаров 1969: 120]). Все это лежит в глубинах семантики слова *кочегароинтелигентска*.

Н. Вапцаров писал: *Сънно тракат / релсите във мрака. / От умора / ставите болят. / Някой би въздъхнал: / «Не очаквам. . .» / Не! Очаквам! / Чака ме светът. / Зная своето място / във живота / и напразно / няма да се дам. / Честно ще умра като / работник / в боя ни / за хляб и свобода* [Вапцаров 1969: 55]. К сожалению, пророчество поэта сбылось — «в бою за хлеб и свободу» поэт погиб: был расстрелян в июле 1942 года. Последнее его стихотворение «Борбата е безмилостно жестока» [Вапцаров 1969: 139] датировано 14 ч. 23. VII. 1942 г. — написано оно перед казнью. Но творчество поэта до сих пор востребовано. Поэзия Николы Вапцарова, безусловно, заслуживает глубокого изучения, в том числе научно-лексикографического описания его стиля. В планах составителей словаря намечена публикация оставшихся выпусков (четвертый том составлен, проходит предпечатную подготовку, над пятым — последним — ведется работа), а также перевод словаря в электронную форму. Благодаря словарю даже аутентичный

болгарский текст сборника «Моторни песни» болгарского поэта Николы Вапцарова станет более понятным и доступным для русскоязычного читателя.

Двуязычный объяснительный словарь объединяет в себе словарь авторский и словарь толковый и является глубоким исследованием творчества писателя и его мировоззрения, а также национального языка. По своему предназначению такой словарь позволяет сравнить два языка, две ментальности, две культуры.

* * *

Идея создания толково-переводного словаря «на языке учащихся» свидетельствует о том, что в свое время создание такого рода словарей вытекало из потребностей преподавания иностранных языков, которому Л. В. Щерба уделял большое внимание. Следует заметить, что у ученого были предшественники. Сам ход развития двуязычной лексикографии в начале XX подводил к этой мысли. Два французско-русских словаря, появившихся в 1900-е годы, каждый по-своему, реализовывали данную идею.

Во-первых, это «Французско-русский словарь, составленный по диксионеру Larouss'a» инженером путей сообщения В. Е. Каменским и изданный в Петербурге в 1900 году. [Каменский 1900]. Словарь появился как следствие размышлений автора о способе преподавания иностранных языков, описанном им в предисловии к словарю, которое носит название «Способ пользования словарем», а по сути является изложением методики изучения французского языка, созданной автором. Каменский сравнивает путь освоения чужого языка с деятельностью ребенка, который учится говорить на родном языке, и делает первые шаги в постижении окружающего мира:

«<...> Раньше ознакомления со звуками, в его голове идет деятельная работа по ознакомлению со внешними признаками называемого каким-либо словом предмета, действия или состояния» [Каменский 1900: III].

Заметим, что похожую мысль высказывал и Щерба в статье «Как изучение языка иностранного может помочь осознанию родного языка» в книге «Преподавание иностранных языков в средней школе»:

«При изучении иностранного языка приходится усваивать себе не только новую звуковую форму слов, но и новую систему понятий, лежащую в их основе» [Щерба 2001].

И далее:

«<...> Обучаясь им <иностранному языку — Т. А.>, мы скоро убеждаемся, что действительность в разных языках представлена по-разному: каждое новое иностранное слово заставляет нас вдумываться в то, что кроется за ним и за соответственным русским словом, заставляет вдумываться в самое существо человеческой мысли» [Там же].

Словарная статья словаря Каменского выглядит следующим образом — в левом столбце приводится французская часть:

Jeu n. m. Divertissement, récréation; ce qui sert à jouer à certains jeux; manière de toucher les instruments; manière de jouer d'un acteur; aisance, facilité de se mouvoir.

После заголовочного слова следует грамматическая характеристика слова, затем, приводятся толкования слов, к которым автор словаря добавил переводы заголовочного слова, разместив это в правом столбце.

Первоначально приводится то, что Л. В. Щерба потом называет «упрощающий толкование перевод»¹: *развлечение, увеселение*; затем добавляется перевод заголовочного слова *игра* — тем самым выстраивается синонимический ряд: *развлечение, увеселение, игра*. Далее следуют толкования заголовочного слова в других значениях: *то, что служит для играния в некоторые игры; манера играть на инструментах*, т. е. музыкальная игра;

¹ «Радикальным решением вопроса явилось бы <...> создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит познанию настоящей природы иностранного слова... Но этот тип словаря еще надо выработать <...>» [Щерба 1974: 301].

актерская манера играть, т. е. сценическая игра; легкость передвижения.

Jeu n. m. Divertissement, récréation; ce qui sert à jouer à certains jeux; manière de toucher les instruments; manière de jouer d'un acteur; aisance, facilité de se mouvoir.	Развлечение, увеселение; игра т.е. то, что служит для игранья в некоторые игры; манера играть на инструментах т. е. музыкальная игра; актерская манера играть, т. е. сценическая игра; легкость передвижения.
---	---

В 1906 году увидел свет другой французско-русский словарь — словарь А. П. Редкина — «Французско-русский словарь с показанием произношения французских слов по лексиконам Закса и Виллата, Ларусса, Darmesteter et Hatzfeld и др.» (СПб., Типография Товарищества «Общественная польза»). Словарь также содержит элементы толкового словаря [Редкин 1906].

Приведем словарную статью из словаря Редкина на слово *anonyme*.

Anonyme — (~ НГМ) [греч.] I а. анонимный, безымянный, без подписи фамилии; *особ.* Société ~ f. торговая, акционерская компания, в фирме которой не значится ни одной фамилии ее участников.

II s. m. 1. автор, фамилия которого остается не названною. 2. сочинение без фамилии автора. 3. анонимность (тайна относительно имени).

После заголовочного слова в скобках, как заявлено в названии словаря, своеобразным образом приводится произношение слова в русской транскрипции. Затем приводятся сведения о том, из какого языка слово заимствовано во французский. Далее в словаре дается перевод слова на русский язык, а затем, что важно, толкование его значений, оттенков значений и словосочетаний. Таким образом словарь Редкина близко соотносится к реализации щербовской идеи.

Проблема двуязычных словарей интересовала Л. В. Щербу:

«<...> Переводные словари впредь до создания нового типа словаря остаются все же нашим *malum necessarium*, недостатки которого надо стараться смягчить разными паллиативами, что может в конце концов окольными путями привести к созданию того типа иностранного словаря, который мне рисуется как идеал» [Щерба 1974: 301].

«Окольными путями» к созданию «толкового словаря на языке учащихся» пришли в Македонии, где был создан толковый словарь македонского языка с толкованиями на сербохорватском языке [ИМЈ 1961—1966]. В шестидесятые годы двадцатого века Македония входила в состав Социалистической федеративной республики Югославия с государственным сербохорватским языком. Данным фактом и объясняется создание такого рода словаря: словарь македонского языка был создан на государственном языке СФРЮ. Таким образом осуществлялась попытка объяснения македонского языка через государственный язык, обязательный для всего населения Югославии:

академија -ии f *akademija*. 1. (највисока установа за наука и уметност) академија на науките *akademija nauka*. 2. (школа) воена академија *vojna akademija*; трговска академија *trgovačka akademija*. 3. (свечена приредба) свечена академија *svečana akademija* [ИМЈ 1961: 1, 7].

В 1991 году была провозглашена независимая республика Македония, в которой македонский язык приобрел статус государственного. Почти сразу началась работа по составлению толкового словаря македонского языка.

Приведем словарную статью из современного толкового словаря македонского языка:

академија, мн. академии ж. 1. Назив на највисока научна или уметничка установа. *Македонска академија на науките и уметностите. Француска академија на науките*. 2. Назив за некоја школа во ранг на факултет или средно стручно училиш-

те. *Музичка академија. Ликовна академија. Воена академија.* 3. Свечена приредба по повод некој важен настан. *Беше одржана свечена академија по повод четирисетгодишнината од смртта на поетот. II академски, академскиот прид. Академски одбор* [ИМЈ 2003—2009: 1, 20].

Вернемся к мысли Щербы о необходимости в двуязычных словарях не просто переводить иностранное слово, но давать ему развернутое толкование на своем языке:

«Однако опыт показывает, что, не имея термина для сравнения, очень трудно осознавать значения слов и категорий родного языка. Очень просто и естественно подобный термин для сравнения дает второй, т. е. иностранный, язык. Здесь и лежало прежде всего общеобразовательное значение латыни» [Щерба 2001].

Латынь, к сожалению, ушла из школьных программ. Отвечая вызовам времени, лексикография XXI века, опираясь на опыт предшественников, реализует лучшие идеи русских ученых, продиктованные заботой об отечественной культуре.

Библиография

Словари

Каменский 1900 — *Каменский В. Е.* Французско-русский словарь, составленный по диксионеру Larouss'a. СПб., 1900.

Редкин 1906 — *Редкин А. П.* Французско-русский словарь с показанием произношения французских слов по лексиконам Зака и Виллата, Ларусса, Darmesteter et Hatzfeld и др. СПб., 1906.

САТГ 1974—1990 — Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках с приложением Словаря имен собственных / Отв. ред. Л. С. Ковтун. Л., 1974—1990.

ЧВРП 1996 — Честотен речник на Вапцаровата поезия / Авторски колектив: Г. В. Крилова, А. А. Азарова, Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова, М. Ю. Котова. Велико Търново, 1996.

ИМЈ 1961—1966 — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања Т. I—III. Скопје, 1961—1966.

ИМЈ 2003 — Толковен речник на македонскиот јазик Т. I—IV. Скопје, 2003—2008.

Научная литература

Аникина 2012 — *Аникина Т. Е.* Лексикографический метод анализа художественного текста. СПб., 2012.

Аникина 2015 — *Аникина Т. Е.* Двуязычная авторская лексикография: словарь трилогии Марии Пуймановой // Материалы мета-языкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год. СПб., 2015. С. 109—124.

Вапцаров 1969 — *Вапцаров Н.* Съчинения. София, 1969.

Крылова 1998 — *Крылова Г. В.* Предисловие к первому выпуску Словаря поэзии Николы Вапцарова // Словарь поэзии Николы Вапцарова: Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып. 1. А — дъщеря / Отв. ред. Г. В. Крылова. СПб., 1998.

Крылова 2010 — *Крылова Г. В.* Предисловие к третьему выпуску Словаря поэзии Николы Вапцарова // Словарь поэзии Николы Вапцарова: Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып. 3. Магичен — пламък / Отв. ред. Г. В. Крылова. СПб., 2010.

Ларин 1974 — *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Очерки 1981 — Очерки лексикографии языка писателя (двуязычные словари) / Отв. ред. А. В. Федоров. Л., 1981.

Шанова 2016 — *Шанова З. К.* Двуязычный словарь поэзии Н. Вапцарова как реализация идей Б. А. Ларина // XXI Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции 14—21 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 67—74.

Щерба 2001 — *Щерба Л. В.* Как изучение иностранного языка может помочь осознанию родного языка. Из книги «Преподавание иностранных языков в средней школе» // Русский язык. 2001. № 13. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200101308>.

Щерба 1974 — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265—304.

T. Anikina, N. Sivenkova. Scherba's followers and predecessors

L. Scherba paid attention to the necessity of making bilingual explanatory dictionaries. The article presents the examples of such dictionaries which appeared in Russia in 20th — 21st century.

Н. В. Карева*

Французские словари синонимов, эпитетов и поэтического языка (конец XVII — первая половина XIX вв.)¹

Ключевые слова: французская лексикография, словари синонимов, словари эпитетов, словари поэтического языка, авторская лексикография

Работа посвящена лексикографическим проектам эпохи классицизма и неоклассицизма — французским словарям, создававшимся с целью предоставить материалы, необходимые для создания художественного текста.² Словари синонимов, эпитетов, общих мест, словари, показы-

* Наталия Владимировна Карева, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: natasha.titova@gmail.com.

¹ Материалы статьи впервые были представлены на докладах на метаязыковом семинаре ИЛИ РАН (29 марта 2016 г.) и семинаре «Теория и практика авторской лексикографии» ИРЯ РАН (20 декабря 2016 г.).

² Так, например, Жан-Франсуа Ноэль (Jean-François Noël, 1756—1844), французский лексикограф, чиновник и политический деятель [Dictionnaire des Protéés modernes 1815: 202—204; Rey 2011: 726—727], в предисловии к латинско-французскому словарю поэтического языка «Gradus ad Parnassum, ou Nouveau Dictionnaire Poétique Latin-Français» (1-е изд.: Paris, 1808) так говорит о задачах своей работы: «Fidèle à notre but comme à notre titre, nous avons eu principalement en vue de fournir aux élèves tous les matériaux qui leur sont nécessaires pour composer une œuvre poétique; nous nous sommes mis constamment à leur place, en présence des besoins qu'ils éprouvent, des difficultés qu'ils rencontrent, et nous avons essayé de leur offrir dans cet ouvrage toutes les ressources propres à seconder les efforts de leur imagination, à former leur goût, et à donner à leur style poétique la correction, l'élégance et l'harmonie» [Noël 1826: VIII] («Верные цели и названию нашей книги, мы ставили перед собой задачу предоставить учащимся все необходимые для создания поэтического произведения материалы; мы ставили себя на место учащихся, и, имея в виду испытываемые ими нужды и стоящие перед ними задачи, постарались предоставить им в словаре ресурсы, которые могли бы поддержать усилия их

вающие функционирование лексем в литературной традиции и дающие образцы для подражания, были очень популярны в XVIII — первой трети XIX века и использовались как школьниками, так и литераторами. Однако в 1830-е годы с приходом во Францию эпохи романтизма концепция литературного творчества изменилась. Если ранее наличие хороших словарей, соблюдение содержащихся в них рекомендаций должно было, в теории, обеспечить автору успех его произведения, то начиная с 1840-х годов лексикография и литературное творчество перестают рассматриваться как практики, тесно друг с другом связанные. В литературном произведении начинает цениться оригинальность, а авторы словарей поэтического языка более не стремятся дать образцы литературной нормы, но стараются показать все возможные варианты ее реализации. Так, начиная с 1830—1840-х годов нормативные словари литературного языка постепенно вытесняются словарями языка писателя — жанром, расцвет которого приходится во Франции на последнюю треть XIX века.

Словари синонимов и эпитетов получили распространение во Франции, начиная с эпохи Возрождения. Они создавались сначала на латинском, позже — на французском материале и широко использовались в школьном обучении. Стендаль в автобиографической повести «*Vie de Henry Brulard*» («Жизнь Анри Брюлар») вспоминает, как на уроках латыни он, сочиняя стихи, искал необходимые прилагательные в словаре:

«J'étais arrivé à cette époque incroyable de sottise où l'on fait faire des vers à l'écolier latin (on veut essayer s'il a le génie poétique), et de cette époque date mon horreur pour les vers. Même Racine, qui me semble très éloquent, je trouve force *chevilles*.

Pour développer chez moi le génie poétique, M. Durand apporta un grand in-12 dont la reliure noire était horriblement grasse et sale.

Ce volume contenait le poème d'un jésuite sur une mouche qui se noie dans une jatte de lait. Tout l'esprit était fondé sur l'antithèse produite par la blancheur du lait et noirceur du corps de la mouche,

воображения, сформировать вкус и придать поэтическому стилю правильность, элегантность и гармоничность», *здесь и далее перевод наш — Н. К.*

la douceur qu'elle cherchait dans le lait et l'amertume de la mort. On me dictait ces vers en supprimant des épithètes, par exemple :

Musca (epit.) duxerit annos (ep.) multos (synonyme).

J'ouvrais le *Gradus ad Parnassum*, je lisais toutes les épithètes de la mouche : *volucris, acris, nigra*, et je choisissais, pour faire la mesure de mes hexamètres et de mes pentamètres, *nigra*, par exemple, pour *musca, felices* pour *annos*. La saleté du livre et la platitude des idées me donnèrent un tel dégoût que régulièrement, tous les jours, vers les deux heures, c'était mon grand-père qui faisait mes vers en ayant l'air de m'aider»³ [Stendhal 2015: 124—125].

Стендаль имеет в виду «*Gradus ad Parnassum*» — распространенный тип латинских словарей. В XVII веке и вплоть до конца XVIII века был популярен словарь «*Novus synonymorum, epithetorum et phrasium, seu elegantiarum poeticarum thesaurus, sive Gradus ad Parnassum*» Пьера де Шастийона⁴ выдержавший

³ «Я достиг той невероятно глупой стадии воспитания, когда школьника-латиниста заставляют писать стихи (желая испытать, есть ли у него поэтический талант), и отсюда ведет начало мое отвращение к стихам. Даже у Расина, который, по-моему, очень красноречив, я нахожу множество затыхек.

Чтобы развить во мне поэтический талант, Дюран принес большой том in-12, черный переплет которого был отвратительно засален и грязен...

Том этот содержал поэму одного иезуита о мухе, утонувшей в миске молока. Вся соль состояла в противопоставлении белизны молока и черноты тела мухи, сладости, которой она искала в молоке, и горечи смерти. Мне диктовали эти стихи, опуская эпитеты, например:

Musca (эпит.) duxerit annos (эп.) multos (синоним).

Я открывал «*Gradus ad Parnassum*», прочитывал все эпитеты мухи *volucris, avis, nigra* и, чтобы подогнать под размер моих гекзаметров и пентаметров, выбирал, например, *nigra* для *musca, felices* для *annos*.

Грязный вид книги и пошлость мысли внушили мне такое отвращение, что регулярно каждый день в два часа дед писал стихи за меня, делая вид, что помогает мне» [Стендаль 1959: 13, 99—100].

⁴ Пьер Жюле де Шастийон (Pierre Joulet Sieur de Chastillon или Chatillon, 1545—1621) — священник-иезуит, латинист и лексикограф [Encyclopaedia Britannica 1910: 192].

на протяжении двух веков более тридцати переизданий. А сборники латинских эпитетов и синонимов издавались в Европе начиная с XVI века: в начале 1500-х годов вышли сочинения Жана де Гарланда⁵ «Synonyma» и «Equivoca»; около 1515 года было опубликовано сочинение Ги де Фонтеня⁶ «Guidonis de Fontenayo bituricensis... conducibilium apprime synonymorum et ad communem sermonum usum accommodatissimorum liber», а в 1563 году — «Ciceroniana epitheta, antitheta, & adiuncta» Орацио Тусканелла⁷ [Leclercq 2006: 113—114].

Однако словари подобного типа создавались не только на материале латинского языка и античной поэзии. В 1571 году в Париже вышел французский словарь эпитетов М. де ла Порта⁸ «Les épithètes de M. de la Porte parisien. Livre non seulement utile à ceux qui font profession de la Poësie, mais fort propre pour illustrer toute autre composition Française» [La Porte 1612; La Porte 2009], а в 1645 году вышел словарь «Synonymes et épithètes françaises. Recueillies & disposées selon l'ordre de l'Alphabet» А. Монтмерана⁹ — он предназначался всем тем, кто «сочиняет в прозе или поэзии», ибо «один из самых главных недостатков, которые можно допустить в речи, это <...> повторить слово»¹⁰ [Montmérán 1645: préface].

⁵ Жан де Гарланд (Jean de Garlande, также Gerlandus или Hortulanus, ок. 1190 — ок. 1252) — французский филолог и поэт; преподавал в университетах Парижа и Тулузы. Известен благодаря поэме «De triumphis ecclesiae», а также благодаря лексикографическим и грамматическим сочинениям, в том числе, латинскому словарю «Dictionarius» [Scheler 1867].

⁶ Ги де Фонтеней (Guy de Fontenay, род. ок. 1486) — каноник в Невере, профессор в университете Буржа.

⁷ Орацио Тосканелла (Orazio Toscanella, ок. 1520 — ок. 1579?) — итальянский поэт, переводчик с латыни, преподаватель.

⁸ Морис де ла Порт (Maurice de la Porte, 1531—1571) — французский издатель и лексикограф.

⁹ Антуан де Монмеран (Antoine de Montmérán) — французский адвокат, лексикограф.

¹⁰ «Un des plus grands défauts que l'on puisse commettre dans un discours est sans doute de redire un même mot; et au contraire rien ne donne plus de grâce &

Кроме списков синонимов и эпитетов, словари де ла Порта и Монтмерана содержали сведения об этимологии, давали комментарии, касающиеся мифологических персонажей, и определения некоторых терминов. См., например, статьи *aethiopiens* и *Charle IX* из словаря ««Les épithètes» де ла Порта:

АЭТНЮПИЕНС. *Noirs, barbares, cuits, lippus, sauuages, brutaus, mores, sanguinaires, affreus, bruslez, monstrueus, nuds, hideus.*

Les Aetheopiens sont ainsi appelez à cause du Prince Aethiops, fils du Vulcan, qui a esté leur gouuerneur. Ce sont gens tous contrefaits & difformes pour la chaleur du soleil qui est fort vehemente en leur país, auquel ils viuet quasi brutalement, & ne passent jamais l'aage de 40 ans. Ils abondent en Ebene, ils chassent aux Elephans, & les mangent. Ils ont aussi Lions, Rhinoceres, Basiliques, Leopards, Dragons, & plusieurs autres bestes dangereuses & mostrueuses [La Porte 1612: 7].

CHARLE 9. à present Roi de France. *Père du peuple, Iosias françois, pieteus, auguste, liberal, iuste ou iusticier, constant, race charlaide, souuerain pasteur de France, courageus, magnanime, redouté, second Daud, guerrier, facond, Vallois Alexandre, miroir de Saint Louis.*

L'immuable affection de nostre trespuissant & tresmagnanime Roi de France enuers la religion chretienne, & les politicques ordonnances pour le soulagement de son peuple, lui ont richement emperlé la couronne de Pieté & de iustice. <...> Dauantage ma langue ne sçauroit exprimer, ni ma plume d'escire sa liberalité roiale, de laquelle iournellement il recompense ses fideles seruiteurs & faourise des hommes d'estude. Lesquels par le benifice des Muses, ont puissance malgré l'iniure des siecles, & la dure contrainte de la mort, lui perpetuer sa mémoire, & comme celui duquel il porte le nom & enfuit la sainteté, le faire eternellement reuiure [La Porte 1612: 54].

d'agrément au langage qu'un épithète bien convenable. (...) pour la commodité de ceux qui composent en nostre langue des livres, des Harangues & autres discours, en prose ou en vers» [Montmérán 1645: préface].

В XVII — начале XVIII века дебаты об эпитетах и синонимах, их роли в художественном тексте велись в рамках «спора Древних и Новых» [Petrequin 2009]. В 1600 году в работе «Commentaire sur Desportes» Франсуа де Малерб¹¹ выступил против использования застывших синонимических коллокаций, свойственных барочной поэзии, и разработал методы семантического разграничения близких по значению слов [Brunot 1891]. Ему возразил Клод де Вожла¹² в работе «Remarques sur la langue française», напомнив, что прием *copia verborum* — практика использования эпитетов, синонимов и длинных периодов — был свойственен античной литературе, остающейся непревзойденным образцом словесности. К позиции Малерба примкнул Доминик Буур¹³, утверждавший, что, в отличие от латыни и греческого, краткость (*brièveté*) является основным качеством французского языка. Позицию, снимающую разногласия между «древними» и «новыми» в отношении синонимов, высказал Жиль Менаж¹⁴ в работе «Observations de M. Ménage sur la langue françoise» (1676). Он показал, что в сино-

¹¹ Франсуа де Малерб (François de Malherbe, 1555—1628) — французский поэт. Малерб считается реформатором французского стиха и провозвестником эстетики классицизма; в частности, он требовал ясности, точности, виртуозности стиха и выступал против частого использования затемняющих смысл цезур и анжабеманов.

¹² Клод Фавр де Вожла (Claude Favre de Vaugelas, 1585—1650) — французский грамматист и лексикограф, один из первых членов Французской академии, законодатель французского классицизма в области литературного языка. Вожла наиболее известен благодаря своему сочинению «Remarques sur la langue française» (1647).

¹³ Доминик Буур (Dominique Bouhours, 1628—1702) — священник-иезуит, грамматист, историк и богослов. Труды Буура о языке и стиле оказали значительное влияние на Буало, Ля Брюйера и Расина. Наиболее известны следующие сочинения Буура: «Les Entretiens d’Ariste et d’Eugène» (Paris, 1671), «Doutes sur la langue françoise proposez a Messieurs de l’Académie françoise par un gentilhomme de province» (Paris), «Remarques nouvelles sur la langue française» (Paris, 1675), «Nouvelles remarques sur la langue française» (Paris, 1692)

¹⁴ Жиль Менаж (Gilles Ménage, 1613—1692) — французский поэт, филолог, историк. Как лексикограф известен благодаря этимологическому слова-

нимической коллокации второй эпитет часто дополняет первый, привнося дополнительные оттенки смысла:

«Il [Bouhours] dit dans son livre des *Doutes sur la Langue Françoise, proposez a Messieurs de l’Académie par un Gentilhomme de Province* [...] que cendre & poussière, en cet endroit de la Traduction des Homelistes de S. Jan Chrysostome de M. de Sassy, Quoique les cors après la mort soient réduits en cendre & en poussière est un synonymie vicieux. Je ne suis pas de l’avis de nostre Grammairien. Et tant s’en faut que je trouve dans cette expression un synonyme cendre nous faisant souvenir des cors qui sont brulez, & celui de poussière de ceux qui sont inhumez»¹⁵ [Ménage 1676: 7—9, ch. 3].

Размышления о природе синонимии велись на протяжении всего XVII века, однако первый словарь синонимов появился только в начале XVIII века. В 1718 году было опубликовано лексикографическое сочинение аббата Габриэля Жирара¹⁶ «La Justesse de la langue françoise, ou les Différentes significations des mots qui passent pour synonymes», которое позже было им доработано и переиздано в 1736 году под заглавием «Synonymes françois, leurs significations et le choix qu’il en faut faire pour parler avec justesse».

рю «Origines de la langue françoise» (1650, последующие издания выходили с названием «Dictionnaire etymologique de la langue françoise»).

¹⁵ «Он [Буур] в своей книге «Doutes sur la Langue Françoise, proposez a Messieurs de l’Académie par un Gentilhomme de Province» называет «прах и пыль» (cendre & poussière) в этом месте перевода М. де Сасси проповедей Св. Иоанна Златоуста злоупотреблением синонимией. Я не согласен с мнением нашего грамматиста. Отнюдь: в этом сочетании слово ‘прах’ (cendre) заставляет нас вспомнить о сожженных телах, тогда как слово ‘пыль’ (poussière) заставлет вспомнить о телах погребенных».

¹⁶ Габриэль Жирар (Gabriel Girard, 1677—1748) — французский священник, филолог, переводчик при королевском дворе с русского и старославянского языков. Помимо словаря синонимов, известен как автор неосуществленного проекта реформы французской орфографии «L’Orthographe française sans équivoques et dans ses principes naturels» (1716).

В предисловии к словарю «Synonymes françois» Жирар говорит о неразрывной связи чувств и идей со способами их словесного выражения:

«La délicatesse de l'expression va d'un pas égal avec celle des pensées & des sentiments»¹⁷ [Girard 1736: III].

И далее:

«Des termes foibles n'annoncent pas une imagination vive ni un cœur touché; & des mots impropres ou deplacez paroissent toujours être l'effet de la confusion ou du dérangement des idées. Il faut donc savoir s'exprimer dès qu'on se pique de savoir penser»¹⁸ [Girard 1736: IV—V].

Будучи языком политики, французский язык, по мысли Жирара, дальше других продвинулся по пути совершенствования, превзойдя даже латынь:

«Le François est celui dont la Langue a fait le plus de chemin vers la perfection. ... elle a été choisie ... pour être celle de la politique générale de cette partie du monde; & par conséquent elle est la seule qui ait triomphé de la Latine»¹⁹ [Girard 1736: V].

Страх, что однажды этот прекрасный язык будет забыт, побудил Жирара составить словарь синонимов, которые, по его мнению, составляют истинное «богатство» (*richesse*) французского языка. Под синонимами Жирар понимал слова, объединенные «общей идеей» (*idée commune*) [Girard 1736: VII]. Так как в языке

не существует абсолютных синонимов, Жирар в словаре с помощью определений и примеров старался показать различия между сходными по значению словами. Его словарь написан в свободной форме — это скорее размышления о группах слов, обладающих семантической общностью. См., например, следующую статью:

DOULEUR. MAL

Dans quelque sens qu'on prenne ces mots, le plaisir est toujours l'opposé de la *douleur*, & le bien est du *mal*. Mais ils ne sont proprement synonymes que dans le sens où ils marquent une sorte de sensation disgracieuse qui fait souffrir; & alors la *douleur* dit quelque chose de plus vif, qui s'adresse précisément à la sensibilité; et le *mal* dit quelque chose de plus générique, qui s'adresse également à la sensibilité & à la santé.

La *douleur* est souvent regardée comme l'effet du *mal*, jamais comme la cause. On dit de celle-là qu'elle est aigue; de l'autre qu'il est violent. On dit aussi, par sentence philosophique, que la mort n'est pas un *mal*, mais que la *douleur* en est un [Girard 1736: 143—144].

Словарь Жирара много раз переиздавался; выходили также дополнения к нему. Так, в 1769 году вышло переиздание словаря Жирара с предисловием и правками Николя Бозэ²⁰ [Beauzée 1769], а в 1812 году вышло дополненное издание, подготовленное Жаном-Батистом-Жозефом Леруа де Флажи²¹. Вообще словарь Жирара породил своеобразную моду на словари синонимов [Rey 2011: 473] — неумение найти точное слово воспринималось

¹⁷ «Изыщество выражений идет в ногу с тонкостью мыслей и чувств».

¹⁸ «Слабые выражения не могут сопутствовать ни живому воображению, ни горячему сердцу; и неподходящие или стоящие не в том порядке слова всегда являются результатом спутанности или беспорядка в мыслях. Следовательно, человек должен уметь изъясняться, как только ему приходит в голову помыслить».

¹⁹ «Французский — это тот язык, который далее других продвинулся по дороге, ведущей к совершенству... в этой части света он был выбран языком политики, и, следовательно, единственный, кто превзошел латынь».

²⁰ Николя Бозэ (Nicolas Beauzée, 1717—1789) — грамматист, лексикограф, переводчик, член Французской академии. Автор «Grammaire générale, ou Exposition raisonnée des éléments nécessaires pour servir à l'étude de toutes les langues» (1767) и статей о грамматике в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, которые вместе со статьями Ж.-Ф. Мармонтеля позже вошли в «Dictionnaire de grammaire et de littérature» (1789).

²¹ Жан-Батист-Жозеф Леруа де Флажи (Jean-Baptiste-Joseph Leroy de Flagis, 1735—1824) — французский лексикограф и политический деятель (в 1791—1792 гг. был депутатом Национального законодательного собрания).

как непонимание сущности вещи. «L'ignorance des mots tient a l'ignorance des choses; la parole incertaine et trompeuse produit la confusion et les faux jugements»²² [Diderot et al., 1800: VI], — писали Дидро, Даламбер и Жакур в предисловии к своему словарю синонимов, вышедшему в 1800 году.

В конце XVIII—начале XIX века словари синонимов появляются один за другим. В 1785—1786 годах вышел четырехтомный словарь «Synonymes français» Пьер-Жозеф-Анри Рубо²³. В конце XVIII века над словарем синонимов работал философ Этьен Бонно де Кондильяк²⁴ — рукопись словаря долгое время считалась потерянной и была опубликована лишь в 1951 году [Condillac 2012]. В 1809 году вышел словарь синонимов, подготовленный будущим известным политиком Франсуа Гизо²⁵, — «Nouveau dictionnaire universel des synonymes de la langue française». В 1726 году появился «Dictionnaire synonymique de la langue française» Жан-Шарль Тибо де Лаво²⁶; а в 1841 году был опубликован сло-

²² «Незнание слов приводит к непониманию вещей; невнятная и полная ошибок речь приводит к смущению и ложным суждениям».

²³ Пьер-Жозеф-Андрэ Рубо (Pierre-Joseph-André Roubaud, 1730—1792) — священник, филолог и экономист (физиократ). Известен, в основном, как яростный противник рабовладельческого строя; автор работ «Le politique indien ou considérations sur les colonies des Indes orientales» (1768) и «Histoire générale de l'Asie, de l'Afrique et de l'Amérique» (1771) [Thomson 2003].

²⁴ Этьен Бонно де Кондильяк (Etienne Bonnot de Condillac, 1715—1780) — французский философ (сенсуалист), аббат, член Французской академии

²⁵ Франсуа Гизо (François Guizot, 1787—1874) — французский историк и политический деятель (министр образования, позже — министр иностранных дел, фактически возглавивший французское правительство). Для истории литературы большое значение имеют его работы о Шекспире и Корнеле («Corneille et son temps», «Shakespeare et son temps»).

²⁶ Жан-Шарль Тибо де Лаво (Jean-Charles Thibault de Laveux, 1749—1827) — французский грамматист, лексикограф, историк и переводчик. Автор следующих работ по филологии: «Dictionnaire raisonné des difficultés grammaticales et littéraires de la langue française» (1818), «Cours théorique et pratique de langue et de littérature française (2 vol., 1784—1785)».

варь «Synonymes français» Пьер Бенжамин Лафая²⁷, до настоящего времени являющийся самым полным собранием французских синонимов (его дополненные издания вышли в 1858 и в 1865 годах).

Параллельно с жанром словаря синонимов развивался и жанр словаря эпитетов. Следующий после работ де ла Порта и Монтмерана словарь эпитетов вышел в 1759 году в Лионе — это был словарь эпитетов Луи-Франсуа Дэра²⁸ «Les Epithètes Françaises, rangées sous leurs substantifs, Ouvrage utile aux Poètes, aux Orateurs, aux jeunes gens qui entrent dans la carrière des Sciences, & à tous ceux qui veulent écrire correctement, tant en Vers qu'en Prose». Словарь открывался коротким предисловием, в котором определялось, что такое эпитет и давались краткие рекомендации по употреблению эпитетов:

«L'épithète désigne ce qu'il y a de particulier & de distinctif dans les personnes & dans les choses»²⁹ [Daire 1759: II].

«Elles produisent un ornement sensible dans le style, pourvû qu'elles soient bien ménagées, & qu'on en use avec discrétion, sans émuousser le goût en les multipliant trop»³⁰ [Daire 1759: IX].

²⁷ Пьер Бенжамин Лафай (Pierre Benjamin Lafaye, 1809—1867) — французский филолог и историк философии; преподавал в университетах Парижа, Орлеана, Марселя, впоследствии стал деканом филологического факультета в университете Экс-ан-Прованса.

²⁸ Историк и филолог Луи-Франсуа Дэр (Louis-François Daire, 1713—1792) известен, в основном, благодаря своим работам об истории и культуре отдельных городов: «Histoire de la ville d'Amiens» (1757); «Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville et du doyenné de Mondidier» (1765), «Tableau historique des sciences, des belles-lettres et des arts dans la province de Picardie» (1768); «Histoire civile ecclésiastique et littéraire de la ville et du doyenné d'Encre, aujourd'hui Albert» (1784); «Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville et du doyenné de Doullens» (1784); «Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville et du doyenné de Grandviller» (1784).

²⁹ «Эпитет обозначает то, что есть особенного и отличительного в лицах и вещах».

³⁰ «Они значительно украшают стиль, если только хорошо расположены и их используют с осмотрительностью, так, чтобы умножение синонимов не притупляло бы вкус».

Предисловие заканчивалось признанием автора:

«Une entreprise semblable est aussi ennuyeuse qu'ingrate; mais on doit sacrifier tout à l'utilité public»³¹ [Daire 1759: XIV].

В самом словаре после данных в алфавитном порядке нарицательных и собственных имен приводились эпитеты, данные также в алфавитном порядке. Например:

DIANE. Agile, chaste, sévère [Daire 1759: 125].

LIT. Ample, brodé, conjugal, défait, défoncé, doux, garni, matelassé, mollet, portatif, rembourré, sanglé, serré, tendu, tortueux, tremblant, vaste. Voyez COUCHE [Daire 1759: 247].

Словарь был составлен на материале текстов «наиболее авторитетных писателей» («les écrivains les plus accredités») — Корнеля, Расина, Буало, Кребийона, Руссо, Мольера, Ла Фонтена, Грессе, мадам Дезульер и др. [Daire 1759: X].

В 1817 году Жером-Бальтазар Леве³² издал в Париже доработанное и дополненное издание словаря Дэра «Dictionnaire des épithètes françaises, nouvelle édition revue et considérablement augmentée, précédé d'un traité sur l'emploi des épithètes. Par J.-B. Levéé, docteur ès-lettres, ancien professeur de rhétorique et de littérature latine». Словарю предшествовал обширный трактат об употреблении эпитетов «Traité sur l'emploi des épithètes» [Levéé 1817: III—XLVIII], где с опорой на риториков и поэтов XVIII века рассматривалась роль эпитета в создании эффекта художественного произведения и содержались примеры употребления эпитетов из произведений Лафонтена, Мармонтеля, Делилля, Боссюэ, Ж.-Б. Руссо, Вольтера

³¹ «Подобное занятие столь же скучно, сколь и неблагоприятно; однако для общественной пользы стоит пожертвовать всем».

³² Жером-Бальтазар Леве (Jérôme-Balthasar Levéé, 1769–1769) – преподаватель риторики и римской литературы в Гавре, Брюгге и Кане. Принял участие в создании переводной пятнадцатитомной антологии римской драматургии «Théâtre complet des Latins» (Paris, 1820—1823), также известен своим биографическим сочинением о знаменитых людях Гавра «Biographie ou Galerie historique des hommes célèbres du Havre qui se sont fait un nom par leurs écrits, leurs actions leurs talens» (Paris, 1828) [Larousse 1866—1877: 10, 443].

и др. Леве незначительно дополнил словник словаря Дэра, снабдил имена собственные подробным толкованием, а также отметил (звездочками) принадлежность ряда слов к высокому стилю и архаичность некоторых словесных конструкций. См., например, словарные статьи *Diane* и *lit* из нового издания словаря:

DIANE. Fille de Jupiter et de Latone, sœur d'Apollon, déesse de la chasse. Elle avait un temple fameux à Ephese, qui passait pour une des sept merveilles du monde. Agile, chaste, sévère [Levéé 1817: 103].

LIT. Ample, brodé, conjugal, défait, **défoncé, doux, garni, matelassé, mollet, portatif, **rembourré, sanglé, serré, tendu, tortueux, tremblant, vaste. Voyez COUCHE [Levéé 1817: 247].

Говоря о том, что в конце XVIII — начале XIX века выходит немало словарей, посвященных отдельным аспектам литературного языка, следует иметь в виду, что в этот период во Франции не было авторитетного словаря нормативного употребления. Четвертое издание «Dictionnaire de l'Académie française» вышло в 1762 году, пятое издание — в 1798 году, а шестое — только в 1835 году. В эпоху Империи и Реставрации академический словарь 1762 года воспринимался как словарь более не существующего языка аристократии. Словарь же 1798 года, в котором можно было найти статьи *antimonarchique*, *démocratie* и *guillotiner*, рассматривался как скандальный эпизод Революции [Brunot 1948: 556]. И на фоне отсутствия нормативного словаря литературного языка в первой трети XIX века словари поэтического языка, дающие представление о правильном употреблении, о поэтической традиции и литературной норме, были особенно востребованы.

Французский неоклассицизм характеризовался тем, что не новаторство, но умелое использование традиционных элементов, следование риторическим канонам считалось идеалом поэтического совершенства. Неслучайно, в 1816 году были переизданы трактаты Дюмарсе и Батто [Du Marsais 1816]. Язык французской поэзии этого времени был своеобразным мертвым языком: поэты

не использовали в своих произведениях лексемы, употребление которых не было бы одобрено традицией; даже необычное сочетание слов допускалось только в исключительных случаях [Brunot 1948: 24]. Научиться высокому языку поэзии можно было, читая классиков, — однако это требовало немалого времени, и желание сэкономить усилия заставляло начинающих литераторов обращаться к словарям поэтического языка (*dictionnaires de la langue poétique*).

В 1819—1822 годах в Париже вышел трехтомный словарь Жозефа Планша³³ «Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique, suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire». В предисловии автор отмечал, что французам в его дни необходимо с особой виртуозностью владеть родным языком, так как французский стал вторым классическим языком Европы и на нем хорошо говорят и изящно пишут многие иностранцы:

«L'universalité de notre langue devenue aujourd'hui la seconde langue classique de l'Europe, impose à nos jeunes François l'obligation de l'étudier avec une attention toute particulière. Ils doivent travailler de bonne heure à s'épargner le honteux reproche de parler et d'écrire leur propre langue avec moins d'élégance et de pureté, que des étrangers ou même des Barbares»³⁴ [Planche 1819—1822: 1, III].

Учить язык, как считал Планш, нужно по методу, сформулированному Шарлем Ролленом в трактате «Traité des études» и базирующемся на комментированном чтении классиков. Читая, следует обсуждать оттенки значения слов, искать примеры их употребления в произведениях различных жанров:

³³ Жозеф Планш (Joseph Planché, 1762–1853) – эллинист, преподаватель риторики в университетах Парижа.

³⁴ «Универсальность нашего языка, ставшего вторым классическим языком Европы, накладывает на молодых французам обязательство изучать его с особой тщательностью. Они должны трудиться с раннего возраста, чтобы их нельзя было позорно упрекнуть в том, что они говорят и пишут на своем родном языке с меньшими изяществом и чистотой, нежели некоторые иностранцы или даже варвары».

«Il s'agit en effet ... non-seulement de faire remarquer aux élèves toutes les acceptations d'un mot, soit au propre, soit au figuré; mais encore de justifier ces acceptations par des exemples tirés de nos meilleurs écrivains en prose et en vers, et ces exemples doivent être nombreux, afin que la leçon se grave plus profondément dans l'esprit»³⁵ [Planche 1819—1822: 1, IV].

По мнению Планша, немногие преподаватели могут справиться с этой задачей:

«Mais y a-t-il beaucoup d'instituteurs dont la mémoire soit assez vaste pour contenir tous les exemples, et assez fidèle pour les représenter exactement, et sur-le-champ au premier mot qui se rencontre dans un morceau quelconque de prose ou de poésie?»³⁶ [Planche 1819—1822: 1, IV].

Он с сожалением констатирует, что нет и словаря, который мог бы с помощью репрезентативных примеров показать учащемуся оттенки значения слова и научить нюансам употребления. Планш критикует последнее издание «Dictionnaire de l'Académie française»: на примере статьи *abattement* он показывает, что составители академического словаря проявили «незнание и сухость» (*négligence et de sécheresse*) в трактовке значения ряда употребительных лексических единиц:

«Il est permis de dire qu'on ne sauroit exposer avec plus de négligence et de sécheresse, un des termes les plus usités et les plus nobles de notre langue. Voici comme ce mot est présenté dans le nouveau Dictionnaire.

ABATTEMENT, s. m., diminution de forces ou de courage. *Ce malade est bien mal, je l'ai trouvé dans un grand abattement. Cette*

³⁵ «Речь идет не только о том, чтобы показать ученикам все значения слова, как прямые, так и переносные, но также и о том, чтобы проиллюстрировать эти значения прозаическими и поэтическими примерами, взятыми из лучших наших авторов, чтобы урок как можно глубже запечатлелся в сознании».

³⁶ «Много ли преподавателей, обладающих памятью, настолько хорошей, чтобы помнить все примеры и точно воспроизвести их в тот момент, как слово встретится в прозе или в поэзии?».

mauvaise nouvelle l'a mis dans un étrange abattement. DICT. DE L'ACAD.

Le Dictionnaire de l'Académie n'en dit pas davantage au mot *abattement*. Il auroit dû citer au moins les deux expressions si communes: *jeter dans l'abattement, tomber dans l'abattement*, et de plus, avertir que ce mot se dit au pluriel»³⁷ [Planche 1819—1822: 1, V].

Далее на цитатном материале из текстов Буало, Флешье, Монтескье, Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Вольтера, Корнелия и других авторов Планш дает множество примеров образного употребления слова *abattement*.

Словарь Планша предназначался не только учащимся, но и литераторам:

«Nos auteurs en tout genre, orateurs, historiens, traducteurs, poètes comiques et tragiques, trouveront dans ce Dictionnaire, non-seulement le mot qui les fuyoit, mais souvent même une métaphore plus élégante, une image plus gracieuse ou plus forte que celle qui s'étoit d'abord présentée à leur esprit»³⁸ [Planche 1819—1822: 1, VII].

³⁷ «Позволено сказать, что нельзя было с большей небрежностью и сущостью представить одно из самых употребительных и благородных слов нашего языка. Вот как это слово представлено в новом «Словаре»».

ABATTEMENT, сущ., м., уменьшение сил или смелости. *Ce malade est bien mal, je l'ai trouvé dans un grand abattement. Cette mauvaise nouvelle l'a mis dans un étrange abattement.* DICT. DE L'ACAD.

И более «Академический словарь» ничего не говорит о слове *abattement*. А следовало бы привести хотя бы два употребительных выражения — *jeter dans l'abattement* и *tomber dans l'abattement* — и отметить, что это слово используется во множественном числе».

³⁸ «Наши авторы, пишущие в различных жанрах, — ораторы, историки, переводчики, трагические и комические поэты — найдут в этом словаре не только ускользающее от них слово, но часто и более изысканную метафору, более изящный или более точный образ, нежели тот, который с самого начала пришел им на ум».

Сам словарь состоит из двух частей. Первая содержит слова литературного языка [Planche 1819—1822: 1, 1—3, 2240] — их значения и особенности употребления иллюстрируются богатым цитатным материалом. Вторая содержит список слов, принадлежащих к вульгарному языку (*langage vulgaire*) [Planche 1819—1822: 3, 2241—2452] — эти слова даны без примеров употребления, приводится лишь краткое толкование их значения. Слова, вошедшие в первую часть словаря, описываются следующим образом: дается краткая грамматическая характеристика слова, трактуется его значение и приводятся примеры лексической сочетаемости — эти сведения Планш заимствовал из «Dictionnaire de l'Académie française»; далее приводится множество примеров употребления лексемы в текстах авторов-классиков (Планш дает их полный список, см. [Planche 1819—1822: 1, VIII]). Словарь Планша, таким образом, стал своеобразным дополнением к «Dictionnaire de l'Académie française». См., например, словарную статью *acomplissement*:

ACCOMPLISSEMENT, s. m., achèvement, exécution entière, réalisation. *L'accomplissement d'un dessin, d'un ouvrage, l'accomplissement de sa parole, d'une promesse, d'un vœu. L'accomplissement de nos désirs, de nos espérances, de nos vœux. L'accomplissement d'un traité.* DICT. DE L'ACAD.

«Leur sacrifice a reçu son *accomplissement* et son couronnement.» PASC.

«Dieu lui reservoit l'*accomplissement* du grand ouvrage de la religion. — Ils voient l'*accomplissement* des menaces de Dieu. — L'*accomplissement* des conseils de Dieu.» BOSS. (*Voyez promesse.*) «Voyez quelle sérénité cet *accomplissement* de ses désirs répand sur, etc.» LA BRUY. (*Voyez sérénité.*)

«Ne trouvant aucune résistance dans l'*accomplissement* de leur volonté» FLECH.

«Les principaux instruments dont Dieux se servit pour l'*accomplissement* de ses dessins. — L'*accomplissement* de ce devoir.» MASS.

«Le parfait *accomplissement* de vos devoirs.» D'AGUESSEAU.

Accomplissement, en parlant des prédications, etc.

«Que l'on considère l'*accomplissement* admirable de ces prophéties. — Le hasard en apparence fut la cause de l'*accomplissement* du mystère.» PASC.

«Les voies se preparent insensiblement à l'entier *accomplissement* des anciens oracles. — Les prophéties du peuple de Dieu ont eu un *accomplissement* si manifeste, etc. — Tout ce peuple admira l'*accomplissement* de l'oracle de Jérémie. — Je vois l'*accomplissement* de cette parole du prophète. — Par un si visible *accomplissement* des anciennes prophéties. — Cette prédication qui devoit être suivie d'un si prompt *accomplissement*.» BOSS. [Planche 1819—1822: 1, 43].

Практически одновременно с выходом словаря Планша в 1822 году в Париже вышел еще один словарь «Le Gradus Français ou Dictionnaire de la langue poétique, précédé d'un traité de la versification française et suivi d'un nouveau dictionnaire des rimes» Л.-Ж.-М. Карпантье³⁹. Словарь Карпантье имел необычайный успех, и после публикации первого издания в 1822 году был почти сразу же переиздан (2-е изд. в 1825 г.). Журналы — «La Quotidienne», «Le Miroir des spectacles, des lettres et des arts», «Journal des Nantes et de la Loire-Inférieure» и др. — рассыпались в похвалах этой книге:

«... nos jeunes littérateurs y trouveront une instruction amusante, les gens du monde un délassement agréable, et nos poètes vivants les plus distingués une lecture d'autant plus attachante, qu'ils y verront leur propres vers cités (avec leurs noms) comme exemples à suivre

³⁹ О Л.-Ж.-М. Карпантье (L. J. M. Carpentier) нам известно только то, что он был профессором риторики в университете в Париже; также в соавторстве с Жаном-Франсуа Ноэлем он составил словарь «Nouveau dictionnaire des origines, inventions et découvertes dans les arts, les sciences» [Dictionnaire des Protées modernes 1815: 203—204].

dans les différents emplois des mots de la langue poétique»⁴⁰ [La Quotidienne, mardi 18 décembre 1821; цит. по Brunot 1948: 53].

«Un recueil précieux de descriptions, de tableaux et de portraits, ainsi qu'un grand nombre d'encadrements, de coups poétiques, d'alliances heureuses de mots»⁴¹ [Journal de Nantes et de la Loire-Inférieure; цит. по Brunot 1948: 53].

На титульном листе было указано, что в словарь входят: 1) все слова поэтического языка с указанием происхождения и количества слогов; 2) синонимы, эпитеты и перифразы; 3) собрание описаний, общих мест и портретов, а также большое количество обрамлений (*encadrements*) и удачных сочетаний слов (*alliances heureuses des mots*); 4) имена основных божеств, употребляемых в басне, с указанием образов, в виде которых их изображали художники и поэты, а также аллюзий и аллегорий, заимствованных из мифологии; 5) литературные и грамматические заметки Менажа, Вольтера, Ла Гарпа, Жоффруа о некоторых выражениях и сочетаниях слов, использованных лучшими поэтами. Кроме того, в словарь вошел обширный трактат о французском стихосложении «Traité de la versification française» [Carpentier 1822: 1—89].

Словарная статья в словаре строилась по следующему принципу: после заголовочного слова давалась его грамматическая характеристика, далее указывалось происхождение, давалось подробное энциклопедическое толкование значения, приводились эпитеты, перифрастические сочетания и примеры поэтического употребления. В качестве примера приведем статью *AÉROSTAT* — слово

⁴⁰ «... Наши молодые литераторы найдут в ней (этой книге — Н. К.) занимательное поучение, светские люди — приятный отдых, а ныне живущие изящнейшие поэты — чтение тем более захватывающее, что они найдут здесь свои собственные стихи (с указанием авторства), процитированные в качестве примеров для иллюстрации различных употреблений слов поэтического языка».

⁴¹ «Драгоценное собрание описаний, изображений и портретов, а также огромное количество обрамлений, словоразделов и удачных сочетаний слов».

было новым для французского языка, его первая словарная фиксация относится к 1787 г. [Féraud 1787—1788: 1, 52], а первый полет на аэростате (монгольфьере) был совершен в 1783 г.

AEROSTAT. *n. m.* (*a-é-ros-ta* devant une consonne). Ballon rempli d'un fluide plus léger que l'air, au moyen duquel on peut élever et soutenir dans l'atmosphère des corps d'un assez grand poids. L'invention est due à MM. de Montgolfier. *Epit.* Léger, rapide, magique, ingénieux. *Périp.* ballon aérostatique.

Que vois-je? ô merveille suprême!
Un air plus léger que l'air même
Ravit l'homme au ciel le plus pur.
La Seine, en frémissant, admire
Le cours de ce premier navire
Qui des airs fend le vaste azur.

Lebrun.

Charles, Robert et Mongolfier,
Vos ballons aérostatiques,
J'en conviens, sont tres-magnifiques,
Mais on ne saurait s'y fier

La Condamine

V. BALLON [Capentier 1822: 117].

В случае если заголовочным словом являлась лексема, обозначающая понятие, относящееся к области поэтики, риторики или грамматики, словарная статья в словаре Карпантье давала исчерпывающие сведения по истории и теории затронутого вопроса. Так, в словарной статье *BALLADE* после энциклопедического толкования значения — «espèce d'ancienne poésie française, composée de couplets faits sur les mêmes rimes, et qui finissent par le même vers. La ballade contient ordinairement trois strophes ou couplets en un envoi» — с цитатами и ссылками на источники даются сведения об этимологии термина, о сюжетах и стиле первых баллад:

«De *baller* ancien mot qui s'est dit pour danser, (V. ci-dessous *baller*) on a fait *ballade*, suivant le sentiment de Sebilet, *art poétique*

français, pag. 102, Lyon, 1576, du célèbre prote de Poitiers, *Traité de l'orthographe française*, et de la Frenaie Vauquelin:

Des troubadours

Fut la rime trouvée en chantant leurs amours;

Et, quand leurs vers rimés ils mirent en estime,

Ils sonnaient, ils chantaient, ils ballaient sous leur rime :

Du son se fit sonnet, du chant se fit chansons,

Et du bal la ballade, en diverses façons.

Ces trouvères allaient par toutes les provinces

Sonner, chanter, danser leurs rimes chez les princes.

Art poétique, ch. 1.

«En suivant la marche de l'esprit humain, nous trouvons d'abord les premières poésies pastorales nommées Ballades: ce sont des contes du village, des dialogues rustiques, des descriptions d'objets naturels ou des narrations d'incidents de la vie champêtre. Leur langage est celui de la nature, simple et sans recherche, l'imagination n'y invente rien: c'est l'histoire des mœurs de cabanes, la peinture des champs, et l'expression des émotions communes à toute l'humanité.»
Bibliothèque Britannique. № 6. 185—186 [Capentier 1822: 210].

Далее в статье даются сведения о строфической форме баллады. Сообщается, что в балладах Маро, написанных восьмисложником или десятисложником, строфы состоят иногда из восьми, иногда из двенадцати строк. Указано, что баллады завершаются полустрофой-посылкой (*envoi*) из четырех или пяти строк, однако в некоторых балладах Вуатюра посылка отсутствует. Также сообщается, что строфическая форма баллады подразумевает наличие рефрена в конце строф, иногда общего для всех строф, иногда различного в каждой строфе:

«Dans les ballades de Clément Marot les strophes ont huit, dix et mêmes quelquefois douze vers, et les vers sont tantôt de huit, tantôt de dix syllabes ; mais ils sont tout de la même mesure dans la même ballade. Les ballades les plus exactes ont toujours un envoi de quatre vers, lorsque les strophes sont de huit ; de cinq, lorsqu'elles sont

de douze, ce qui est rare. Cependant on trouve dans Voiture deux ballades qui n'ont point d'envoi. <...> Il y a encore une espèce de ballade qui a deux refrains différents à chaque strophe, comme on le peut voir dans la suivante qui est de Clément Marot <...> [Capentier 1822: 210—211].

Все представленные сведения иллюстрируются данными без купюр стихотворными примерами.

Как отмечает Брюно, в 1820-е годы «Le Gradus Français» Карпантье был «библией сыновей Аполлона» («Carpentier avait été, en 1820, la Bible des fils d'Apollon») [Brunot 1948: 55]. Однако в 1830-е годы священной книгой поэтов («le livre saint des poètes») стало «Предисловие к Кромвелю» (1827) Гюго — манифест романтизма, призывающий литераторов к разрушению жанровых границ, соединению трагического и комического, высокого и низкого [Brunot 1948: 55]. Новая эпоха требовала нового языка, новых средств выражения, и, начиная с 1840-х годов, нормативные словари, основывающиеся на классической традиции, стали постепенно вытесняться другим типом лексикографических работ — словарями языка писателя. Первыми опытом авторской лексикографии — сопоставительным словарям⁴² Франсуа Женана [Génin 1846] и Теодора Лорана [Lorin 1852] — были свойственны нормализаторские тенденции [Карева 2015: 67—82]. Тем не менее, можно говорить о том, что в середине XIX века во французской лексикографии произошел переход от словарей, ориентирующихся на риторический тип творчества и традицию поэтического употребления, к авторским словарям, фиксирующим метаморфозы и трансформации слова в текстах отдельного писателя.

⁴² В сопоставительных словарях в центре описания стоит конкретный автор, а остальной материал — сопоставление словоупотребления описываемого автора со словоупотреблением его современников, наблюдения над языком эпохи — служит фоном для описания его языка. Об этом типе словарей см. [Саводник 1904; Гельгардт 1983; Шестакова 2011: 45—60].

Библиография

Словари

Beauzée 1769 — *Beauzée N.* Synonymes françois, leurs différentes significations et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse par M. l'abbé Girard. Nouvelle édition considérablement augmentée, mise dans un nouvel ordre, & enrichie de notes par M. Beauzée. Paris, 1769.

Capentier 1822 — *Capentier L.-J.-M.* Le Gradus Français ou Dictionnaire de la langue poétique, précédé d'un nouveau traité de la versification française et suivi d'un nouveau dictionnaire des rimes. Paris, 1822.

Condillac 2012 — *Condillac, E. B. de* Dictionnaire des synonymes; édition, présentation et notes par Jean-Christophe Abramovici. Paris, 2012.

Daire 1759 — *Daire L.-F.* Les Epithètes Françaises, rangées sous leurs substantifs, Ouvrage utile aux Poètes, aux Orateurs, aux jeunes gens qui entrent dans la carrière des Sciences, & à tous ceux qui veulent écrire correctement, tant en Vers qu'en Prose. Lyon, 1759.

Dictionnaire des Protées modernes 1815 — Dictionnaire des Protées modernes, ou Biographie des Personnages vivants qui ont figuré dans la Révolution Française, depuis le 14 juillet 1789, jusques et compris 1815, par leurs actions, leur conduite ou leurs écrits. Par un homme retiré du monde. Paris, 1815.

Diderot et al., 1800 — *Diderot D., Jacourt L., d'Alambert J.* Synonymes français, par Diderot, d'Alembert et de Jaucourt. Paris, an IX.

Encyclopaedia Britannica 1910 — The Encyclopaedia Britannica. A dictionary of arts, sciences, literature and general information. Eleventh edition. Vol. VIII (Demijohn to Edward). Cambridge, 1910.

Féraud 1787—1788 — *Féraud J.-F.* Dictionnaire critique de la langue française [Texte imprimé], par M. l'abbé Féraud. 3 vol. Marseille, 1787—1788.

Génin 1846 — *Génin F.* Lexique comparé de la langue de Molière et des écrivains du XVIIe siècle suivi d'une lettre à M. A. F. Didot sur quelques points de philologie française. Paris, 1846.

Girard 1736 — *Girard G.* Synonymes françois, leurs significations et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse. Paris, 1736.

La Porte 1612 — *La Porte, M. de* Les épithètes de M. de la Porte parisien. Livre non seulement utile à ceux qui font profession de la Poësie, mais fort propre pour illustrer toute autre composition François. Lyon, 1612.

La Porte 2009 — *Rouget F. (éd.)* Les épithètes: 1571; édition critique par François Rouget. Paris, 2009.

Larousse 1866—1877 — *Larousse P.* Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc., etc. 17 vol. Paris, 1866—1877.

Leroy de Flagis 1812 — *Leroy de Flagis J.-B.* Nouveau choix de synonymes français... par J.-B. Le Roy de Flagis, ouvrage entrepris pour faire suite aux «Synonymes français» de M. l'abbé Girard et de M. Bauzée. 2 vol. Paris, 1812.

Levée 1817 — *Levée J.-B.* Dictionnaire des épithètes françaises, nouvelle édition revue et considérablement augmentée, précédé d'un traité sur l'emploi des épithètes. Par J.-B. Levée, docteur ès-lettres, ancien professeur de rhétorique et de littérature latine. Paris, 1817.

Lorin 1852 — *Lorin T.-Q.* Vocabulaire pour les œuvres de La Fontaine ou explication et définition des mots, locutions, formes grammaticales, etc. employés par La Fontaine et qui ne sont pas plus usités. Paris, 1852.

Noël 1826 — *Noël J.-F.* Gradus ad Parnassum, ou Nouveau Dictionnaire Poétique Latin-Français, enrichi d'exemples et de citations tirées des meilleurs Poètes anciens et modernes, par Fr. Noël, Membre de la Légion d'honneur, inspecteur-général honoraire de l'Université Royale, de plusieurs sociétés savantes. Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée. Paris, 1826.

Planche 1819—1822 — *Planche J.* Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique, suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire. 3 vol. Paris, 1819—1822.

Rey 2011 — *Rey A.* Dictionnaire amoureux des dictionnaires. Paris, 2011.

Научная литература

Гельгардт 1983 — *Гельгардт Р. Р.* Словарь языка писателя: К истории становления жанра // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 18—35.

Карева 2015 — *Карева Н. В.* Словари языка писателя во Франции XIX века // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год. СПб., 2015. С. 66—95.

Саводник 1904 — *Саводник В. Ф.* К вопросу о Пушкинском словаре. СПб., 1904.

Стендаль 1959 — *Стендаль* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 1959.

Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М., 2011.

Brunot 1891 — *Brunot F.* La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desportes. Thèse présentée à la Faculté des Lettres de Paris. Paris, 1891.

Brunot 1948 — *Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. Tome XII : l'époque romantique. Paris, 1948.

Du Marsais 1816 — *Du Marsais C. Ch.* Des Tropes ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue, par Dumarsais. Nouvelle édition ... augmentée de la Construction oratoire, par l'abbé Batteux. Paris, 1816.

Larthomas 1980 — *Larthomas P.* Tradition classique et romantisme: le langage poétique // XVIIe siècle. № 129. 1980. P. 421—431.

Leclercq 2006 — *Leclercq O.* Construction d'un savoir et d'un savoir-faire dans le traitement du lexique français aux XVIème et XVIIème siècles. Thèse de doctorat. Université Paris—VII. 2006.

Petrequin 2009 — *Petrequin G.* La synonymie au XVIIe siècle: une évolution conceptuelle et pragmatique // Pratiques. №141—142. 2009. P. 79—97.

Scheler 1867 — *Scheler A.* Lexicographie latine du XIIe et du XIIIe siècle. Trois traités de Jean de Garlande, Alexandre Neckam et Adam du Petit-Pont, publiés avec les gloses françaises. Leipzig, 1867.

Stendhal 2015 — *Stendhal* Vie de Henry Brulard. Edition augmentée. Arvensa Editions: Littérature classique numérique, 2015.

Thomson 2003 — *Thomson A. Diderot, Roubaud et l'esclavage // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. №35 (2003). P. 69—93.*

N. Kareva. French dictionaries of synonyms and epithets and dictionaries of poetic language (late 17th — the first half of the 19th centuries)

The paper concerns lexicographical works of classicism and neoclassicism in France, namely dictionaries of synonyms and epithets and dictionaries of poetic language. These dictionaries, oriented to the rhetoric type of literary creation, were addressed primarily to writers, describing the functioning of lexical units in the framework of established tradition and giving the samples for imitation. However, in the 1830-s the conception of literary creation has changed due to the coming of Romantic Era in France. As a result, starting from 1840—1850-s prescriptive standard language dictionaries were gradually replaced by dictionaries of writers' language — the genre which flourished in France in the last third of the 19th century.

Развитие метаязыковой концепции для фиксации фразеологизмов в немецких словарях

Ключевые слова: фразеология, фразеография, немецкий язык, метаязыковая концепция, словари, фразеологические синонимы, Г. Шеманн.

В статье кратко представлены наблюдения над развитием кодификации немецких фразеологизмов в словарях немецкого языка, издававшихся в конце XVI века: «Der Große Fries», «Die Teutsche Sprach» и др., а также изложена современная авторская концепция идеографических словарей Г. Шеманна «Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten» и «Deutsche Idiomatik».

1. Научный интерес к всестороннему изучению фразеологизмов в немецкой лингвистике и, в частности, к лексикографической кодификации этих устойчивых единиц возник в 70-х годах XX века (ср. известные работы В. Фляйшера, Л. Макензена, Х. Бургера, П. Кюна [Fleischer 1982; Makensen 1973; Burger 1998; Kühn 1984]), однако фразеография в Германии берет свое начало намного раньше — в XVI веке. Ее становление протекает в русле наблюдений над языком под влиянием общих идей эпохи классического гуманизма, согласно которым возможность знакомства с античным наследием и его осмысление должны быть доступны широким интеллектуальным кругам, а инструментом познания призван стать народный образный язык. В это время немецкие фразеологизмы фиксировались в двуязычных и полиязычных словарях «с претензией на научность» [Müller, Kunkel-Razum 2008: 939], одним из обязательных языков которых была латынь. Таким

* Кристина Валерьевна Манёрова, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ. Электронная почта: k.manerova@srbu.ru.

образом, уже в то время немецкие фразеологизмы, единицы, вышедшие из обиходного, народного языка (*Volkssprache*), из просторечия, становились объектом научного рассмотрения и филологического анализа.

Среди словарей, фиксирующих устойчивые словосочетания как леммы, исследователи немецкой исторической фразеологии называют следующие работы: 1. латинско-немецкий словарь швейцарского лексикографа Иоганна Фриза «Der Große Fries oder Dictionarium Latinogermanicum» (1556), известный как «Большой Фриз»; 2. немецко-латинскую обратную версию этого словаря, составленную швейцарским лексикографом Йошуа Маалером, «Die Teütsch spraach» (1561) и 3. латинско-греко-немецкий словарь «Lexicon trilingue» Роберта Штефана (1609), представляющий расширенную версию «Большого Фриза».

Немецкие устойчивые словосочетания (*varietas locutionum, varietas constructionum*) фиксируются в этих словарях в ряду соответствий наряду с латинскими и греческими леммами; и немецкий язык, таким образом, представляет собой один из источников эквивалентов устойчивых выражений. Например:

Magia, magiae, pen[ultima] prod[ucta] Zauberey / zauberkunst / hexerey / schwartze kunst ('черная магия'¹) [Großer Fries: 794].

Словарь «Die Teütsch spraach» Йошуа Маалера позже удостоился лестной оценки составителей Большого немецкого словаря братьев Гримм: «Ein reich ausgestatteter schatz von wörtern und redensarten, aus der lebenden Schweizersprache hervorgegangen, in der that das erste wahrhafte deutsche wörterbuch...»² [DWB: Vorwort, XXI]. В словаре Маалера фразеологизмы маркируются пометой *proverbium* с дефиницией на латинском или на немецком языке, например:

Er hat Hartz in henden / Er ist lang finger / Das ist / Er ist ein Dieb ('он нечист на руку') [Die Teütsch spraach: 212].

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш — К. М.

² «Богатый источник слов и выражений, вышедший из живого языка швейцарцев, действительно первый истинный словарь немецкого языка...».

Приводятся коллокации:

Schwere hauptwee lyden / grosses hauptwee haben. Confictari doloribus ca pitis ('страдать от сильной головной боли') [Die Teütsch spraach: 214].

Отметим, что словари, составляемые в то время, имели в основном обучающую и справочную функцию и предназначались широкой аудитории — от школьников до ученых. Метаконцепция словарей в целом соответствовала степени развития филологического знания того времени. Немецкий язык использовался в них в роли языка перевода, языка-источника соответствий, однако языком научного метаописания в лексикографической кодификации ему еще только предстояло стать.

Фразеограф Хельмут Хенне [Henne 2001] отмечает, что в XVII и XVIII веках идея фиксации фразеологизмов как особых комплексных словарных единиц в отдельных разделах словарей или в специальных словарях развивается в трудах Юстуса Георга Шоттеля, Кристофа Гюнца, Каспара Штилера и Готфрида Лейбница. В частности, в немецко-латинском словаре «Der Teutschen Sprache Stammbaum» К. Штилера [Stieler 1691] немецкие поговорки и идиомы включены в словарные статьи по принципу первого ключевого слова (этот принцип актуален и для современной фразеологии). Например, в словарных статьях на слово *Bauch* ('живот') и *Bein* ('нога') даны следующие устойчивые сочетания:

ein voller **Bauch** studiert nicht gern / plenus venter non studet lebenter ('сытое брюхо к ученью глухо')

der **Bauch** hat keine Ohren / venter caret auribus ('голод не тетка')
einen dicken Bauch haben / uterus gerere ('иметь большой живот')

bei Hals und **Bauch** verbieten / sub poena sangvinis prohibere ('запретить что-л.')

ein **Bauch** wie eine Trommel ('живот как барабан') [Stieler 1691: 106].

einem ein **Bein** setzen ('подставить ножку кому-л.')

durch Mark und **Bein** gehen ('пробрать до мозга костей')

auf die **Beine** kommen ('подняться на ноги, выздороветь')

einem auf die **Beine** helfen ('помочь кому-л. встать на ноги')

[Stieler 1691: 124].

Однако помет и комментарии в названном словаре не содержатся.

Хенне ссылается на Лейбница, называвшего подобные словари *phrasium*, *Neben-Dictionaria*, то есть 'дополнительные', 'особые' словари [Henne 2001: 16], что позволяет говорить о зарождении в это время метаязыковой концепции фразеологических словарей, различающих единицы первичной и вторичной номинации и утверждающих статус устойчивых сочетаний как метафорических единиц, требующих особой фиксации. Общую метафоричность немецкого языка XVIII века, наличие образности в том числе и в научных текстах, отмечают многие исследователи стилистических средств в разных типах дискурса указанного периода [Филиппов 2015; Слина 2015].

2. Постепенно область использования немецкого языка расширялась: он становился языком научного метаописания. Развитие исторической фразеологии подробно описано Х. Бургером, М. Дрегером, Б. Бок в коллективной монографии [Aspekte 2012], поэтому мы не будем останавливаться на перечислении фразеологических особенностей отдельных словарей. К. Кункель-Разум, П. Миллер, исследующие историческую фразеологию, тем не менее, отмечают дефицит описания природы фразеологической единицы и ее свойств во введениях к словарям, что отражает общее неустойчивое развитие метаязыковой концепции словарей в отношении фиксации фразеологических единиц в XVII и XVIII веках [Müller, Kunkel-Razum 2008: 941].

Под метаязыковой концепцией в современной фразеологии понимается принцип отбора единиц (в нашем случае — фразеологизмов немецкого языка), организация макро- и микрострукту-

ры словаря и система условных помет для обозначения признаков выбранных единиц (терминологическая принадлежность, стилистические особенности и проч.). Особую роль в метаконцепции исследователи уделяют метаязыку, понимая его как «знаковую систему, служащую для описания и интерпретации другой знаковой системы» [Манёрова 2015: 118; Волков, Манёрова 2014].

Можно сказать, что единая, конвенциональная концепция для немецких фразеологических словарей не разработана по сей день. Как утверждает фразеолог Диана Станчева, каждый из известных словарей немецкого языка XX-го века имеет свои особенности представления метаязыковой концепции отражения фразеологизмов. Назовем лишь пять авторитетных изданий на немецком языке [Stancheva 1999]: 1. «Ullstein Lexikon der deutschen Sprache. Wörterbuch für Rechtschreibung, Silbentrennung, Aussprache, Bedeutungen, Synonyme, Phraseologie, Etymologie. Köster, Rudolf» (1969) [Ullstein 1969]; 2. «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (1961—1977) [WDG 1961—1977]; 3. «Brockhaus-Wahrig. Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden» (1980—1984) [Brockhaus 1980—1984]; 4. «Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (1984) [HDG 1984]; 5. «DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» (1993—1995) [GWB 1993—1995].

На примере словарных статей с фразеологизмом из названных словарей Д. Станчева анализирует так называемое «фразеологическое сознание» лексикографов (*phraseologisches Bewusstsein*), или, в нашем понимании, основу фразеологической метаконцепции в авторитетных лексикографических изданиях и приводит следующие факты. Например, в «Ullstein Lexikon» под фразеологизмами понимаются любые словосочетания, как свободные, так и устойчивые. Например:

ich hackte gerade Holz ('я рубил дрова'); ich habe einen ganzen Raummeter Holz gehackt ('я нарубил целый кубометр дров') [Ullstein 1969].

В «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» учитывается терминологическое своеобразие, различаются термины *feste*

Verbindung (устойчивое словосочетание), *Redensart* (фразеологизм) и другие, впервые маркируется стилистическая коннотация — например, *salopp*. (грубо), фразеологизмы приводятся в разных словарных статьях соответственно их опорным компонентам.

В словаре «Brockhaus-Wahrig» [Brockhaus 1980—1984] метаязыковая концепция для отображения фразеологизмов, по мнению Д. Станчевой, полностью отсутствует, отдельные пометы приводят к терминологической путанице, так, например, термин *Idiom* (идиома) применяется по отношению и к лексемам, хотя общеизвестно, что минимальное количество компонентов немецкого фразеологизма равно двум.

Изданный в ГДР двухтомник «Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» [HDG 1984] является единственным изданием, в котором дается определение термину *Phraseologismus* (фразеологизм). В восьмитомном словаре «DUDEN» метаязыковая концепция отводит фразеологизмам отдельное место в микроструктуре словаря, в частности, фразеологизмы приводятся в конце словарной статьи и маркируются пометой «астерик».

Конечно, существуют и специальные фразеологические немецкие словари, например, словари серии Дуден «Redensarten-Duden» или словарь афоризмов «Zitate und Aussprüche», однако такие словари немногочисленны. В разных немецкоязычных словарях отражено разное понимание границ фразеологии и сути фразеологических единиц.

3. Особый тип фиксации фразеологизмов, который следует проанализировать отдельно, представлен во фразеологических словарях, составленных Гансом Шеманном. Г. Шеманн, романист и германист, является автором восьми фразеологических словарей, в том числе и двуязычных, а также автором большого числа научных работ и монографий, посвященных лингвокультурологическому аспекту исследования фразеологии. Два немецких словаря Г. Шеманна — словарь фразеологических синонимов «Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten» (1991) и сло-

варь контекстуального употребления идиом «Deutsche Idiomatik» (2011) — отличается оригинальной, разработанной автором метаязыковая концепция, учитывающая сразу нескольких подходов к анализу и восприятию фразеологического материала [Манёрова 2016: 20—26].

Словарь фразеологических синонимов «Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten» [Schemann 1991] разработан по принципу идеографического словаря (*Begriffswörterbuch*), учитывающего понятийные поля и тематические группы, и является единственным словарем подобного типа в немецкой фразеографии. Макро- и микроструктура словаря соответствуют идее Г. Шеманна о необходимости подачи материала исходя из различных ситуаций его употребления. Автор осознанно делит словарь на две части: тематическую и алфавитную, обе дополнены обширным индексом опорных компонентов. Всего словарь содержит более 20000 лемм. Для организации тематической части словаря предложена оригинальная концепция, а именно — соблюдено деление на макроструктуру, медио- и микроструктуру словаря.

Макроструктура заключается в глобальном принципе организации словника согласно идеографическому делению понятийных полей. В словаре Г. Шеманн приводится девять объемных понятийных или тематических полей (*Gesamtfeld*), согласно которым он классифицирует отобранный им фразеологический фонд немецкого языка:

- A. *Zeit — Raum — Bewegung — Sinnesdaten* ('время — пространство — движение — восприятие');
- B. *Leben — Tod* ('жизнь — смерть');
- C. *Physiognomie des Menschen* ('внешность, душевные качества, характер человека');
- D. *Stellung zur Welt* ('мировоззрение');
- E. *Haltung zu den Mitmenschen* ('отношение к окружающим людям');
- F. *Einfluss — Macht — Verfügung — Besitz* ('влияние — власть — владение — обладание');

- G. *Kritische Lage — Gefahr — Auseinandersetzung* ('несчастья — опасность — конфликты');
 H. *Präferenzen* ('предпочтения');
 I. *Quantitäten — Qualitäten — Relationen* ('качество — количество — взаимосвязь') [Schemann 1991: IX—XIV].

Если проанализировать семантику всех девяти полей, то можно прийти к выводу, что в основе предложенного Г. Шеманном разделения фразеологизмов немецкого языка лежит антропоцентрический принцип. Фразеологизмы как комплексные лексемы преимущественно оценочного характера, антропоцентричны по своей природе, и в центре фразеологии, как ее понимает Г. Шеманн, стоит человек — действующий, думающий, сомневающийся, оценивающий. При классификации обширного идиоматического материала Г. Шеманн во многом исходит из отношения говорящего к миру, выражающемуся через употребление фразеологизмов в различных ситуативных контекстах. В предисловии к словарю автор раскрывает метаязыковую концепцию макроорганизации словника следующим образом: названные понятийные или тематические макрополя для него объединены глубинной семантикой. Например: фразеологизмам поля *Zeit — Raum — Bewegung — Sinnesdaten* свойственна глубинная семантика отношения человека к внешнему миру; фразеологизмы поля *Leben — Tod* отражают органический мир, мир физиологии; поле *Physiognomie des Menschen* охватывает фразеосемантическое поле для выражения индивидуальности; поле *Stellung zur Welt* — отношение человека к миру; фразеологизмы поля *Haltung zu den Mitmenschen* описывают человека как существо социальное; фразеологизмы поля *Einfluss — Macht — Verfügung — Besitz* характеризуют человека как общественное существо; в поле *Kritische Lage — Gefahr — Auseinandersetzung* приводятся фразеологизмы для оценки поведения человека в неблагоприятных условиях; в поле *Präferenzen* называются социальные и иные предпочтения человека; в поле *Quantitäten — Qualitäten — Relationen* — категории, с помощью которых можно оценить предпочтения человека во фразеоречении.

В медиоструктуре словаря принцип организации отдельного семантического поля основывается на синонимии фразеологизмов внутри полей по тематическим группам. Каждое синонимическое поле делится на тематические группы и подгруппы на основе сходства или же различия, контрадикторных или комплементарных парадигматических связей. Например, поле E. *Haltung zu den Mitmenschen* делится на следующие группы: Ea. *Umgang* ('общение, контакты'); Eb. *Zuneigung — Abneigung* ('симпатия — антипатия'); Ec. *persönliche Beziehungen* ('личные отношения'); Ed. *Liebe* ('любовь').

Тематические группы, по мнению Г. Шеманна, должны быть разделены на подгруппы фразеологических синонимов, например, в группе Ec *persönliche Beziehungen* он выделяет подгруппы фразеологизмов со значением Ec1 *gutes Verhältnis, Freundschaft, unzertrennliches Gespann* ('дружеские отношения') и Ec2 *schlechtes Verhältnis, Feindschaft, Trennung* ('плохие отношения, вражда'). Это деление приводит пользователя к уровню микроструктуры словаря, к принципу, по которому внутри тематической группы организуется семантическая градация фразеологических синонимов. Внутри блока синонимы группируются по принципу семантической близости значений. Так, например, в тематической подгруппе Ec1 *gutes Verhältnis, Freundschaft, unzertrennliches Gespann* ('дружеские отношения') приводятся следующие блоки фразеологизмов со значением 'быть с кем-то на ты' (назовем лишь следующие из тридцати синонимических блоков):

1. jm. das Du anbieten
jm. die Bruderschaft anbieten *form*
mit jm. Bruderschaft schließen *form*
2. zu jm. ‚du‘; ‚du‘ zueinander sagen
mit jm. auf du und du stehen
mit jm. auf Duzfuß stehen
3. plump vertraulich sein... *ugs* [Schemann 1991: 160].

Уровень микроструктуры словаря оказывается, таким образом, самым сложным для разработки, так как большое количество

схожих по значению устойчивых выражений фразеограф должен буквально «перебрать» по семам и, полагаясь на свое «фразеологическое сознание», выстроить синонимические ряды, учитывая их стилистическую коннотацию. Г. Шеманн снабжает синонимичные фразеологизмы метаязыковыми пометами *form* ('офиц.), *ugs* ('разг. '), *geh* ('возв. '), *vulg* ('вульг. '), *iron* ('ирон. '), *path* ('поэт.-возв. '), которые призваны помочь пользователю при решении коммуникативных задач.

Оригинальной представляется метаязыковая концепция Г. Шеманна и с учетом роли пользователя словаря. Словарь состоит из тематической (идеографической) и алфавитной частей. Вход в словарь, по мнению Г. Шеманна, начинается в идеографической части словаря (*systematischer Teil*), с понятия как части семантического поля, т. е. с операции, производимой в рамках ономаσιологического подхода. Таким образом, абстрактное понятие тематической группы в рамках поля получает свое материальное воплощение в виде фразеологической единицы. Проиллюстрируем этот подход на примерах единиц, выражающих понятие 'вовремя, без задержек' (*pünktlich*). В поле *Zeit — Raum — Bewegung — Sinnesdaten* можно найти синонимичные фраземы с метапометами, фиксирующими различную стилистическую окраску:

1. auf den Tag genau ankommen, auf die Minute genau, auf den Glockenschlag kommen, mit dem Stundenschlag 8 Uhr,
2. *pünktlich wie die Sonnenuhr*
pünktlich wie die /ein Mauerer ugs
3. ohne Verzug zahlen *form* [Schemann 1991: 17].

Вход же в словарь с поиском конкретной фразеологической единицы, наоборот, начинается в алфавитной части (*Stichwortregister*), и эта операция протекает в рамках семасиологического подхода: пользователь может найти синонимы для фразеологизмов в тематической группе и тем самым лучше понять значение фразеологизма через его отнесение к тематической группе. Алфавитная часть организована в соответствии с принципом опорного компонента фразеологизма с учетом частеречной принадлежности в

следующем порядке: существительное, глагол, прилагательное, наречие, местоимение, междометие, частица; также учтены варианты. Например, фразеологизм *da beißt die Maus keinen Faden ab* ('комар носа не подточит') с пометой *ugs* ('разговорное') приводится в поле *Quantitäten — Qualitäten — Relationen* в группе *sicher / unsicher* ('точно / неточно') в подгруппе со значением *eindeutig* ('однозначно') и здесь предлагается синоним *etw. schwarz auf weiss* ('точно, однозначно, верно, комар носа не подточит').

Третий — ассоциативный — подход, по мнению Р. Шеманна, подразумевает подбор синонимических фразеологизмов для выражения некоего контекстуально-ситуативного содержания, которому пользователь не может подобрать ни конкретной тематической группы, ни фразеологических синонимов. Для этого в словаре предусмотрены варианты названий тематических подгрупп, которые Г. Шеманн понимает как архилексемы. Применение этого подхода оказывается не таким простым, например, фразеологизмы, характеризующие бесстрашного человека, помещены в поле *Kritische Lage, Gefahr, Auseinandersetzung* ('опасность') в группе *Mut: Mark in den Knochen haben, Mumm in den Knochen haben, nicht wanken und nicht weichen* и др. ('иметь порох в пороховницах').

На практике ономаσιологический, семасиологический и ассоциативный подходы объединяются, что и определяет комплексную метаязыковую концепцию словаря.

4. Г. Шеманн развивает свою концепцию в словаре контекстуального употребления идиом «*Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext*» [Schemann 2011]. Названный словарь представляет собой алфавитно упорядоченный фразеологический словарь-справочник, объемный эмпирический материал которого (33 000 лемм) составляют 55 000 примеров контекстуальных фразеопотреблений в разных типах дискурса. Словарь составлен на основе выборки фразеологизмов разного типа из произведений немецкоязычной литературы, примеров из медиадискурса, материалов фразеологических словарей (например, «*Brockhaus-Wahrig*»), примеров, придуманных самим автором (последнее не

типично для фразеографии). Отметим, что названия двух словарей Г. Шеманна различаются: в первом рассматриваются *Redensarten* ('обороты'), во втором *Redewendungen* ('устойчивые словосочетания'), но принципиальной разницы в подборе примеров нами не было замечено. Сам автор говорит в предисловии к словарю, что термины *Phrasem, Phraselogismus, phraseologische Einheit, Idiom, idiomatisch, idiomatischer Ausdruck, Redewendung* для него во многом синонимичны. Контекст в понимании Г. Шеманна многоаспектен: это и дистрибутивное окружение, и социальный контекст, и ситуативный контекст, и исторический контекст.

В метаязыковой концепции названного словаря предусмотрена развернутая система метапомет: *veraltet* ('арх.'), *veraltend* ('устаревающее'), *Neologismus* ('неолог.'), *form* ('офиц.') *ironisch* ('ирон.'), *path* ('поэт.-возвыш.'), *scherzhaft* ('шутл.'), *euphemistisch* ('эвфем.'), *selten* ('редк.'), *Märchenspr* ('сказочн.'), *Schülerspr* ('школьн. жарг.') *gesagt von Kindern* ('детск.') и др. Пометы в словаре можно объединить в следующие группы:

1. Диастратические, т. е. учитывающие употребление социально или гендерно детерминированных фразеологизмов в речи определенных социальных, возрастных или гендерных групп. Например: *Schülerspr* ('школьный жаргон') или *Kinderspr* ('детск.').

die Linse spannen ('списывать') *Schülerspr veraltend selten*

(Während einer Klassenarbeit; der Lehrer:) Heinz, wenn du jetzt nicht aufhörst, die Linse zu spannen, um bei der Ricarda abzuschreiben, muß ich dir das Heft abnehmen. Du guckst jetzt nicht mehr da rüber [Schemann 2011:493].

Löffelchen: ein Löffelchen für die Mama, eins für ... (мотивационная фраза при кормлении ребенка) *Kinderspr*:

So, Toni, jetzt haben wir nur noch wenige Löffel, dann ist die Suppe alle.

Komm', die schaffen wir auch noch. Ein Löffelchen für den Papa, eins für die Oma, eins für ... [Schemann 2011: 497].

2. Диафазические, т. е. маркирующие употребление фразеологической единицы условиями реализации коммуникативного

акта: 1) официальностью / неофициальностью обстановки; 2) степенью внимания говорящего к собственной речи; 3) статусом и ролью участников коммуникативного акта и т.п. Например, *form path veraltend selten* ('офиц. поэт.-возв. устарев. редк.'):

Anderer / fremder Leute Brot essen ('жить за чужой счет', букв. 'есть чужой хлеб') *form path veraltend selten*

Der Walter sollte endlich versuchen, selbst etwas zuwege zu bringen, statt immer nur fremder Leute Brot zu essen. Schon aus Ehrgefühl! In seinem Alter muß man für sich selbst aufkommen; da lebt man nicht mehr vom Geld anderer [Schemann 2011: 104].

3. Диатопические, т. е. маркирующие региональные и территориальные особенности фразеопотребления. Например, *Süddt* (южнонем.):

Scheuer: bereits /... in der Scheuer sein eher süddt ('упустить что-л.')

Zwei Medaillen sind schon nach dem ersten Tag in der Scheuer. Hoffentlich sind die Erwartungen des Publikums nun nicht allzu hoch gespannt, denn in diesem Rhythmus werden unsere Athleten auf keinen Fall weitere Medaillen gewinnen können [Schemann 2011: 705].

Г. Шеманн видит свой словарь как источник верной информации, как помощь пользователю, желающему удостовериться в правильности употребления идиом в определенном ситуативном контексте или в ситуации многозначности идиомы. Метаконцепция словаря контекстуального употребления немецких идиом Г. Шеманна представляет собой логическое дополнение к метаконцепции словаря фразеологических синонимов, объединяя их в оригинальный справочный комплекс по фразеопотреблению в немецком языке.

Таким образом, в нашей статье представлены краткие наблюдения над развитием метаязыковой концепции в немецкой фразеографии в диахроническом аспекте: от зачатков становления

лексикографической кодификации устойчивых словосочетаний в немецких словарях XVI века до развития особой, авторской концепций идеографических словарных комплексов в современной фразеологии немецкого языка. Дальнейшие исследования в области развития метапонятия во фразеологии могут затрагивать фиксацию фразем религиозной тематики, представленных в немецких словарях с особым типом комментария.

Библиография

Словари

Brockhaus 1980—1984 — Brockhaus Wahrig. Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden. F.A. Brockhaus Wiesbaden; Stuttgart, 1980—1984.

Der Große Fries 1556 — Der Große Fries oder Dictionarium Latinogermanicum. Dictionarium Latino-Germanicum et Dictionarium Germanico-Latinum oder Teutsch- und Lateinisches Wörterbuch. [oder:] Dictionarium bilingue: Latino-Germanicum et Germanico-Latinum. Zürich, 1556.

Die Teütsch spraach 1561 — Die Teütsch spraach. Alle wörter, namen und arten zuo reden in Hochteütscher spraach, dem ABC nach ordenlich gestellt unnd mit guotem Latein gantz fleissig unnd eigentlich vertolmetscht, dergleychen bißhär nie gesähen / Dictionarium germanicolatinum novum. Hoc est, Linguae Teutonicae, superioris praesertim, thesaurus / durch Josua Maaler Burger zuo Zürich = a Iosua Pictorio Tigurino confectus & in lucem nunc primum editus. Mit Vorrede von Conrad Gesner. Tiguri, 1561. Reprint: Hildesheim, 1971.

DWB — Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Neubearbeitung, DWB. Bd. I, XXI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dwb.bbaw.de/lexikographie/woerterbuecher/josua-maaler> (дата обращения: 29.09.2016).

GWB 1993—1995 — DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Dudenverlag. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1993—1995.

HDG 1984 — Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 3 Bde. Berlin, 1984.

Lexicon trilingue 1609 — Lexicon trilingue: Ex thesauro Roberti Stephani et dictionario Ioannis Frisii. Accesserunt quoque in usum tyronum indices duo. Cum praefatione Ioannis Sturmii. Argentorati Rihelius. 1609. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10635919_00005.html (дата обращения: 29.09.2016).

Schemann 1991 — Schemann H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Unter Mitarb. von Renate Birkenbauer. Stuttgart; Dresden, 1991.

Schemann 2011 — Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. 2. Aufl., mit vollst. überarbeiteter Einführung. Berlin, 2011.

Stieler 1691 — Stieler K. Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs oder Teutscher Sprachschatz. 3 Bde. Nürnberg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11069100_00001.html (дата обращения: 29.09.2017).

Ullstein 1969 — Köster R. Ullstein Lexikon der deutschen Sprache. Wörterbuch für Rechtschreibung, Silbentrennung, Aussprache, Bedeutungen, Synonyme, Phraseologie, Etymologie. Frankfurt, 1969.

WDG 1961—1971 — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in 6 Bde. Steinitz, W., Klappenbach R., (Hrsg.). Berlin, 1961—1971. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.woerterbuch-portal.de/suche_hilfe/wdg_biblio (дата обращения: 29.09.2017).

Научная литература

Волков, Манерова 2014 — Волков С. С., Манерова К. В. К проблеме создания авторского словаря нового типа // Филологос. Вып. 23 (4). Елец, 2014. С. 12—23.

Манерова 2015 — Манерова К. В. К вопросу метаязыковой концепции немецких авторских словарей // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.

Вып. V. Язык профессиональной коммуникации — немецкий. СПб., 2015. С. 118—127.

Манёрова 2016 — Манёрова К. В. О метаязыковой концепции немецких фразеологических словарей (на примере словарей Г. Шеманна) // Романо-германистика: сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции, 14—21 марта 2016 г., Санкт-Петербург. СПб., 2016. С. 20—26.

Слинина 2015 — Слинина Л. Я. Способы передачи специальной информации в научно-популярном тексте // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. V. Язык профессиональной коммуникации — немецкий. СПб., 2015. С. 89—104.

Филиппов 2015 — Филиппов К. А. Особенности метаязыка немецкой грамматики Иоганна Кристофа Готшеда // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. V. Язык профессиональной коммуникации — немецкий. СПб., 2015. С. 105—117.

Aspekte 2012 — Filatkina N., Kleine-Engel A., Dräger M. Aspekte der historischen Phraseologie und Phraseographie. Germanistische Bibliothek. Bd 46. Heidelberg, 2012.

Burger 1998 — Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Erich Schmidt Verlag. Berlin, 1998.

Fleischer 1982 — Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982.

Henne 2001 — Henne H. Deutsche Lexikographie und Sprachnorm im 17. und 18. Jahrhundert. In: Henne, H. (Hrsg.) Deutsche Wörterbücher des 17. und 18. Jahrhunderts. Einführung und Bibliographie. 2. Aufl. Hildesheim, 2001. S. 1—37.

Kühn 1984 — Kühn P. Pragmatische und lexikographische Beschreibung phraseologischer Einheiten: Phraseologismen und Routineformeln // Wiegand H. E. (Hrsg.) Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV, 1984. S. 175—235 (Germanische Linguistik 1—3/83).

Makensen 1973 — Makensen L. Zitate, Redensarten, Sprichwörter. Stuttgart, 1973.

Müller, Kunkel-Razum 2008 — Müller P., Kunkel-Razum K. Phraseographie des Deutschen // Phraseologie. Phraseology. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin, New York, 2008. Vol. 1. S. 939—949.

Stancheva 1999 — Stancheva D. Zum Stellenwert der Phraseologie im einsprachigen deutschen Bedeutungswörterbuch des 20. Jahrhunderts. Linguistik online 3, 2/99. URL: http://www.linguistik-online.de/2_99/stancheva.html (дата обращения: 12.01.2016).

K. Manerova. Evolution of meta-theory for codification of phraseological units in German dictionaries

The paper deals with observations on the evolution of the meta-theory for codification of German phraseological units in German dictionaries published since the end of the 16th century (“Der Große Fries”, “Die Teutsche Sprach” and others) and also with the modern author concept of the ideographic dictionary “Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten” and the dictionary of idioms usage in different types of discourse “Deutsche Idiomatik” by Hans Schemann.

А. К. Филиппов.*, К. А. Филиппов**

К вопросу о метаязыке риторических произведений М. В. Ломоносова и И. К. Готшеда

Ключевые слова: риторика, красноречие, XVIII век, М. В. Ломоносов, И. К. Готшед

В статье раскрывается содержательная взаимосвязь риторических сочинений М. В. Ломоносова с немецкой традицией риторического описания, отчетливо видимая в противопоставлении понятий риторики как теоретической дисциплины и красноречия как в большей степени практического руководства.

Риторическое наследие М. В. Ломоносова представляет собой неотъемлемую часть культурного, гуманитарного, научного, филологического дискурса России XVIII века, и датированное 1744 годом «Краткое руководство к риторике» следует рассматривать как важную веху на пути становления русской риторической и общелитературной традиции. Это небольшое по объему сочинение при жизни М. В. Ломоносова так и не вышло в свет, получив на основании отзыва Г. Ф. Миллера отрицательное заключение от Академического собрания с рекомендацией осуществить доработку текста. Тем не менее, оно легло в основу главного труда М. В. Ломоносова по теории и практике риторического искусства — «Краткого руководства к красноречию», только при жизни

* Андрей Константинович Филиппов, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры математической лингвистики СПбГУ, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: andrefili@mail.ru.

** Константин Анатольевич Филиппов, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ. Электронная почта: k-fili@mail.ru.

ученого изданного на русском языке не менее трех раз — в 1748, 1759 и 1765 годах.

Мы не склонны разделять уничижительный пафос некоторых авторов, критически отзывающихся о первом варианте риторики М. В. Ломоносова. Так, один начинающий немецкий автор считает для себя возможным дать весьма нелестную и хлесткую оценку первого опыта М. В. Ломоносова на ниве риторики:

«Lomonosovs erste Abhandlung über die Wissenschaft der Rhetorik, die „Kurze Anleitung zur Rhetorik“ als kleinen Bruder der umfassenden zweiten rhetorischen „Kurzen Anleitung zur Redekunst“ zu bezeichnen, würde das Maß tolerierbaren Schmeicheln und verträglicher Schönfärberei in jedem Falle übersteigen. Die erste Rhetorik Lomonosovs lässt sich wohl eher als uneheliches Kind — oder treffender noch: als beklagenswert missbrauchtes Versuchskaninchen der zweiten Rhetorik bezeichnen, zeichnet sie sich in Bezug auf diese doch durch ein dermaßen hohes Maß an Inkonsequenz in Struktur und Logik aus, dass man sie als nichterwähnenswert abtun müsste, gäbe es nicht ihre erwähnte große Nachfolgerin, mit deren Hilfe es möglich ist, auch dem ersten Rhetorikentwurf einiges Nennenswertes zu entlocken» [List 2003: 1]¹.

Значимость «Краткого руководства к риторике» М. В. Ломоносова как риторического исследования несомненна хотя бы потому, что оно стало первым в истории восточнославян-

¹ «Назвать первое исследование Ломоносова в области науки риторики, «Краткое руководство к риторике», младшим братом второго обширного «Краткого руководства к красноречию», означало бы в любом случае превысить меру приемлемой лести и необходимого приукрашивания. Вероятно, первую риторику Ломоносова скорее можно назвать внебрачным ребенком — или ещё точнее: жалким искаленным подопытным кроликом; в отличие от второй она характеризуется такой высокой степенью непоследовательности в структуре и логике изложения, что она не заслуживала бы упоминания, если бы не было её вышеназванной большой последовательницы, благодаря которой из первого варианта риторики можно извлечь нечто, достойное упоминания (здесь и далее перевод К. А. Филиппова).

ской словесности опытом «теоретического труда, утверждавшего некоторые основные начала литературной речи» [Ломоносов 1950—1983: 7, 793] при помощи «свода правил, которым предлагалось следовать в литературных произведениях высоких жанров» [Там же]. Что же касается «Краткого руководства к красноречию», то здесь М. В. Ломоносов, наряду с существенной переработкой теоретического материала, привел также большое количество иллюстраций, состоящих как из примеров собственного сочинения, так и из переведенных им самим на русский язык фрагментов литературных произведений множества авторитетных авторов. Таким образом, М. В. Ломоносов в своем главном риторическом сочинении глубоко осмыслил предшествующую традицию, начиная с античности; по выражению П. Е. Бухаркина, это был «фундаментальный риторический труд», созданный «не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом» [Бухаркин 2013: 47].

В нашу задачу не входит дать всеобъемлющую сравнительную характеристику двух риторических текстов М. В. Ломоносова, тем более что такую работу выполнил один из наиболее авторитетных исследователей творчества М. В. Ломоносова академик М. И. Сухомлинов [Сухомлинов 1895: 19]. Для того чтобы увидеть диалектическую, т. е. «движущуюся и развивающуюся» [Ожегов, Шведова 1999: 165] содержательную взаимосвязанность двух риторических текстов М. В. Ломоносова, нам достаточно было сопоставить названия и формулировки некоторых основных определений в трактатах Ломоносова с мнением авторитетного знатока риторики и красноречия в Германии XVIII века Иоганна Кристофа Готшета.

Научное творчество И. К. Готшета (1700—1766) охватывает самые различные сферы гуманитарного знания. Его труды по немецкой грамматике, риторике и поэтике сыграли важную роль в становлении научного дискурса в Германии XVIII века. Грамматика И. К. Готшета «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748) считалась образцом немецкой грамматики в течение многих десятилетий. Широко известны его трактаты, раскрывающие поэтический и стилистический потенциал немецкого литературного

языка, — «Grundriß zu einer vernunftmäßigen Redekunst» (1729), «Versuch einer critischen Dichtkunst vor die Deutschen» (1730), «Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römern» (1736), «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748), «Vorübungen der Beredsamkeit, zum Gebrauche der Gymnasien und größern Schulen» (1754), «Akademische Redekunst, zum Gebrauche der Vorlesungen auf hohen Schulen» (1759) и др. [Gottsched 1729, 1730, 1736, 1748, 1754].

Поэтические и риторические воззрения И. К. Готшета были хорошо известны во всей Европе. В своем автобиографическом произведении «Поэзия и правда» («Dichtung und Wahrheit») И. В. Гёте, с одной стороны, красноречиво и весьма едко отозвался об одном из наиболее популярных поэтических наставлений Готшета, а с другой стороны, лишний раз подтвердил факт известности этого текста в литературных кругах Германии того времени:

«Die Deutschen hatten nunmehr genugsam historische Kenntniss von allen Dichtarten, worinne sich die verschiedenen Nationen ausgezeichnet hatten. Von Gottsched war schon dieses Fächerwerk, welches eigentlich den inneren Begriff von Poesie zu Grunde richtet, in seiner «Kritischen Dichtkunst» ziemlich vollständig zusammengezimmert und zugleich nachgewiesen, daß auch schon deutsche Dichter mit vortrefflichen Werken alle Rubriken auszufüllen gewußt. Und so ging es denn immer fort. Jedes Jahr wurde die Kollektion ansehnlicher, aber auch jedes Jahr vertrieb eine Arbeit die andere aus dem Lokal, in dem sie bisher gegläntzt hatte»² [Goethe 1811—1814: 271].

² «Немцы понабрались богатейших исторических сведений обо всех родах поэзии, в которых преуспели разные нации. Готшеду удалось сколотить в своей «Критической поэтике» целую систему полков и полочек, по существу уничтожившую самое понятие поэзии, и заодно доказать, что и немцы уже успели заполнить эти полки образцовыми произведениями. Так оно продолжалось и впредь. Всякий год сия коллекция пополнялась, но всякий же год одна работа вытесняла другую из сферы, в которой та еще так недавно блистала».

Произведения И. К. Готшеда пользовались популярностью также в образованных кругах России конца XVIII — начала XIX века. Известный литературный критик А. Ф. Воейков в 1820 году написал по поводу поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» следующие строки:

«Желание сочетать слова, не соединяемые по своей натуре, заставит, может быть, написать: молчаливый крик, ревущее молчание; здесь молодой поэт заплатил дань огерманизованному вкусу нашего времени. Счастлив он, что его собственный вкус верен и дает себя редко обмануть! Стократно счастлив в сравнении с теми жалкими стихотворцами, которые прямо из-за букваря начали сочинять стихи и у которых и грамматика, и синтаксис, и выражения взяты из Готшедовой «Немецкой грамматики». Русский язык ужасно страдает под их пером, очинённым на манер Шиллерова» [Воейков 1820: 67—68].

М. В. Ломоносов, как известно, очень высоко оценивал научные достижения Готшеда в гуманитарной сфере. В «Проекте регламента Московских гимназий» (1755) он писал:

«§ 54. В школе первых оснований нужнейших наук, в первом и во втором классе употреблять из Волфова сокращения «Арифметику» и «Геометрию» (которые нарочно с немецкого перевести и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке.

§ 55. Немецкому языку учить по «Грамматике» Готшедовой и по «Разговорам немецким», печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других.

§ 56. Французскому языку обучать по «Грамматике» Пеплиеровой; читать и толковать в прозе «Телемака», в стихах Молиера и Расина» [Ломоносов 1950—1983: 9, 459].

Итак, полное название первой ломоносовской риторики — «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744), второй риторики — «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» (1748). В научном обиходе принято использовать более удобные сокращенные варианты названия трактатов Ломоносова: «Краткое руководство к риторике» и «Краткое руководство к красноречию».

Отечественные исследователи не могли не обратить внимание на разницу в названиях двух трактатов. В. И. Аннушкин пишет по этому поводу терминов *риторика* и *красноречие*:

«Если в 1744 г. он [Ломоносов] называет свой курс “Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия”, начиная его определением риторики, то через три года (рукопись 1747 г., первое издание 1748 г.) Ломоносов уже в названии предлагает четкое распределение терминологии, которое навсегда закрепится в русской науке: “Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки”. <...> Таким образом, риторика — это “наука”, “учение”, “правила”; красноречие — “искусство”, способность, умение “красно говорить”, но также и состав текстов словесности» [Аннушкин 2011: 12].

В замене лишь одного слова в названии трактата, а именно слова *риторика* на слово *красноречие* в известной степени можно усмотреть отражение воззрений вышеупомянутого знаменитого немецкого автора. Мы попытаемся проследить эволюцию взглядов Готшеда на соотношение риторики и красноречия, меняющееся в зависимости от цели автора и особенностей читательской аудитории. Ответ на этот вопрос мы попытаемся получить в ходе анализа других произведений немецкого автора (перечень см. выше).

В трудах Готшеда по грамматике, риторике и поэтике отчетливо прослеживается авторская позиция, в основе которой

лежит разумное объяснение фактов действительности, в том числе также и языковых феноменов. Особенно наглядно апелляция к разуму и мыслительным способностям человека при объяснении самых разных грамматических категорий представлена в § 1 первой главы второй части учебника по грамматике немецкого языка «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (II. Theil. Die Wortforschung. Das I Hauptstück. Von den verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter):

«Die Wörter einer jeden Sprache sind die Zeichen der Gedanken; und vertreten daher im Sprechen und Schreiben ihre Stelle. So vielerley Gedanken wir also haben können, so vielerley Wörter muß auch jede Sprache haben; damit man durch sie, alles, was man denket, ausdrücken und zu verstehen geben könne. Sollte es an einer Classe derselben fehlen: so würde die Sprache nicht zulänglich seyn, im täglichen Umgange, andern Menschen, seine Meynung hinreichend zu erklären, geschweige dann Wissenschaften vorzutragen»³ [Gottsched 1752: 145].

Как известно, И. К. Готшед придерживался классической традиции, согласно которой грамматика, риторика и диалектика (логика) входили в число семи свободных искусств и вместе составляли так называемый тривиум, объединявший три гуманитарные дисциплины [Филиппов 2014; Волков, Филиппов 2014]. Немецкий ученый неоднократно подчеркивает содержательную взаимосвязь между этими дисциплинами в своих произведениях. Ср.:

«Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezählet worden»⁴ [Gottsched 1752: 2];

³ «Слова любого языка — это знаки мыслей, и поэтому в речи и письме они занимают их место. Таким образом, сколь много у нас мыслей, столь много слов должно быть в каждом языке для того, чтобы благодаря им всё, о чем мы думаем, можно было выразить и сделать доступным пониманию. Если бы в языке отсутствовал хотя бы один класс слов, то невозможно было бы понятно донести свое мнение другим людям в повседневном общении, и тем более преподнести его в науках».

⁴ «Грамматика с древнейших времен причисляется к семи свободным искусствам».

«also muß man sich hauptsächlich in der Vernunft-Lehre geübt haben, damit man zum wenigsten nach ihren Regeln eine gute Beschreibung zu machen wisse»⁵ [Gottsched 1729: 18];
«Alle Wissenschaften und freye Künste sind miteinander verbunden: und derjenige wird sehr mangelhaft und unsicher von der einen reden können, von der andern gar nichts weis»⁶ [Gottsched 1759: 44].

Следование античным традициям можно увидеть не только в самих названиях, но и в построении произведений Готшета. В самом начале книги «Grundriß zu einer vernunftmäßigen Redekunst» (1729), ещё до подробного изложения своих взглядов на искусство красноречия Готшед приводит классическую схему античной риторики, включающей пять обязательных частей: *inventio* (‘изобретение’), *dispositio* (‘расположение’), *elocutio* (‘словесное выражение’), *memoria* (‘запоминание’), *pronuntiatio* (‘произнесение’). Строгое соблюдение античного канона считалось в немецкой риторике XVIII века обязательным условием успешного овладения ораторским искусством.⁷

⁵ «Таким образом, нужно действительно разбираться в философии, чтобы, следуя её правилам, по крайней мере, суметь сделать хорошее описание».

⁶ «Все науки и свободные искусства связаны между собой: и тот <оратор> очень неуверенно и с ошибками будет говорить об одной [науке], ничего не зная о другой».

⁷ Следует отметить, что М. В. Ломоносов отказался следовать этим правилам: он сократил число частей риторики до четырех в «Кратком руководстве к риторике», а затем и до трех в «Кратком руководстве к красноречию»; также он предпочел другую последовательность работы оратора над текстом (изобретение, украшение, расположение). Первое изменение можно трактовать как попытку сделать руководство применимым к составлению не только устных, но и письменных речевых произведений (и как следствие более универсальным); второе же могло быть обусловлено практическими соображениями, связанными с тем, что при работе над реальным текстом зачастую удобнее бывает вначале придать его частям словесную форму, а уже после этого определять их взаимное местоположение. Впрочем, всё это лишь предположения.

В двух первых параграфах «Grundriß zu einer vernunftmäßigen Redekunst» («Очерк разумного ораторского искусства») Готшед сразу обозначает свою позицию по поводу соотношения риторики и красноречия:

«§ 1. Die Redekunst ist nichts anders, als eine vernünftige Anleitung zur wahren Beredsamkeit. § 2. Die Beredsamkeit überhaupt nenne ich das Vermögen oder die Fertigkeit eines gelehrten Mannes, seine Zuhörer durch geschickte Vorstellungen von allem was er will, zu überreden»⁸ [Gottsched 1729: 1].

Аналогичной позиции придерживается Готшед и в учебнике по риторике «Ausführliche Redekunst», увидевшем свет в 1736 году.⁹ Именно это произведение наиболее часто упоминают исследователи как своеобразный «подстрочник» двух риторик М. В. Ломоносова [Сухомлинов 1895; Graßhoff 1961].

В самом начале учебника «Ausführliche Redekunst» Готшед проводит разделительную линию между *Redekunst* ('ораторским искусством', т.е. риторикой) и *Beredsamkeit* ('красноречием'):

«Die Redekunst, die wir hier abhandeln wollen, ist eine vernünftige Anleitung zur wahren Beredsamkeit. Griechisch wird sie Rhetorik, lateinisch die Oratorie genannt»¹⁰ [Gottsched 1736: 74].

⁸ «§ 1. Ораторское искусство — это не что иное, как разумное руководство к истинному красноречию. § 2. Красноречием вообще я называю способность или умение образованного человека посредством умелого представления убедить своих слушателей во всем, в чем он пожелает».

⁹ Следует также отметить, что различие в интерпретации *Redekunst* ('ораторского искусства') и *Beredsamkeit* ('красноречия') Готшед последовательно (правда, с некоторыми вариациями) проводит во всех без исключения своих риторических трактатах.

¹⁰ «Ораторское искусство, о котором мы хотим здесь говорить, — это разумное руководство к истинному красноречию. На греческом языке оно называется риторикой, по-латыни — ораторией».

В следующих параграфах И. К. Готшед более подробно останавливается на различиях между *риторикой* и *красноречием*:

«Man wird aus diesem allen sattsam erkennen, daß die Redekunst mit der Beredsamkeit nicht für einerley zu halten, und wie eines von dem andern unterschieden sey. Jene ist theoretisch, diese praktisch. Jene giebt die Grundlehren und Regeln der Beredsamkeit; diese aber kann man nicht anders, als durch eine lange Uebung im Schreiben und Reden erlangen»¹¹ [Gottsched 1736: 76].

Таким образом, в трудах Готшеда мы отчетливо видим противопоставление риторики как теоретической дисциплины, содержащей правила построения речевых произведений, и красноречия как более общего руководства, содержащего конкретные советы и приемы практического владения словом.

Подтверждение нашим наблюдениям мы можем получить, обратившись к одному из самых авторитетных справочников по изящным искусствам XVIII века — «Общей теории изящных искусств» Иоганна Георга Зульцера (Johann Georg Sulzer, «Allgemeine Theorie der Schönen Künste», 1774). В самом начале словарной статьи, посвященной искусству владеть словом, он представляет всё по своим местам:

«**Redekunst; Rhetorik.** Die Theorie der Beredsamkeit. Unter allen schönen Künsten ist keine, darüber mehr und umständlicher geschrieben werden, als über diese; die Alten haben allen Geheimnissen der Kunst bis auf ihre verborgensten Winkel nachgespürt: und doch bin ich lang in Verlegenheit gewesen, als ich die eigentlichen Grenzen dieser Wissenschaft zu bestimmen, und

¹¹ «Из всего этого становится понятным то, что ораторское искусство нельзя приравнять к красноречию, а также то, насколько одно следует отличать от другого. Первое искусство теоретическое, второе практическое. Первое задает основные положения и правила красноречия, второе напротив им обучает. Первое можно постичь, ни разу не подготовив или не произнеся какой-либо речи, но второго нельзя постичь иначе, чем посредством долгих упражнений в письме и речах».

das, was sie zu lehren hat, in einer natürlichen Ordnung anzuzeigen, mir vornahm»¹² [Sulzer 1771—1774: 4, 504].

Таким образом, в первых четырех словах словарной статьи из справочника Зульцера содержится лаконичный, но ёмкий ответ на вопрос о соотношении риторики и красноречия в Германии XVIII века. Эти четыре слова можно конвертировать в полноценное современное определение: «Ораторское искусство (т. е. риторика) — это теория красноречия»¹³.

Если рассмотреть под таким углом два риторических трактата М. В. Ломоносова, то можно сделать вывод, что трактовка терминов *риторика* и *красноречие* (а также соотношения между ними) в этих двух сочинениях во многом отражает вышеописанную немецкую традицию. Риторика М. В. Ломоносов в обоих текстах определяет как «науку», т. е. в первую очередь свод теоретических знаний. Ср.:

«Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речью представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить» [Ломоносов 1950—1957: 7, 23];

«Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола *ρεω*, что значит: говорю, лью или теку» [Ломоносов 1950—1957: 7, 99].

¹² «Ораторское искусство; Риторика. Теория красноречия. Среди всех изящных искусств нет ни одного, о котором написано больше и подробнее, чем об этом. Древние [авторы] проследили все таинства этого искусства вплоть до самых сокровенных уголков: и всё же я долго пребывал в затруднении, когда предпринял попытку определить собственные границы этой науки и расположить в естественном порядке то, чему она должна научить».

¹³ В более поздних немецких справочниках мы можем найти иную трактовку понятий ораторского искусства и красноречия. Так, в четвертом издании «Универсального лексикона» Г. А. Пирера, принадлежащему к середине XIX века, риторика уже не приравнивается к ораторскому искусству, а рассматривается как самостоятельное понятие и толкуется как «теория ораторского искусства» (а не красноречия) [Pierer 1857—1865: 13, 904; 14, 112].

В свою очередь, термин *красноречие*, совершенно отсутствующий в тексте «Краткого руководства к риторике», неоднократно фигурирует в «Кратком руководстве к красноречию» в сочетании со словом *искусство*, которое означало ‘умение, мастерство, приобретенное изучением, опытом’ [Сл. РЯ XVIII в.: 10, 124]:

«Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» [Ломоносов 1950—1957: 7, 91];

«Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов» [Ломоносов 1950—1957: 7, 94].

В ходе подготовки «Краткого руководства к красноречию» на базе «Краткого руководства к риторике» М. В. Ломоносов по сути в значительной мере осуществил именно переход от теоретического справочника к практическому руководству, что нашло отражение и в изменении заглавия. Не менее красноречиво, чем появление в тексте нового трактата многочисленных примеров, о его развороте в сторону практики свидетельствует и выбор авторов, фрагменты которых цитируются М. В. Ломоносовым, в частности, соотношение между упоминаниями двух крупнейших античных раторов — Квинтилиана и Цицерона. Со времен итальянского Возрождения первый из них рассматривается в первую очередь как теоретик, а второй — как практик; такое противопоставление сохраняется и в немецкой традиции, в том числе, согласно В. Мауреру, в сочинениях Филиппа Меланхтона:

«Wie die gesamte ausgehende römische Antike und das Mittelalter, so hat auch Melanchton Quintilian mit Cicero meistens in einem Atem genannt. Laurentius Valla hatte diese Gleichsetzung in einer verlorengegangenen Erstlingsschrift begründet und den von Poggio 1416 neu zugänglich gemachten Quintilian fast auswendig gelernt, ihm jedenfalls für seine Ausbildung einen maßgebenden

Einfluß zugesprochen. Seitdem ist für die italienischen Humanisten Quintilian der theoretische Lehrmeister und Cicero das praktische Vorbild der Beredsamkeit. Melanchton übernimmt diese Tradition»¹⁴ [Maurer 1996: 189].

В «Кратком руководстве к красноречию» мы находим 76 упоминаний Цицерона и лишь одно — Квинтилиана. Взятый изолированно, этот факт еще не позволяет делать далеко идущих выводов, но в ряду прочих соображений представляется еще одним свидетельством реальности противопоставления «теория — практика» в двух риторических сочинениях М. В. Ломоносова.

Подводя итог, можно констатировать существование в немецком риторическом дискурсе XVIII века устойчивой традиции, связанной с противопоставлением риторики и красноречия; первая трактуется как сугубо теоретическая дисциплина, входящая в состав второй, более общей. Перенесение этой традиции на русскую почву можно наблюдать в риторических трудах М. В. Ломоносова; оно выражается: а) в значительном расширении иллюстративной части в «Кратком руководстве к красноречию» при сохранении теоретической (что находит отражение и в смене названия трактата); б) в приводимых М. В. Ломоносовым определениях понятий *риторика* и *красноречие*; в) в выборе М. В. Ломоносовым цитируемых авторов (большое количество примеров из сочинений Цицерона при почти полном отсутствии упоминаний Квинтилиана).

¹⁴ «Как вся уходящая римская античность и средневековье, так и Меланхтон чаще всего в одном ряду называл Квинтилиана и Цицерона. Лаврентий Валла обосновал эту равнозначность в ныне утраченном первоисточнике и почти наизусть выучил Квинтилиана, вновь доступного в 1416 г. благодаря Поджо; в любом случае он признавал его значительное влияние на свое образование. С тех пор для итальянских гуманистов Квинтилиан — это наставник в теории, а Цицерон — образец практического красноречия. Меланхтон продолжает эту традицию».

Библиография

Словари

Ожегов, Шведова 1999 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. М., 1999.

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—21—. СПб., 1992—2015—.

Pierer 1857—1865 — *Pierer H. A.* (Hrsg.) Universal-Lexikon der Gegenwart und Vergangenheit, oder Neuestes Encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe. Vierte, umgearbeitete und stark vermehrte Auflage. 19 Bde. Altenburg, 1857—1865.

Sulzer 1771—1774 — *Sulzer J. G.* Allgemeine Theorie der schönen Künste: in einzeln, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden, Artikeln abgehandelt. 4 Bde. Leipzig, 1771—1774.

Источники

Воейков 1820 — *Воейков А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила, сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827 / Под общей редакцией В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 1996.

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М., Л., 1950—1983.

Goethe 1811—1814 — *Goethe J. W.* von Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. 3 Bde. Stuttgart u. Tübingen, 1811—1814.

Gottsched 1729 — *Gottsched J. Chr.* Grundriß zu einer vernunftmäßigen Redekunst: Mehrentheils nach Anleitung der alten griechen und Römer entworfen und zum Gebrauch seiner Zuhörer ans Licht gestellt. Hannover, 1729.

Gottsched 1730 — *Gottsched J. Chr.* Versuch einer critischen Dichtkunst vor die Deutschen. Leipzig, 1730.

Gottsched 1736 — *Gottsched J. Chr.* Ausführliche Redekunst, Nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer; Geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig, 1736.

Gottsched 1748 — *Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst. Leipzig, 1748.

Gottsched 1754 — *Gottsched J. Chr.* Vorübungen der Beredsamkeit, zum Gebrauche der Gymnasien und größern Schulen. Leipzig, 1754.

Gottsched 1759 — *Gottsched J. Chr.* Akademische Redekunst, zum Gebrauche der Vorlesungen auf hohen Schulen. Leipzig, 1759.

Научная литература

Аннушкин 2011 — *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. 3-е изд. М., 2011.

Бухаркин 2013 — *Бухаркин П. Е.* «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013.

Волков, Филиппов 2014 — *Волков С. С., Филиппов К. А.* М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: науч. докл. СПб., 2014.

Сухомлинов 1895 — *Ломоносов М. В.* Сочинения: с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. Т. 3. СПб., 1895.

Филиппов 2014 — *Филиппов К. А.* К вопросу о концептуальных грамматических текстах в немецком грамматическом дискурсе 18 века // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете сборник научных статей. СПб., 2014. С. 131—142.

Graßhoff 1961 — *Graßhoff H.* Lomonosov und Gottsched. Gottscheds „Ausführliche Redekunst“ und Lomonosovs „Ritorika“ // Zeitschrift für Slawistik VI/4. Berlin, 1961. S. 498—507.

List 2003 — *List M.* Lomonosovs „Kurze Anleitung zur Rhetorik“ — Ansätze einer erweiterten Rhetorikdefinition. Studienarbeit. Tübingen, 2003.

Maurer 1996 — *Maurer W.* Der junge Melanchthon zwischen Humanismus und Reformation. Studienausgabe beider Teilbände. Göttingen, 1996.

A. Filippov, K. Filippov. On M. Lomonosov's and J. Chr. Gottsched's works on rhetoric and their metalanguage

The paper studies M. Lomonosov's works on rhetoric and German oratory tradition as one of their sources. The interrelation between the former and the latter reveals itself through the repeated differentiation of rhetoric as a purely theoretical discipline and eloquence as a mostly practical guide.

Научное издание
**МАТЕРИАЛЫ МЕТАЯЗЫКОВОГО СЕМИНАРА
ИЛИ РАН**

Верстка *П. Д. Заславской*
Дизайн обложки *Е. О. Шваревой*
Корректор *Н. В. Ткачева*

Подписано в печать: 15.12.17. Формат 84 x 108 1/32
Гарнитура: Times New Roman. Усл. печ. л. 15,02.
Тираж 100 экз. Заказ 08-10.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Издательство «Геликон Плюс»
Изд. лицензия № 065684 от 19.02.98

Отпечатано в типографии издательства «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28
<http://www.helicon.ru>